

ВРЕМЕНА ГОДА

ВРЕМЕНА ГОДА В НАРОДНОМ КАЛЕНДАРЕ

Трудно, наверное, отыскать человека, которого бы не интересовал вопрос: какой будет зима, весна или осень? Хотя бы — что готовит нам погода через месяц или на будущей неделе? Ведь каждому интересно, выглянет ли завтра солнышко, и прилетят ли вскоре птицы, как об этом пророчествует народный календарь.

Все перемены в народном календаре соотнесены с именами святых, память о которых хотели сохранить среди людей церковные служители. Но обыкновенный крестьянский люд был далек от почитания недоступных для него небожителей, его, скорее, интересовал хлеб насущный, и принял он предлагаемый календарь только потому, что это был удобный способ запоминания сроков работ на земле. Ведь гораздо проще запомнить, что какое-то важное для семьи событие, может быть, свадьба дочери, произошло после Покрова, а великое дело — последний посев озими, пришлось на Семёна-летопроводца...

Святцы, или Месяцеслов, с полным обозначением на всякий день памяти святым, составляли лишь часть календаря, а сведения астрономические, по суточному и годовому обращению Земли и планет, — другую. И хоть говаривали в народе после случившегося неурожая: кто по календарю сеет, тот редко веет, и будто бы календарным теплом не угреешься, а все-таки не могли от него отречься и лишь вносили, успокоившись, новые заметки, которые в скором времени оказывались как нельзя к месту. Роспись всех дней в году, с показанием каких-либо ценных примет, что накапливались постепенно, рано или поздно оказывала крестьянину верную службу.

За каждым днем Месяцеслова веками закреплялись определенные обычаи, поверья и обряды, приметы, ритуалы и правила. Каждому дню сопутствовали свои песни и пословицы, приуроченные к нему гуляния и празднества с гаданиями, посиделки и заклинания. Каждый день Месяцеслова был осмыслен крестьянами, пережит ими в нелегких, но радостных заботах, проникнут на своем вековом протяжении постоянным духовным трудом. Месяцеслов полностью вобрал в себя взгляды народа на свою собственную жизнь и окружающую его природу.

Неграмотные крестьяне, не имея возможности вести записи, запоминали памятные для себя даты, увязывая их со святыми, которые теперь становились родными и близкими. Такие даты обрастали занятными приметами и поговорками, календарь становился истинно народным, и его уже можно было причислить к исконно крестьянскому творчеству. Постепенно и самому народу пришлось по душе наблюдать за природой, в особенности, когда завершались полевые работы, всё замирало в природе в ожидании зимы, и крестьянин, заполнив добрым урожаем свои закрома, уже мог обратить внимание на то, что совсем недавно проходило мимо...

«Примечай будни — праздники сами придут», - это правило стало обычным состоянием для человека, живущего на земле.

Отправляясь, скажем, в лес, чтобы проверить настороженные ловушки, человек взглядывал ненароком на небо, примечал, как ведут себя перед отлетом птицы, или какую траву заготавливают перед лежкой звери, и призадумывался: со временем из всего этого слагался верный прогноз. И великие святые тут были ни причём — сам крестьянин смекал из своих сравнений и вёдро, и непогодицу. Свят, как говорится, святой, да не искусен, а вот обыкновенный мужик хоть Богу и молится, но не покладая рук трудится, отчего и не упускает из окружающей его жизни ни единой мелочи.

Облака идут против ветра — к снегу. Дым из трубы столбом — к холодам. Красный огонь в печи и дрова горят с треском или вороны раскаркались всей стаей — жди морозов. Сорока летает близ жилья, лезет под стреху — подоспеет скорая вьюга. Всё имело место и смысл в гораздом до выдумок, проникательном русском народе, и народный календарь год от году становился всё более глубоким, красивым и точным. Русские люди, может быть, тем и сильны, что с большим уважением, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все времена года.

Так уж выходило, что удобнее всего можно было отмечать для себя знаки природы с поры, когда земля засыпала, то есть с зимы, которая подходит обычно издалека и незаметно. Сначала на Покров робкие снежинки белыми мухами в воздухе закружат и тотчас растают. Зима от их нежного прикосновения встрепенётся и, ахнув, в удовлетворении переворачивается на другой бок. Она еще до конца не проснулась.

Разбудить ее суждено Сергию, который инеем траву бьет, зиму долгожданную зачинает. Затем Яков Студеный белую крупицу на землю посылает, дороги с тропами остужает, светлый день укорачивает. Холод в эту пору в себе почувствуешь — гляди в оба: не застудить бы ненароком сердце да звезде своей не дать угаснуть.

А зима уже на пороге: с белого гнезда снялась, вот-вот в гости зайвится... Дай-ка, думает, я России необъятные просторы навещу, душистых пирогов ее отведаю. Всю метелями укутаю-замету, звонким инеем дыхание заморожу, чтобы не было ей со мною сладу!

За этими долгими приготовлениями многим зима ленивой казаться начинает. Вот и первый снег припорошит, что душа незнакомого: сплошные потёмки. Верить ему никак нельзя, потому как пропадет, только его и видели.

Человек к прихотям зимы привыкать уже станет, а она опять застит свет своими обещаниями. Замутит, завьюжит, вот-вот не весть куда унесет и ... отпустит. Не один раз снег на землю падет, прежде чем санный путь установится.

Но по-настоящему зима встает на ноги только с Матрены. И вот уж тогда вся лень с нее долой слетает. Пробудив всю свою силушку, гонит она на русские поля седые метели, небеса с землей равняет, белым саваном деревни и леса укрывает. Велико ее царство, никому в нем не укрыться!

По народному поверью, зима первым делом пегую кобылу запрягает, чтобы вьюгам своим дороженьку указать через осеннюю непогодицу и себя в лучшем свете представить. Да только велика матушка Русь, не одолеть ее с наскоку. Велит тогда зима запрячь кобылку белую, более выносливую, спорую и красивую... А сама не ждет, целыми верстами свою поступь меряет.

Приходит зима, и, кажется, навсегда прощается мир с теплом. И хоть всё злей завывают метели и за сердце хватает мороз, у зимы есть своя сила, и она непорочна. Зима как бы вдыхает в человека нужные слова, мысли и знания для будущих ясных дней, для новых счастливых откровений: душа должна переболеть всем тем, что зима с собой приносит.

Ведь не счесть радостных забот зимы, пока она, их переделывая, человеку надоест: кружева белые навесит, непогодицу осеннюю уберет, ветра между собою помирит и чистоту долгожданную везде наведёт. Нет, сурова русская зима, да на сказку похожа, а русский человек без сказки никак не может.

В самом своем начале зима на всё горазда: и на холод, и на бездорожную метелицу... Надо в такую пору у русской печи подольше бывать, её задушевные разговоры слушать и на пасмурное небо не сердчать. Безмолвно взглядывая при этом на грустную картину зимы в окне, так же безмолвно вспоминать свою добрую жизнь и думать, думать, думать...

С какой бы силой ни застигла тебя зима, она — хранительница жизни, даже в самую студеную ее пору. Белыми снегами она поля, леса и реки прибирает, от мороза лютого избавляет, исстрадавшейся в праведных трудах земле роздых даёт. Зверей и птиц мягкими сугробами укроет, муравьиные кучи защитит и долгого терпения всем пожелает. Никого без внимания не оставит, отнесется по-матерински сердечно и ласково. Не зря в народе о её чистых помыслах издавна сказывают и в народном календаре уделяют внимания больше, чем какому-либо другому времени года.

Но уж если вовремя не поберётся, то после Федора Студеного зима сильно осерчать может. И тогда ветры ее голодными волками в рваном беге на все живое накинутся, а робкие оттепели уступят место отчаянным холодам. Вся свита зимы на волю будет выпущена из своей далекой ледяной страны, и в голове — гнедая, самая отчаянная и сильная кобыла!

ЗИМА

Декабрь Ворота в зиму открывает несговорчивый декабрь, что тешит себя и людей снежными сугробами, наваленными ворохами заячьих шкур да удалыми морозами, которые помогают не спеша разобраться в своей жизни. Декабрь же начинает Введение. Введение пришло, говорили на Руси, зиму привело, и хотя этот народный праздник служил лишь предисловием к долгой и суровой поре, охватывающей собою все живое, по нему уже примечали, что если до Введения снег выпадет, то обязательно растает, а

ежели после Введения пойдет, то ляжет зима. На Введение, которое приходилось на четвертое декабря, раньше делались пробные выезды на санях и открывались Введенские ярмарки, где продавались всевозможные сани. Но введенские морозы зимы не ставят.

Каждое время года обладает своей мерой силы, и зима с декабрем в этом отношении — начало начал. Именно зимой человек способен обрести власть над собственными способностями, а декабрь как бы выносит тебя за границы себя самого, чтобы даровать свободу. Так хорошо укрепиться в его начале сердцем в ожидании непредсказуемости, которую он несет.

Закутавшись в медвежью шубу, декабрь наделяет неотъемлемой властью вьюги и метели, что просят у него забавы. Грозно стучат они по крышам и окнам, будят по ночам людей, заставляют подтапливать печи. И люди, с настороженной озабоченностью предвзято отчаянные утешения декабря, просят от зимы у Бога чести да радости, чтобы все шло в лад да сладость.

Не зря после Введения подступал Прокоп. Пришел, замечали, Прокоп, разрыл сугроб, по снегу ступает, дорогу копает. В этот день всем миром выходили расставлять вешки вдоль дорог от деревни до деревни, чтоб путники не сбились с пути. Считалось, что с Прокопа устанавливается хороший санный путь.

Но неразумно ждать от зимы в декабре проку, потому как ничто еще наперед неизвестно, а на разъяснения она не больно охотлива. Быть ли вскоре ростепелям или лютым холодам, и принесет ли лихозимье мор и неизлечимые болезни, никому неведомо. Сурово бросает зима вызов деревьям, животным и человеку, околдовывая у всего живого душу.

Проведя всех через себя в зиму, декабрь редко закует землю морозами, а больше оглушит снегами. И тогда ублажит уставшие за год глаза его нетронутая белизна, растечется по телу животворящим ознобом. Белый цвет народится в душе грядущим праздником чистоты и света, ожидая который, человек давно успел отчаяться и позабыться.

Спокойно и просторно становится от присутствия снежной белизны. Некоторая невнятность, размытость всего окружающего сужает видение находящегося рядом, заостряет на нем внимание и выявляет самое родное. Оттого и рождается зимний уют, когда весь мир оказывается перед твоим домом, и нет в тебе ни смятений, ни тоски. Только к весне сердце загорюет в накопившейся безвестности происходящего повсюду царства белого цвета, и захочется ему нескончаемых далей, простора и света. Пока же снег убаюкивает человеческие думы, предвосхищая в них будущие решительные поступки.

Белый цвет — это успокоение и зарождение в глубинах зимы новой жизни, поначалу лишь зыбких и неуловимых ее оттенков. Но к лету они образуются в цвета и заиграют всеми красками радуги. Игру же цвета зимой поймать трудно, почти невозможно, ибо она — переменчивое мгновение. Слово оказывается бессильно в выражении его, а картина, хотя и немного отдаленная от подлинника, не так радуется. Лучше самому утопать в этой

белизне, и тогда ее невидимые лучи, прошедшие через твое сердце, приобретут все оттенки света, разливаемого солнцем зимой, который помогает видеть, чувствовать и не устать.

А тут уж на двор и Екатерина-сенница поспевала, празднуемая в народе седьмого декабря, самое время для зимнего пути на санях, которые готовили еще с лета. Каковы, говорили, сами, таковы и сани. Обычно в этот день собирались в отъезд от хозяев вольные слуги и устраивались повсюду Екатерининские гуляния, первые катания на санях. Еще вечер на Екатерину славился гаданиями, когда девушки обращались за помощью к деревенской ворожее, а перед сном клали под подушку кусок хлеба и загадывали: какой будет суженый?

Новый снег на Екатерину всегда приносит с собой живое тепло зимы, и это сразу ухватывают ребяташки. Они оживляются, радостно утопая в навалившихся детских заботах. Словно маленькими солнышками становятся под вечер их разгоряченные лица, излучающие восторг и свежесть.

Одна за другой вырастают по дворам ледяные горки, весело голубеют закованные в панцирь склоны холмов. Весь день слышится там залиvistый смех, то и дело вспугивающий любознательных сорок, и кажется, что ни в ком не осталось безделья и скуки. Даже старики в эту пору оттаивают душой и, оставляя полаты и печи, подсаживаются поближе к светлеющим окошкам. Хорошо и покойно становится у них на душе.

Детвора резвится, наслаждаясь снегом и привольем, которое он принес. Юркие снегурки разрисовали замороженные речки и пруды, повсюду незаметно поднялись неловко улыбающиеся снежные бабы. А как зазывно повизгивают старенькие салазки, целый год без внимания к себе провисевшие в каком-нибудь темном чулане! В их голосе слышатся давно скрываемая зависть и необузданное восхищение.

По всей земле русской идет долгожданная потеха, заповедующая между тем любовь к ней и святость. Возможность хранить отчую землю дает зима сызмальства каждому, и всякий несет ее в себе по-своему. Только, может быть, не сразу уразумеет, но чувствует сердцем обязательно.

Вот уже появились первые снежные завалы, и потянулись сквозь них заботливо расчищенные дорожки. Неугомонная ребятня, утети свои не прекращая, целый день в сугробах проваливается, снег повсюду раскидает, а под утро дорожки опять ухоженные. А то завидишь, бывало, на улице сани-дровки, неизвестно чему возрадуешься и долго потом глядишь им вслед. Сани катят не медленно и не быстро, и ты вдруг ощутишь, как слетела с души какая-то тягость, долгое время не позволяющая вдохнуть полной грудью.

Снеговая заметь порошит след от березовых полозьев, похрустывают отливающие серебром ледяные сколки... Глядя на неторопливый, но верный бег лошадки, почему-то тоже пожелаешь себе с пути не сбиваться. Утвердившись в этой вере, будто начнешь погонять несуществующих лошадей, зная, что ничего с тобой не может случиться. А потом в сердцах

спохватишься: до чего чародейка-зима околдовать может — про всё, уже случившееся с тобой, посреди дороги позабудешь!

А декабрь еще и не на то горазд!.. Нежданно-негаданно ярые морозы подпустит, словно подзадоривает: живи — не тужи, бей в ладоши да пляши! Ровно нет у мужика забот более никаких, как только радоваться приходу зимы.

Но сказана она ему подобно волку на добычу, который на Егория в заступники мужику молвою избран. На что волк со своей звериной лихостью решится, то и мужик одолеет, если зиму за обычаем встретит. Правда, для этого ему надо много перетерпеть, с незавидною судьбою не смириться, а главное — в себе самом зимой не околеть.

Мудро и не спеша следует ему зиму начать жить. Хвост, подобно псу обездоленному, не поджимать и не озираться, а верить в лес, лунный свет и теплоту сугробов. Коли же навалится на душу иссушающая хвороба, надлежит на заре лицом к северному ветру встать, чтобы смёл он с души все надсады. Да еще у звезд холодных загадать верную примету и никому об этом не рассказывать. Животворная сила зимы тогда в тебя с морозцем трескучим войдет и уже до самой весны не оставит.

В старину на Руси не различали имен: Юрий, Егорий и Георгий — считались одним именем, только в разном именовании. Наши предки отмечали два Егория: один — холодный, девятого декабря, другой — голодный, приходящийся на шестое мая, и оттого меж людей велась поговорка: весной Георгий с летом, Никола — с кормом; в зиму Георгий с мостом, а Никола — с гвоздем. До Юрия, мол, бью дурня, а после Юрия — и разумного, который не запас кормов.

Кстати, до шестнадцатого века безземельным батракам разрешалось переходить от одного барина к другому только в Юрьев день, когда все полевые работы были завершены. Иван Грозный, как известно, отменил все эти переходы. Тогда и родилась поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Помимо того, что волки с Егория начинали выбираться за добычей, люди ходили слушать воду в колодцах: если тихо, вода не волнуется — зима будет теплая; послышатся звуки — жди сильных вьюг и морозов. Примечали также, что если на Егория мороз, то под кустом овес. Медведь в эту пору уже засыпал в берлоге, а что у волка было в зубах, то, говорили, Егорий дал. Ведь все звери у Егория под рукой.

В декабре обычно видятся странные сны... Всё глушь, всё снег, и будто едешь ты на сером волке верхом, ухватившись за его шею. Волк неспешно перескакивает сугробы, оставляя за собой глубокую борозду, и ты чувствуешь, как прохладна шерсть у него на загривке. Что-то неведомое дает ему силы.

Волк бежит по лунной дорожке, не опасаясь, что его кто-то нагонит. Сразу видно, что он волшебного рода: с горящими аметистовыми глазами и о

двух серебристых крылах. Тебе легко и свободно, и еще немного страшно оттого, что волк такой необычный.

Отдаваясь его спорому бегу, ты надеешься на самое лучшее. Даже не думаешь просить заступничества перед волчьей стаей, что, остерегаясь, идет по пятам. Чувствуется, что волк знаком с нею, но недостижим для обыкновенных зверей, возжелавших по-своему почтить чудесного пришельца. Он как предвестье или знак: следуйте за мной и откроете грядущее.

Но только зачем это знать волкам, которым силы в студеную пору дает теплый кусок добычи, а по душе — непрекращающийся бег. Всё им едино в этом заснеженном мире, и ведают они о себе ровно столько, сколько необходимо для их неприкаянной жизни. Но именно волк повёл тебя в декабрьском сне за собой, и это не мог сделать никто другой, потому как он живой символ самой зимы, утверждающей мудрость и страх...

А зима между тем по своим делам хлопочет, несет невидимый белый крест. Завалила всю околицу и огороды, за которые уходит желанный сердцу простор, да взялась насыпать на людей приворот, чтобы всё нажитое до зимы человек забыл, освободился и только бы ее одну теперь желал.

Человек во всё это верил и почитал. Верил, что ворожба сбывается, и коли прорубь на реке поутру прорубить — услышишь свою радость или печаль. И что, набрав в ведра воды, надобно ее прежде успокоить, чтобы с этой водой порчу в дом не занести. Для всякого спасения заговорное слово знали, которому Пресвятая Матерь Богородица учила.

Ты тоже поклонялся ей, но больше доверялся волку во снах, что приходил ночным дозором проверить: кто ты и чем жив? Он будто боялся не успеть разбудить в тебе главную силу жизни, торопился управиться до Рождества. Мятежно, но беззлобно волк рвался к порогу и, минуя красный угол, увлекал за собой... Не было сил сопротивляться его неудержимому порыву.

Так и декабрь: не заставлял себя долго ждать — день за днем справлял свои святые праздники. На Варвару, которую встречали семнадцатого декабря, ледяными иглами шубейку притачивал, на Савву, следующего сразу за ней, дорогу мостил да укатывал, а на Николу, к девятнадцатому декабря, хрустальными гвоздями ковал. До Спиридона ему немало дел следовало устроить, и оттого декабрь сильно осерчать мог.

Уверенной поступью меж домов пройтись, крыши кое-где подлатать, снежком подоткнуть — это декабрю за радость. Не терпит он в своем царстве беспорядка, без устали укутывает снегом человеческое жильё и землю. Но больше всего первенец зимы на крыше избы посидеть любит, у трубы пение русской печи послушать.

Дух берестяной в себя вдыхая, он, должно быть, сладкие думы при том переживает. Хочется ему у человека в гостях побывать, за одним столом с ним посидеть да пирогов его душистых отведать. Чудный огонь в печи манит декабрь и в то же время страх у него вызывает. Оттого он себе покою найти

не может: изнемогает в тоске вынужденного одиночества, воеет, пуржит. Заблаговременно приготовившемуся к зиме человеку его завывания забавны, он отчаянные стенания зимы горячим борщом встречает, родных и друзей пирогами потчует.

Декабрь всё это в замороженных окошках высматривает, и от этого ему еще обиднее становится. А человек про зиму не забывает и будущими праздниками ее живет, к ним готовится, чтобы вечера святые достойно встретить, тайну рождественскую, сокровенную, через весь год в себе пронести.

Между тем, и по Варваре, и по Савве люди добрые и верные приметы слагали: на день Саввы, к примеру, зима реки засалит, а Варвара ночи урвёт и дни приточит. Еще смотрели, как ведет себя в эту пору дым: идет столбом — к морозу, волоком — к ненастью, когда же его без ветра бьет к земле — жди снега. На Савву даже нельзя было ругаться тому хозяину, у которого есть лошадь.

А вот Никола зимний олицетворял собой Николая Чудотворца, который был самым любимым крестьянским святым. Его в народе очень почитали, и оттого повелась пословица, что благому чудотворцу Николаю два праздника в году: Никола зимний — девятнадцатого декабря и Никола весенний — двадцать второго мая, а Касьяну немилостивому — один в четыре года. Во многих местах на Руси по нескольку дней кряду справлялась Никольщина — вскладчину, с пивом и брагой из зерна нового урожая. Молодежь в Никольщине не участвовала: это был праздник стариков и их старших сыновей. К ним съезжались ближайшие родственники, а тех, кто отказывался от складчины и уклонялся от празднования, изводили насмешками целый год. Недаром в Николин день во всяком доме водилось пиво, и если никольскую брагу пили, то за никольское похмелье били. На Никольщину, утверждали в народе, и друга зови, и недруга.

Еще с Николина дня начиналось сватовство, служили молебны те, кто задумывал жениться или женить детей. Хорошую невесту, замечали особо мудрые острословы, и на печи найдут, свату же — первая чарка и первая палка: мол, не заламывай рябинку не вызревшу, не сватай девку не вызнавши, ведь доброю женою и муж честен.

Ну, а уж то, что по Николину дню загадывали погоду и урожай, так это было за обычай! Какой день на Николу зимнего, такой и на Николу летнего. Первые серьезные морозы — никольские. Иней на Николу сулил к урожаю, а никольский обоз для боярской казны считался дороже золота. Вот и зиму хвалили только после Николина дня.

Женщины русские с особым усердием предстоящие таинства зимы ожидали. Синими вечерами принимались за неторопливое рукоделие, обновки себе необыкновенные ладили, чтобы в них перед суженым покрасоваться. Сама зима им рисунки диковинные подсказывала, по серебряному полю иглою волшебною вода, на окнах узоры расписные оставляя.

За этими приятными для них занятиями надо было остерегаться сглаза и порчи, на которые горазды черные силы зимою. Светлый же декабрьский день мог обижаться и негодовать только по своему добродушию. Потому девки в эти вечера нить шелковую вокруг запястья обвивали, а старшие их от разных напастей оберегали, к осмотрительности приучали.

Без неё под конец декабря никак было не обойтись: на землю напозлали самые темные и длинные ночи, слывшие в народе недобрыми: вся нечистая сила вместе с ведьмами да упырями над белым светом куражилась, с угасающим солнцем осатанело тягаясь. Люди по домам доброго света прибавляли и еще чаще к Господу обращались: просили солнце поскорее на землю сойти, разогнать нечистые силы. И вот подступает долгожданное двадцать пятое декабря — Спиридон-солнцеворот, когда умершее солнце от дурного сна освобождается, темные пути с себя сбрасывает. Взойдя над землей во всей своей красе, солнце людям улыбается и радость несет, словно призывает ласково: все выходите мои лучи светозарные встречать, и я повернусь для вас ликом на лето. В народе замечали: солнце на лето, зима на мороз, ночи на убыль, дни на подрост! После солнцеворота хоть на воробьиный скок да прибудет день.

В народе солнце воспринимали как бережную силу, готовились к его приходу, пекли круглый хлеб. Под воскресшее солнце загадывали о домашнем очаге, о сохранении доброго духа в доме и боготворили его, желая поскорее разгореться и окрепнуть. Даже медведь в этот день поворачивался в берлоге на другой бок и засыпал еще более крепко и сладко уже до самой весны.

С утра в этот день выходили в сад и отряхивали яблони, так как снежная куржавина могла обломать ветки деревьев, и приговаривали: «Спиридоньев день, подымайся вверх!» Старые люди в приговор верили крепче нашего, оттого и сопровождали им любую работу, которая без доброго поверья ничего не стоила. Ведь без сказки, говорили на Руси, и правда не стоит.

А наверху вихри снежные неистово наседали, стараясь, изо всех сил, солнце красное замести, чтобы всю зиму оно в чертогах неведомых почивало, не заботясь о роде людском. Голодная стужа опять безжалостно на все живое наваливалась, вызывая за собой перекинувшихся в зловещих волков оборотней. Оборотни вместе с вьюгой по занесенным дорогам и деревням остервенело мечутся, редких путников поджидают. Всё им нипочем в это проклятое время, когда и птица на лету замерзает.

В народе издавна сказ идет, что в самую тьму ночную и непроглядную снежную заметь выбирается такой ведун в лес, перекидывается через старый осиновый пенёк и превращается в волка. Всю ночь он неуязвимостью и нахальством своим потешается, безжалостно людям сердца выедаёт, а под утро оборачивается вновь в человека и ведет жизнь незаметную, праведную. Ни за что не распознать изворотливое обличье злыдня, коли только не решишься в полночь проследить за ним да воткнуть в тот осиновый пенёк нож булатный, - оборотень до скончания века своего останется зверем,

рыскающим по лесу. Но только тогда не переходи ему дорогу, не искушай злую судьбу.

Это не тот волк, которого люди пророчили вместе с медведем, жидом и девкой с полными ведрами к доброй встрече. Не дай Бог помянешь его про себя, а он уже тут как тут. Вот когда придется выть тебе по-звериному за свой недогляд и простоту, как никто понимая поговорку — верь волчьим слезам... Обратню же доверять можно только убитому.

Недаром между людьми опрокидывающиеся сани, телегу или какой кузов оборотнями звали. Своенравный декабрь вместе с народной молвой о зловещем ведуне-волке исподволь зиму поторапливали, скорого ее разрешения желали. Перед самым Новым годом за деревней костры жаркие разжигали да снежных баб в огонь бросали, чтобы отступала темь зимняя от человеческого жилья, а жизнь добрая на свет поворачивала.

Декабрь, говорили, старый год кончает, новому — дорожку новым счастьем стелет. Виделся он людям могучим деревом, на нем двенадцать гнезд, в каждом гнезде по четыре яйца, в каждом яйце по семи цыплят... От того, как зиму встречали да проживали, будущее благополучие зависело. Декабрь же всему живому головой был и потому слыл в году хозяином.

Январь Истинно зима начиналась с Новогодья. К этому времени она прочно утверждалась и заводила промеж людей много занятных обычаев. Так в новогоднюю ночь от каждого дома приносили на красное место за деревней по снопу хлебов, обвязывали праздничным льняным полотенцем и оставляли до утра. А потом сходились и глядели: чей сноп снегом больше укроется, у того и летом в достатке уродится.

Девушки старались в первый день Нового года одеться как можно наряднее и переодевались несколько раз, чтобы у них в году было больше обнов. В Новый год первому покупателю отдавали товар за дешевую цену, ибо «дорог почин». Не следовало в Новый год платить долгов — весь год будешь расплачиваться, а соседи, родственники и дети ходили из дома в дом под видом «сеятелей»: бросали горсть зерна в красный угол и поздравляли хозяев, желая здоровья да урожая. В благодарность хозяева должны были угостить засевальщиков.

Нечистая сила, изрядно напуганная приходом Спиридона-солнцеворота, с нового года из-под коряг лесных вылезала, чтобы свои последние потехи учинить. Во всякую оставленную на столе плоску могла она вселиться, и как только хлебнешь из нее водицы, начнет тебя гнести немощь неизлечимая да хвороба. Никак нельзя было в эту пору оставлять на столе посуду неприкрытой. Если же по забывчивости закутишься и не убережешься, следовало слова стародавние заговорные произнести, всякую нежить и мороки из дому без оглядки выпроводить.

Хуже того было ввечеру нож без присмотра оставить. Темная сила тотчас в него вселялась и начинала так бесноваться, что у малого дитяти живот болеть не унимался, пока нож не убирали, заговаривая его от порчи,

рези и невольных стенаний. Сказочный страх перед этой силой занимал воображение всех, от мала до велика. А она будто еще пуще выходила из себя. Так и норвила поближе к жилью человека пробраться, схорониться под крыльцом или в сенцах, а то и в печную трубу завалиться. Только на любой жизненный час имел народ против нее ответное слово, которое белый свет прибавляло да долгий век обещало.

Не было на Руси такой деревни, чтобы не жила в ней бабка-ворожея, к которой тайно шли погадать на скорую судьбу пар ни и девки. В обыденные дни ее как будто не примечали, старались стороной обойти, в глаза не смотреть, но с начала января каждый стремился свое грядущее узнать. Тут уж про всякий страх забывали, с горем и болью в ее магическую ворожбу отдавались и не переставая кланялись. Велика была в эту темную пору ее тайная власть...

Но тем и чудесны оказывались новогодние вечера, что можно было без помощи ворожеи в будущее заглянуть. Для этого в неглубокую миску воду наливали да уговаривали ее не блажить, не шуметь, через края не литься и всё как есть обсказать. Затем посудину несли на улицу, ставили под холодным небом у крыльца и рано утром глядели, как замерзнет в ней за ночь вода. Если лед застывал ровно — такой и жизнь обещала быть, поднимался буграми — горе попеременно со счастьем пророчил, а замерзал воронкой — ущербом опалял. Лишь горка в плошке добрый год сулила.

Еще под новый год был обычай опутывать ноги у стола, за которым в праздничный вечер все друзья и родные собирались. Чтобы их беда в будущем году не разлучила да по свету не разметала. Оттого и повелось на Руси между своих родных в этот праздник хлеб-соль делить и совет держать. Ясным золотом над ними зимняя ночь спину выгибала, черным соболем укутывала. И рождался из нее необыкновенный первенец года — январь-просинец. В прозрачную синь он реки и озера выстуживал, голубою стынью кружева на окнах навешивал. Синевой была подернута его заснеженная равнина...

Январь силу народившемуся году закалял, в морозах трескучих ее выпестовывал. Славен он был сызмальства в народе смелостью и отвагой, завещая братьям своим и далее не робеть, людям на миру правду не переставая искать. Бодрости и удалства молодецкого ему было не занимать: о нескольких ногах вокруг изб скачет, в окна то и дело стучит да красный огонь в печи, что было сил, раздувает. Хоть от задора такого умри, но с места не сходи.

Уголья, вроде как, сами на загнетке разгораются, — до того бывает крепок мороз в январе. Дым из печной трубы идет столбом — ярый мороз за окном. В этакую пору и хлеб у хозяйшки лучше подрумянивается, выходит слаще и ароматнее.

В обычаях старины повелось жить в особом ладу с январем да вести хозяйство слаженно. А это подразумевало великую ответственность перед своим родом и семьей, чтобы поддерживать между людьми любовь друг к

другу, к лесу, к зиме... И еще - к закованной на время, но не смиряющейся жизни.

Боль, зароненная в сердце ледяным январем, должна была стать общей. Залихватский восторг, вдруг пробудившийся в тебе от переполняющей природу силы, неминуемо бы охватывал своим ладом и всех близких. Поживи да потужи не за себя одного — не сочтешь потом отрады. Январь же только подзадоривает!

Дом всё это чувствовал, слышал, жил зимними заботами своих хозяев. Вместе с ними радовался и кручинился, преодолевал неладное. Хозяева любили его и бережно относились к нему, охраняя от неведомой силы. Верили, что не заступит беда в дом, если вклинить в порог точеный топор, тем самым оберегая домочадцев и быт.

Морозы с метелями уже очереди своей не ждут, знай, накручивают сугробы под самые крыши. А коли снег велик — будут колосистым колос, зернистым зерно. Крестьянину требовалось немалое терпение, чтобы все это пережить, встретив следующую зиму с полными коробами и сусеками. На этом зиждилось его богатство, потому как хлебные запасы нужды не терпят.

От того, как хозяин доглядывал за ними гиблой порой, зависел достаток в доме. Надобно было вовремя зерно деревянной лопаткой в ларе пошевелить, чтобы оно жару не дало или, на худой конец, мыши не завелись. Без Божьего оберега тут было не обойтись, потому как нечистая сила могла утоптать хлеб, забрав в себя его всхожую силу.

Даже входя в дом и желая хозяевам удачи, говорили с порога: «Спорынья в квашню!» Те на доброе приветствие в свою очередь отвечали: «Сто рублей вам в мошну!» Спорынья была дороже богатства: в ней и бедный проживал, а отсутствие ее и богатого губило.

Но чтобы в достатке грядущий год провести, самое время было мать землю, родительницу всего живого, помянуть. За неторопливой домашней работой, когда за окнами зима вовсю разгуляется, славили её по чести, душу живым теплом полня. Заповедь старикову при этом не забывали: «Держись за мать сыру землю, от которой сам Господь повелел кормиться!»

Заморозил ее январь, застудил, куда как долго еще до плодородия! Но разрешиться от бремени суждено было на сей раз женщине — хранительнице очага. Для нее в дому вышивали узорчатое полотно, раскрывающее белый свет новорожденному, так что ребенок выходил из бабьего чрева легко, и ничто не препятствовало его появлению. Сила добра, идущая от самой земли и сопутствующая продолжению человеческого рода, переходила роженицам: подступал праздник повивальных бабок и рожениц — Бабы каши.

Никто в деревнях лучше стариков не знал давние обычаи и своё дело. Бабканье, радеющее за легкие родины, веками укоренялось меж людьми добрым словом и молитвами, а с наступлением святых вечеров сряжалось на бабы каши, когда полагалось навестить бабу-повитуху с теми детьми, которых она в свое время приняла. Под этот праздник бабке требовалось особо угодить, потчуй ее пирогами да водочкой, после чего та рассаживала

всех по лавочкам и выставляла горшок с кашей. Сдобренная ее добрыми уговорами да руками каша эта семью любую как бы скрепляла, и от этого высылся незаметно и крепчал русский народ.

«Бог с милостью, а бабка с руками»,— говорили на деревне, тем самым отводя достойное место повитухе. Ее умение приносило легкие роды и помогало бесплодным. Попу что: окрестил — и с плеч долой, а вот сделать, чтобы дитячко выросло крепким и счастливым, могла только бабка. Праздника краше бабкины каши!

Только что появившееся дитя заботливо обтирали полотенцем в душистом пару, очищающие слова приговаривали: от худобы и сухоты, во имя спокойствия великого. А потом ему бабка колыбельную тихо напевала, злые чары разгоняла. Сладкими казались сказки под завывание январской вьюги, сладкими да безбрежными, младенцу на здоровьице и крепкий сон.

И к земле, и к дому, и к роженицам с детьми благоволила зима и, конечно, не могла не уберечь скотину. Для всякого живущего она предполагала доброту и здоровье. А кто как не животные предупреждали людей о погоде?.. Лишний раз подстелить корове, навести поило коню, задать корму птице было человеку главной заботой, чтобы от них прознать о готовящейся доле: стуже ли быть на дворе, ветер ли сырой скоро залютует или метель налетит... Оттого и полагалось им во все времена должное почтение.

В уходе за домашними животными и сам человек оживал. Ходить да убирать за ними значило лени одурманивающей не поддаваться, тенёту сонную с души стряхнуть. За этими делами не по плечу было темным силам зимы околдовать человека своим притворным коварством.

В народе издавна подмечали, что коли станет хуже некуда, так и пойдет на лад. Для того и праздники всю зиму один за другим встречали да провожали,— они скучать не давали. Так незаметно подходили Святые вечера, которые обозначали человеку верный путь, открывая собой двухнедельные новогодние празднества — Святки. Первая неделя Святков, с Рождества до Васильева вечера, называлась Святые вечера, а вторая, от Василия Щедрого вечера до Крещения,— Страшные.

Что есть Святки? Это веселое колядование и ряжение, славильщики со звездой и вертепом, тысячи песен и игрищ... А еще посиделки с гаданиями, что предвещают богатство или бедность, свадьбу или вечное девичество, разлуку или свидание. И конечно, множество поверий и примет: темные Святки — молочные коровы, светлые Святки — ноские куры; будешь же делать клубок святочной пряжи туже — тугими будут капустные кочаны... Словом, Святки сводились к одному: к плодородию земли, скота и всего доброго люда.

Вечер и ночь накануне Рождества Христова — это Сочельник, в народе его еще называли Кутейником, так как полагалось на него готовить кутью. Но главным блюдом были сочни — пресные, тонкие лепешки с кашей, сметаной или творогом. Ужину в Рождественский сочельник придавалось

большое значение: избу тщательно убирали, стол застилали чистой скатертью, ели в торжественном и строгом молчании. При этом крестьяне заставляли ребятишек залезать под стол и «цыкать» там цыпленком, чтобы хорошо водились куры.

Первый блин в Сочельник доставался овцам, в эту ночь скот обычно кормили обильно. На снятых дверях жгли костры, полагая, что усопшие родители приходят обогреться и от этого огня пшеница народится ярая. Все деревья в садах обвязывали соломенным «перевяслом», чтобы они хорошо родили, а в душе с нетерпением ожидали Рождества...

В деревнях между домами тишина и холод, и только окна горят живым теплом. Там, за окнами, вдумчивая людская озабоченность и доброта. Пламя свечи изредка вздрагивает в мутноватом стекле, уютно потрескивают в печке дрова, а сердце ровно бьется в груди для дальнейшей жизни. И вот уже дивный сон наваливается и слипаются веки... И тогда всплывает посреди зимы ее самая волшебная сказка — Рождество...

...Выйдешь, бывало, в рождественский вечер на крыльцо — аж резанет, обожжет морозом! Звезды в напружиненном небе так и блещут разноцветными камнями, вспыхивают в вышине, словно живые. Будто звон от них идет хрустальный или чистое серебро играет. Если долго смотреть на небо, то начнет казаться: звонят ко всенощной.

Вдоль дороги — горы, сугробы, а между ними тени густые копошатся. От дома синенькой ниткой тропка тугая тянется, повизгивает под валенками тонко-тонко. Березы сонными видениями в снегу по пояс застыли, всему происходящему тихо радуются, сопереживают. Воздух будто дымит звездной пылью, дыхание до боли спирает!

Ресницы, осыпанные блеском, смерзлись, и во всем теле удивительная приподнятость, бодрость. Так и полетел бы прямо сейчас, не откладывая, в морозно сверкающую вышину. И не боишься, что сердце превратится в ледышку. На душе тепло от счастья, празднично...

Плывёт кругом рождественское сияние, не утихает! Мечты одна другую перегоняют, в звенящую тишину тянутся. От ожидания - сбудутся ли, жутко и радостно. А что если самое сокровенное загадать, будет ли тебе услада?!

Святой вечер, необыкновенное настроение... Окна в домах совсем замерзли, тихо поблескивают оранжевым теплом и уютом. Где-то там, в уголке, темнеет отогретая с мороза ёлка... Расправила густые лапы, дышит хвойной чащей... Пунцовые шары слабо прокручиваются на нитках, отсвечивая замысловатыми узорами, притягивают к себе нескончаемой сказкой...

В такой вечер всех тянет из дома на мороз, под звезды, а с мороза — к ёлке, где яблоки всегда пахнут снегом. Мороз за окнами крепчает, небо в выстуженном инее, и под ногами прохожих хрустят ломкие ледышки. А дома тепло: стреляет изредка печка, скачут по ней загадочные тени. Как тут не простишь зиме ее метели, глухоту и мрак?!

Неторопливо и сладко длится рождественский вечер, и кажется, не будет ему конца... В такой вечер всё представляется не рассказанным, и это хочется передать. Спокойно, мудро, никуда не торопясь. Все сказки, должно быть, родились в эту волшебную пору — в Рождество.

Пять раз в году солнце играет, и впервые это происходит на Рождество. Красное, большое, оно разливает ласково свой живительный свет: мол, не обессудь, морозец! А народ радуется, на него глядя, Христа Спасителя величает и всех с праздником поздравляет! Как тут не возжелаешь о богатстве в грядущем!

Январь его уже в приметах пророчит, которые не к случаю сказывали, а ко дню прикладывали. Метель рождественская добрый пчелиный рой обещала, иней — урожай на хлеб, а звездная ночь — ягод с болота по осени не уволочь... Всё небесное оборачивалось на деле земным и желанным, питающим род людской.

Надежно укутанная снегом земля слышала в эти дни особенно чутко: нельзя было солгать, не очутившись в ее холодных чертогах. А солнце наверху так и играло, гнало нечисть лохматую в глубокие щели, от чего сила темная становилась махонькой, неприметной... Перемётывалась с улицы, околевая, в дом, норовя в дальних углах схорониться или в подпечье. Добрая хозяйюшка на этот случай еще загодя веники приготавливала, а со святых вечеров выметать ее начинала.

Мужики на Рождество надевали новые рубахи, а то — жди неурожая. И охотиться им в эту пору на зверей и птиц было заказано, иначе — грех: с охотником обязательно несчастье случится. А еще было нехорошо, коли на Рождество войдет в избу чужая женщина — в той избе весь год будут болеть бабы. Верным считалось для большого приплода ягнят дожидаться первого гостя, пришедшего «славить» в день Рождества Христова, и посадить его на шубу.

Так, за благими святочными делами да приятными заботами приваживали дорогой для крестьянина Васильев вечер, что приходится на четырнадцатое января. Сошедший на землю в ночь, разделяющую Святочные и Страшные вечера, веселый бог плодородия со своим потешным окружением ехал на поросенке между встречающими его, в ответ на приветствие головы хозяев зерном обсыпал и приговаривал: «Новое счастье уродись, с добрым хлебом поднимись!» Потому полагалось в этот вечер ставить голову поросенка на стол и верить, что Василий зимний ее освятит. Деревенские люди про то свои земные слова имели, зная, что у Бога нет ничего нечистого, и, знай, приговаривали: «Свинку да боровка для Васильева вечерка!»

В такую пору просыпается в сердце желание выйти из дому и щедрым голосом открыться душой всему свету, обещая добрым людям сытую зиму, ясную весну, раздольное лето! На дворе крупными хлопьями валит снег на счастье и благополучие, радостные лица рдеют здоровым румянцем и шуткой. А другие еще вырежут личину из бересты, вымажут её кто сажей,

кто свеклой, и айда по крестьянским дворам подглядывать, кто как живет. Тут уж успевай засветло двери прикрыть: ряженные идут!

По ним чудесное зимнее время как никакое другое запоминалось, люди с затаенным страхом пытались под маской узнать друг друга и становились при этом по-детски счастливыми. Несмотря на творящуюся по вечерам на улице беспутницу и несусветный лик, ряженные славились в народе гонителями порчи и охранителями здоровья. Рыком и хохотом запутывали они нечистую силу, изводили ее из деревни, и никто на шутки ряженных никогда не обижался.

Ближе к Страшным вечерам старые люди советовали выставлять за деревни колья, что ведунов и ведьм отпугивают, к избам не пускают. Хозяева приходили туда и повязывали на колья тряпицы, каждый про себя желание сокровенное загадывая. Старики же к тому времени из постелей своих натрясали под колья соломы и поджигали, чтобы в пепел обратились все мытарства людские, неурожай и недуги.

Но у нечистой силы свой праздник, ибо кончаются Святые вечера, и потому в ночь после Васильева вечера вся нежить - тут как тут: бесы и ведьмаки, колдуньи и домовые, луканьки и недобрики, нелёгкие с кикиморами, отяпы и окаяшки, анчутки беспятые, и так до самого Сатаны — все собираются в эту ночь на Лысую гору и, чтобы не было видно ни с земли, ни с небес этого великого беснования, крадут с неба луну и прячут ее до утра... Только звездочки рябят в черной вышине, но и их черти норовят с неба украсть, все дороги на земле перемесить. Именно в это время ударяют крепкие морозы, и пошли по свету виноватых искать двенадцать злых сестер: Лихорадка и Лихоманка, Трясуха и Гнетуха, Кумоха и Китюха, Желтуха, Бледнуха, Знобуха, Трепуха да Ломовая с Маяльницей... В иных местностях на Руси подобных лихоманок насчитывали не двенадцать, а семьдесят семь, и называли их по-другому, но суть та же: нечистая сила несла болячки, и от них надо было оборонить всех, от старого до малого.

И как только хватало сил добрым людям управляться в течение зимы со всей этой порченной немочью, что норовила почернее сглазить их жизнь?! К самой середине зимы лихоманка куролапая по избам пробегала, бабам стряпню наводит мешала: на хлеб гнёт наложит, из печи тепло вытравит да жжет сердце горечью своей. Или возьмет и напустит по всей деревне куриную слепоту, так что куры потом три года нестись не могут. Сохнет после нее все молодое и здоровое, безвозвратно хиреет.

Торопились тогда сердобольные хозяйки нечисть хитроумную угольями запугать. Пышущие еще жаром головешки собирали из печи в ведро и несли на двор, чтобы добавить туда для дыма навозу. После этого окуривали птичник, изводя всю гниль хворую, а мелкие уголёчки вываливались в снег, недовольно шипели в зимней утробе. Зима благодушно наблюдала за каждодневными заботами человека и, наверное, любила его со всей строгостью отпущенной ей силы.

Да и как было не любить русского человека, если в неутомимости своей он душу добрую оберегал. Всей радости он видел вперемежку с горечью, да и то ненароком, на миг, вот в такие праздники, но, увидев однажды, запоминал надолго и нес с собой через всю жизнь. Великие стремления его не одолевали, поскольку сам он был велик в простоте и незаметности изо дня в день совершаемого.

Но и у него терпение переводилось от того, как сила темная его всю зиму мытарил, добро со злом мешала, любовь с души скатывала. То она собакой шелудивой к дому прибьется и черным вороном на крыльце обернется, то непутевым чертом объявится да стонет так, что сердце той тоской разрывает. Вселяя в человека тягостные сомнения, темная сила, не подозревая того, сама себе судьбу лихую выбирала...

Собирались мужики ввечеру с топорами да кольями гнать набедокурившего черта из деревни. Тулупы наизнанку надевали, чтобы черта того распознать в чужом обличье, и с зажженными огнями по дворам ходили, нечисть вызывали. На том месте, где черта застигали, разводили костер и прыгали через него, оберегая тем самым свое здоровье. Вот где начинались потеха и веселье, за которыми отходил душой мужик от бесконечных забот и работы.

За всем этим выходил зимним Святкам срок, и завершало их девятнадцатого января Крещение. Вместе с Рождеством оно приобретало в глубине зимы красивый и даже какой-то зачарованный смысл. Само слово — «крещение», таило в себе что-то особенное, необыкновенное.

Ещё этот праздник в старину называли Богоявлением, потому что при крещении Господа явилась миру Пресвятая Троица. Бог возглашал с небес о Сыне, Сын крестился от Святого Предтечи Господня Иоанна, и Дух Святой сошел на Сына в виде голубя. Оттого Богоявлением и называется не тот день, в который Господь родился, а тот, в который крестился и освятил естество вод в присутствии пророка Иоанна Крестителя в священной реке Иордан.

Главное событие Крещения — Водосвятие, для чего в одном из водоемов на издавна установленном месте вырубалась прорубь — Иордань. Торжественный крестный ход, молебен и святая вода — все это было полно для христианина особенного значения. Для него не подлежало сомнению, что сама прорубь и место вокруг нее обладают чудесной силой. В День Крещения, после молебна на реке, купались в ней раздетые: и для того, чтобы омыться освященной водой, и для того, чтобы излечиться от болезней, очиститься от грехов. После Водосвятия обычно втыкали в прорубь палку, чтобы плодились пчелы.

Утверждали, будто в полночь на Крещение чаша с водой сама колыхнуться может, если Господа своего узришь, а перед заутреней небо открывается, и то, о чем ему помолишься, то сбудется. Крещенский снег кропили водою — для беленья холстов и от разных недугов. А еще с Крещением было связано много добрых примет и поверий...

Примечали издавна, что коли в Крещение собаки много лают, будет в достатке зверя и дичи. Синие облака в полдень пророчили богатые урожаи, крещенские же яркие звезды — белых ярок. И только в одном всё настоящее и зимнее оборачивалось неожиданным несогласием: ясный, солнечный день порождал грядущие недороды...

После Крещения, на двадцать первое января, в народе принято было встречать Емельянов день, в который угощали кума с кумой, ибо считалось, что это приносит здоровье детям. Кум и кума, приходя в позванный дом, приносят в подарок кусок мыла и полотенце, а вручая их, говорят: «Вот тебе, кума, мыльце да белое белильце для крестника». Использовать подарки надо было при первом же купании ребенка.

Именно на Емельяна-перезимника возникла поговорка: «Мели, Емеля, твоя неделя». Произошла она от обычая в долгие зимние вечера рассказывать сказки и истории. «Твоя неделя» — значит, неделя, на которую приходится Емельянов день.

В эту пору устраивались также смотрины и венчания — предвестники свадеб. Обремененному делами деревенскому человеку лучшего для них времени, чем зима, было не найти. Те, к кому не приехали сваты или кто не выбрал невесту, начинали беспокоиться, теряя надежду до Масленицы сыграть свадьбу. Тем же, кто обретал суженого или суженую, на Ивана-бражника требовалось запить только что сложенное счастье, дабы не пролились понапрасну девичьи слезы.

Все эти добрые завоевания зимы и людей закрепляли в самом конце месяца, тридцать первого января, Афанасий да Кирилл, которые забирают за рыло: наступали знаменитые афанасьевские морозы. Пришел Афанасий-ломанос, шутили в народе, береги щеки и нос, ибо в такой мороз и старик вприпрыжку бежит. Но между тем замечали, как ведут себя месяц и солнце: на Афанасия месяц на восходе играет — к урожаю, чистое солнце в полдень предвещало раннюю весну.

Отведя напоследок душу в крепкие афанасьевские морозы, зима постепенно успокаивалась, перевалив через еле угадываемый раздел. Она уже достаточно укоренилась за январь, закаленная крещенскими морозами, что лютуют по заснеженной земле уже не один день. Давно открытые в зиму ворота незаметно для людей запахнулись, ни у кого не оставив в душе смутных сомнений в том, что зима может передумать. Зима неторопливо смекала свои дремотные думы, храня величавый покой.

Февраль В феврале люди уже молились каждодневно набирающему силу солнцу, которое тоже любовно обожествляли. Весь январь люди противились худым следам, что оставляла за собой зимняя тьма, но, при том, не ожесточились и не иссякли душой. Неведомые силы молитвами, обрядовыми песнями и заговорами были изгнаны с родного порога, выпровожены из деревни, и крестьянский быт обогрела всё больше русская печка, дающая необходимую снедь и теплый избяной дух.

Печка для селянина всегда была мать родная, и именно с нее загадывали о предстоящих временах года: в печурке три чурки, три гуся, три утки и три тетерева... С печным теплом в дорогу не ездили, но и одно воспоминание о печи грело душу так, словно у самой печи погрелся. И по летам, и по годам в зиму было одно место — печь, на которой лежать-зимовать! О сладости снов, которые переживали на ней долгими зимними ночами, лучше всех знала бабка, что летела с печи да успела передумать при этом семьдесят семь дум.

Но, конечно, не сама печь кормила, а работающие женские руки. У доброй хозяйки и ковши не дремлют, и квашня не пустует, а если уж она начнет печь топить, то знает, как избу нагреть и жару из нее не упустить. Хлеб из таких рук выходил под стать самому солнышку — пропеченный и пахучий, хранящий здоровый земной дух.

Мороз за окном, кошка на печи клубком свернулась, а вокруг стола семья большая собирается. Хлебу дают остыть и разламывают его так, что всякому должно достаться от солнечного каравая. Кажется, все земные силы тогда в доме сходятся, мира и благополучия ему желают. Благословен был дом с хлебом и печью, с добрым хозяином и хозяйкой!

К началу февраля на снегу появлялись санные дорожки от дальних стоговищ. Снаряжая туда сани, мужик вспоминал добрым словом знойное лето и словно стряхивал с себя зимний сон. Чудились ему опять благодать и раздолье, и занимающая все дни работа, и неспешные думы о своем житье...

Всё у радивого мужика делается споро, и хочется ехать между лесных сугробов и елей долго, совсем не боясь стужи. И чтобы лошадка знала дорогу и понимала тебя, как ты сам понимаешь свою обустроенную жизнь.

Впереди клубится лиловая февральская заря, изо рта кобылки выбивается душистый парок... Про себя приятно сознавать, что зима перевалила за половину и порча со всей нечистой силой отступила. Жена к твоему возвращению настряпает ароматных колобков, и дети, вволю накатавшись с горок, прибегут в избу веселые и возбужденные. И ты опять будешь рассказывать им перед сном сказки о том, какой волшебной бывает жизнь русской зимой. А может быть, о грядущей весне, что принесет на землю желанное тепло и свет, и еще о непутевых и славных зайцах, которые без боязни выбегают погреться на солнечных полянках.

Ото всех этих дум тебе самому становится тепло и радостно на душе, а мороз отчего-то забирает крепче, ядренее. И тогда смятение, охватившее было тебя, поджимается махоньким угольком где-то вверху груди, не дает дышать, и на глазах выступают слезы. И в тебе тоже, исподволь, подбирается крепкий дух — он и успокаивает, как будто нет иных забот, чем настоговать в сани доброе душистое сено и везти его скоту. Февраль незаметно вмещает в тебя пробудившиеся в нем к тому времени запахи, нашептывает что-то сокровенное и приятное.

Едешь, понукаешь время от времени лошадку, и высыхают выступившие на глазах от крепыша-мороза слезы, а лицо зацеловывает стужа. Озноб невидимым зверьком пробегает под полушубком, ластится,

играет, и дух захватывает от его силы. Не желает зима доживать до скорой старости, всем нутром тому противится и негодует.

Да только отсекает ее февраль своими ветрами холодными, что поют песни, на птичьи вешние перезвоны не похожие. Что-то невидимое переламывается в зиме, и стремится она снежными заносами небо с землей смешать. Что было сил тропутит в свой последний месяц, насылает на землю вьюги да метели.

Февраль — месяц, который горазд до разного рода плутовства и неожиданностей. Названный в народе пройдохой, он не был худ душой и хранил в себе достаточно смекалки и силы. Под завязку зимы от него уже было не отвязаться, но и правды не добиться, потому что оставался он из года в год неповторим. По нему более чем по какому-либо месяцу судили-рядили о сроках прихода весны.

Одному февраль сулил тепло да усладу, а другому — хлопот полон рот. Чтобы отведать нерадивый человек нужды в избытке и не поворачивался от февральских забот на другой бок. У справного же мужика последний зимний месяц рождал в душе беспокойство, так что он места себе в избе не находил, одержимо желая переделать прорву дел, поспешая из дома к скоту, а затем в лес или на пасеку. Голову мог закружить февраль только тому, кто заплутал в зиме...

Всякий день февраля меж людьми был на примете. Крестьяне чутко следили: солнечно ли, метельно, или в полночь взойдет затуманившийся месяц. О приближении каждого дня говорили задолго, потому как мог он стать в будущем животу подмогой, а судьбу направить на доброе житье. Долгая зима-кума порядком поизвела закрома, и февраль своими предсказаниями теплил в мужике надежду.

Главной весноуказательницей в народе была Аксинья-полузимница, которую встречали шестого февраля. Аксинья-полузимница, или весноуказательница и полухлебница, как ее еще называли, мужика торопила, чтобы он весну не упустил, и солнышко на крыши гнала. Половина срока с этой поры осталась до нового хлеба, примечали люди, поскольку озимое зерно пролежало в земле половину срока до всхода. Но хоть Аксинья-полузимница и делит зиму пополам, да не ровно: к весне мужику тяжелее.

Со дня Преподобной Ксении полагают, что до новых хлебов нужно столько же хлеба, сколько уже съедено. Потому она называется еще полухлебницей. Если на Аксинью-полухлебницу хлеб на рынке подешевеет, будет урожай и новый хлеб дешевле; коли на Аксинью-полухлебницу цена хлеба низкая, то до нового хлеба она не подыметя. Какова Аксинья, примечали крестьяне, такова и весна.

Но февраль еще пока холоду изрядно подпускает, да только в лесу уже первые предвестники тепла завелись. В раскидистых ветвях сосны и ели в гнезде у клеста — птенцы-крохи, этакая невидаль! Знай, наворачивают посреди зимы свою еловую кашу и в ус не дуют: мол, не озябла бы душа у

самой природы, а мы выдюжим! Как тут ими не восхититься и в душе не улыбнуться!

Мир людской к желанной Масленице по-своему готовился: девки про холостых парней меж собой толкотню на реке у проруби затевали, друг дружку подзадоривали; бабы замужние опять же к русской печи прислушивались, чтоб нажить пылу да жару в семейной жизни. По народному поверью, требовалось справлять в февральские вечера именины доброго духа дома, хранителя домашнего очага, которые приходились на Ефрема-Сирина. В Ефремов день, отмечаемый десятого февраля, домовый обычно глумится во дворах, и для него ставят кашу на загнетке печи. По представлению деревенских жителей, домовый — это рачительный, заботливый дух, помогающий трудолюбивой и дружной семье; тех же, кто плохо вел хозяйство, не заботился о чистоте и порядке, ленился, он пугал и по-своему вредничал, наводя на людей неурядицы, которые сильно били по домашнему ладу. Старики каждому хозяину заповедовали поддерживать добрый дух своего жилья, откуда и была сотворена однажды любовь.

Оставляя старый дом, люди всегда просили прощения у домового за свое нерадивое житьё-бытьё, и уважительно зазывали его с собой. С болью пекущийся о своих родных, домовый обычно не оставлял их без внимания и принимал приглашение. Ничего так не любил он в своем доме, как покой и достаток, от непутевых же хозяев уходил на чужую окраину, к тому, кто в нём нуждался.

Кошка ли не своим голосом зарыдает, посуда ли из рук на пол сбрыкает или в сенях ведро с грохотом опрокинется — значит, кто-то не угодил батюшке в дому. Словно в ребенка обращался он и начинал бедокурить почем зря, покуда не отводил до конца душу.

За окном ознобистые февральские вьюги беснуются, метели все тропы напрочь перемели, а домовый знай в теплой избе забавляется, по ночам у русской печи сдобренной коровьим маслицем кашей угощаясь. Отчего бы временами не потакать его незатейливым причудам, дабы сохранить зимой в доме уют и доброе величание!

А вьюги злющие сводили все дороги на нет, раннюю весну между тем предвещая. Звезды мгlistые изредка вспыхнут в разрывах туч, тихим огнем ожгут сердце и исчезнут. Будто назло тебя пытаются, душу трепетную февральскую хотят извести. Уколовшемуся таким чужим светом человеку, по старинному поверью, уже не было спасу.

С середины февраля, когда подступает Сретенье, зима встречается с летом, а шуба с кафтаном. Солнце, говорили в народе, на лето пошло, зима же на мороз: недаром сретенские морозы одними из самых крутых почитались. Пока зима — владыка, она без устали неподражаемые художества на окнах выводит, отчаянных воробьев под стреху гонит. В Сретенье солнце с морозом пуце прежнего хороводят.

Но негоже было этому февральскому дню верить, ибо погода на Сретенье - что весенний дождик. То снег дорогу переметет, что обязательно

сулило богатый урожай, а то, бывает, зима весну красную заморозить хочет — и это предвещало летом хорошие льны, бывает же — капель наладится, и тогда санный путь уже не стоит и пускаться по-зимнему в дорогу опасно. В народе существовала известная бывальщина про мужика, который к Масленой решил привезти издалека рыбки, да пока собирался — Сретенье подошло. Вот и бабы про себя пророчили: ростепель, мол, не к добру — то поп навстречу попадет, то девка с пустыми ведрами.

И все-таки чаще всего февраль называют месяцем кривых дорог. Ветер в эту пору становится все более неуёмным, нечисть вместе со снегом улежавшимся сметает, будущий цвет оберегает. Но временами он дует так надрывно, что кажется, ничего уже более не уродится. Настырность его в душе озлобленность непонятную подымает, в непроглядную густоту свет белый перемешивает: против ветра особо не надуешься. Ветер даже зиме не служит, а остается сам по себе — неукротимый, свободный и все же какой-то неприкаянный...

Будто он доказать что-то пытается, но никого его порывы не донимают, и ветер злится. А может быть, он по натуре такой остервеневший, и ему все живое нипочем. Из-за гордости своей, что высоко взметнулся, он себя одного любит и никому подчиняться не желает. Потому и говорят: выше ветра головы не носи, силы его все равно ничем не измеришь и в поле за ним не угонишься.

Как бы то ни было, а зима с ветром ссориться не хочет: она его умело по своим заботам в оборот берет. То найдет с ним на людей тревоги да забвения в круговерти безостановочной, то пытается прорваться за недозволенное... Без него и мороза лютого ей со своей обузой ни за что не справиться.

Сама зима при этом выглядит странно: ни сверкающей короны на голове, ни роскошного платья, усыпанного жемчугами и серебром, у нее нет. И хрустальных башмачков на своих ногах она не носит. Да и в представлении людей зима снежной королевой никогда не была. Скорее — основательной хозяйкой, для всякого доступной, но и недостижимой. И еще в меру суровой...

Владелица снегов хорошо знала, чем пронять мужика. Девки на деревне красуются, обновками парней молодых завораживают, зима же в себе иную цену несет. Норовит она исподтишка да раненько человека вовремя разбудить, на дело его верное наставить. Сколько бы тому от нее ни бегать, а все равно встретиться и по душам поговорить обязательно придется. Потому и пословица такая слыла, что в зимний холод всякий молод.

Зимкой, зимочкой, зимушкой, зимовейкой — так ласково называли люди ее, как будто хорошо знали, но всегда зима оставалась загадочной и характером неприступной. Бывала она в разные годы и строгой долгой зимищей, и хилой зимушкой, но всегда вызывала уважение. Более всего зима представлялась властной дородной бабой. Имея в услужении морозы да вьюги, она и сама могла обернуться в медвежью шкуру, чтобы заглянуть

мужику в глаза или пробежаться по задворкам волчьей тенью: радейте, люди хорошие, за свое дело, так и добро ваше оставлю в целостности-сохранности.

И люди глядели в лицо зиме и на печи не засиживались: знали, что наперекор всему скоро придет весна и будет снова много доброй работы, за которую чем раньше примешься, тем больше вешней поре угодишь. Да только зима не хотела так просто уступать свои права и владения и боролась изо всех сил, чтобы не опростоволоситься. Ведь именно об эту февральскую пору в народе замечали, что весна зиме рог сшибает, а та досаду горькую в себе избывает.

На какое-то время зима словно отступала от всех этих переживаний, и тогда выходили на свои тропы звери. Почувствовав ее слабость, они становились хозяевами в лесу и заполняли свою жизнь только зарождающимися желаниями. Всюду были видны следы их возмужания, и люди осторожно постигали его и стремились не мешать зверям. Люди видели в этом постепенное утверждение таинственной лесной силы, способной одухотворить их собственную жизнь.

И приходил семнадцатого февраля Никола Студеный — волчий сват, который ведал в эту пору зверьми. Знал он, как и любой охочий до лесного царства мужик, все звериные повадки и даже где устраивает свое логово мать всем зверям — волчица. Там, в укромных дебрях хвойной чащи, она пряталась от выхолаживающей душу зимы и готовилась к вырастающему с каждым днем солнечному времени: подступала пора волчьих свадеб.

Это же февральское время вдыхало спорую силу и в других зверей, и те также стряхивали с себя зимний сон. Морозы, между тем, слабели, вьюги укладывались в неведомые буераки, и холод забирался к еще не сломленной зиме под мышки в надежде только там обрести спасение. Что-то трагическое и прекрасное происходило с зимой, и она переживала все это, но, наверное, принимала как должное. А может быть, зиме было горько сознавать свою скорую кончину, и она становилась несправедливой и жестокосердной.

В народе про эту пору повелось такое присловье: «На Прохора зима заохала», тем более что не заставлял ожидать себя и Влас, следующий сразу за Прохором, двадцать четвертого февраля: «Пришел Прохор да Влас — никак скоро весна у нас!» Власий — скотий бог, сшибал рог зиме, но и приводил за собой власьевские морозы — последние, завершающие зиму. Власьевские морозы были строги, бураны непроглядны, вьюги завывали хуже волчьей стаи, а все пословицы и думы, тем временем, о весне... Не к Святкам дело шло — к Масленой!

Предрассветные сумерки в феврале с каждым утром становятся всё яснее и чище. На небе вспыхивают и играют невидимые раньше разноцветные звезды, от чистого сияния которых в тебе прибывает недостающей зоркости. К концу февраля можно было уже окликать их, прося чего-то несбыточного: звезды все слышали, понимали и отзывались в вышине живым и веселым блеском.

В полдень чутко ощущалось, как снег оседает и охает, ровно баба на сносях, почувствовав в себе первые толчки новой неведомой жизни. Так и зима видно спохватывалась о зарождающейся в ее утробе наследнице, что вернется на землю через год заматеревшей и властной хозяйкой. А пока она только изредка давала о себе знать, и старая зима любовно берегла ее, растрачивая все свое внимание и силы.

Но печаль зимы была тяжела — не могла она просто так сдаться весне. Глядела из-под сдвинутых бровей хмуро: от такого взгляда на душе делалось муторно... Не зря завершал зиму лютый Касьян, который на что ни взглянет — все вянет. В народном календаре Касьянов день занимает особое место: он приходится только на високосные годы и из-за злопамятности святого считается самым страшным. Гнев Касьяна признавался настолько опасным, что крестьяне в этот день предпочитали вовсе не выходить из избы, особенно до солнечного восхода.

Да и сам белый февральский свет становился уже не мил — душе хотелось животворящего света и пьянящей голубизны. И еще хотелось настоящего праздника перед Великим постом, чувствуя и провожая матушку зиму. А чтобы не грустить по безвозвратно утраченному, гуляли целую неделю весело и широко: пекли блины, катались на санках с гор и на лошадях, потешались, как могли. Сытной и сладкой Масленой прозвали это торжество, когда нужно было хоть что-нибудь заложить, но зиму достойно проводить!

Зима к этому времени нуждой пояс затягивала. Человек все свои хвори и метания беспокойные собирал в хлам и солому да меж собой перевязывал. Такое несусветное чучело втыкали за деревней на пригорке и волокли к нему самое ненужное и худое: кто тряпки и рухлядь домашнюю, кто сношенные валенки... Каждому хотелось избавиться от накопившейся за зиму напасти и заговорить на лучшее свою судьбу.

На всеобщем сборе всегда царили мир и лад. Встреча новой жизни сама собой давала предлог на сближение отдалившихся друг от друга за зиму душ. В последний день Масленицы люди прощали и друзей и недругов своих, и забывали обиды, а ввечеру зажигали разукрашенное чучело.

Желая, наверное, еще завьюжить и закрутить, это чучело горестно шипело и... таяло. И люди, почувывшие в душе обновление, дружно брались за руки и ходили вокруг него, приговаривая: «Ты гори, гори, старуха, на осиновых дровах, пук соломы в головах!»

Великодушно прощая людей за их страсти, зима, завершаемая февралем, постепенно отступала. Отправляясь летучими облаками на север, она, тем не менее, оставляла за собой право вновь вернуться в положенный срок, чтобы осенить землю и людей долгожданными зимними чудесами, без остатка подарив им свое материнское чувство.

ВЕСНА

Март Масленая неделя, как-то нерешительно начавшаяся с конца февраля, уже врывается в первый весенний месяц: она, оказывается, нетерпеливо ждала его! На закраинках февраля скромная, еще не пробудившаяся от ощущения собственного замечательного торжества, Масленица, попав в март, будто приходит в себя и благоденствует для всех широколицым разомлелым блином, то есть солнцем, которое оно олицетворяет. Настоящее мартовское солнце — это именно румяное народное снадобье, которое испекали всем на радость.

В глубокую старину Масленица являлась Новым годом для славянских племен, проводами зимы и чествованием бога весны Ярилы. Это был замечательный народный праздник, в котором образ солнца олицетворяли только блины в масле — хлебное тело бога Ярилы, и Масленица в русском народе именовалась всюду по-своему: честная, веселая, семиковая племянница, объеуха, сырная неделя, широкая боярыня. Но более всего подходило ей быть честной да широкой — в этом вся ее суть!

Дни Маслены в народе назывались каждый по-особому: понедельник — встреча, вторник — заигрыши, среда — лакомства, четверг — широкий четверг, пятница — тещины вечерки, суббота — золовкины посиделки, воскресенье — проводы, целовник или прощенный день. Масленица зиму прощала, холодную жизнь завершала, и тепло в душе зарождала. Целую неделю гульба на дворе, когда чуть ли не на деревню блинов да хлебов в доме наготовлено, весь народ на улицу высыпал... Идет Масленица по дворам, залихватски подбоченясь, — тридцати братьям сестра, сорока бабушкам внучка, трехматерина дочка, и шелковая на ней сорочка, сафьяновые сапожки, царские одежды! Без Маслены в эту пору никто не обойдется!

Но не всяк Маслене с головой отдавался, и не была она для него сплошная, а скорее вербная да страстная. Радел такой человек больше за работу души, чем за нескончаемые праздники, и не молил продлиться Масленицу подольше. Была на дворе Масленица, в избу заглянула, радостью дохнула, но не задержалась. Надо уметь и блины отложить!

И начинался после сытной Масленицы Великий шестинедельный пост, до самой Пасхи, который прижимал всем хвост. Но кто-то считал, что пост не мост, можно и объехать: ведь все посты постимся, а никуда не годимся! Да, правда, никто от поста еще не умирал,дохнут же от обжорства, и кто все четыре поста постится, за того все четыре Евангелиста. Словом, постное едим, да скоромное отрыгаем.

Обиходный крестьянский стол на пост состоял из редьки, нарезанной ломтиками, с маслом, вареного гороха, пирогов «ни с чем» вприхлёбку с сусликом, похлебки из конопляного сока с груздями, пшенной, ячневой, овсяной и гречневой каш, соленых огурцов и капусты, киселей с вишней, черемухой, клубникой, костяникой, земляникой, брусникой, пареной репы и

моркови, супа грибного с крупкою, мерзлой клюквы с медом... Началось по всей русской земле воздержание от скоромной пищи и от суетных наслаждений. В Великий пост всё как узлом затянуто!

А весна тем временем не дремлет, всё норовит зиму перебороть, и на подмогу ей март Тимофея-весновея, или Тимофея-тёплые ветры, призывает, который на шестое марта приходится. Засверкало мартовское солнышко, будто кто протёр его от метелей да инея. Слепит глаза ярким светом, подтачивает сугробы сахарные. Каждый день что-то меняется в природе: вот прилетела маленькая птичка овсяночка — и ты заслушаешься ее нежной песенкой, а то вдруг заговорит под снегом первый ручей — это Тимофей-весновея в гости к нам пожаловал! Родная сторона во весь голос о себе заявляет...

Весна всё покажет и скажет, и не успеет ее первенец Тимофей сердце, замершее в снежном крошечке зимы, растопить, как к тринадцатому числу на порог уже Василий - вешний ледок является: застучала с кровель долгожданная капель. В народе примечали, что об эту пору с лежки медведь обычно подымается... Капель, видать, и косолапому шубу подмочила!

Но хоть и затаило на дворе, и в полдень теплом вдруг возьмет и повеет, а у многих зверей с птицами уже свадьбы в лесу начались,— март еще не весна, а предвесенье. Пришел, говорят, марток, надевай семеро порток, и разве поверишь тут, что в марте мороз скрипуч, да не жгуч? Ни с того ни с сего налетят вдруг крепкие морозцы - и замёрзнет в деревьях сок, отчего март в народе прозвали березозолом, а за то, что березы в это время богаты соком,— березень, или сочень. Вроде бы, и красна весна, да еще голодна!

Истинная встреча весны в марте приходилась на Евдокею, или Авдотью, что праздновалась четырнадцатого марта. Авдотья-весновка весну сряжает, мужика подгоняет, в душу его радость вдувает: больно красна Евдокея, как и сама весна, и каков этот день, считали в народе, такова и вся весна. У Евдокеи — вода, у Егория, который приходился на начало мая,— трава.

Пришли Евдокеи — мужику одни затеи: соху точить, борону чинить, думку разуметь, как марток одолеть да портки теплые надеть, а если весна дружная придется — может и обойдется? Среди людей замечали, что хоть Евдокея и пришла, но с нее еще стоячую собаку снегом заносит, на худой конец — сидячую. Ведь в марте и сзади, и спереди зима!

В устном народном творчестве март не обижен пословицами да поговорками, как, впрочем, и любой другой месяц. Как ты, февраль, ни злись, как ты, март, ни хмурься, а весной все равно пахнет,— вот хотя бы одна из них. Но, зато, какая раздольная и верная: ведь в марте и на корыте можно ездить. А еще в марте курица воды из лужицы напьется, и мороз на нос садится, и если март веснянку затягивает — ненадежно тепло весна натягивает. Сухой март хлеб добрый обещает, мартовское же пиво с ног сбивает. Каждый мартовский день в календаре отмечен: до такой степени этот месяц на события богат!

Только в марте, когда, кажется, душа к небу поднимается, можно по-настоящему поверить в мечту. Да и сама мечта рождается только в марте, уже утвердившаяся за зиму, окончательная. Остается лишь следовать ей, а март тому подруга: как он засверкает синими снегами — так и будет.

Вот, наконец-то, и задымились первые проталинки на ближнем к солнцу бугорке, где совсем недавно играли под звездами беззаботные зайцы. Играли, как играют в начале марта на родимой церковке грачи, оповещая всю округу неумолчным граем. Суется на верхушках деревьев, гомон стоит по всей округе,— летит к нам весна на уверенных крылах. Это Герасим-грачевник ее вместе с птицами семнадцатого марта пригнал, а озабоченный грач сразу землю расклевал. Ежели увидел грача — весну встречай!

Иной раз и не догадаешься распахнуть ей объятия, а зипунок отчего-то сам задирается краями вверх от неугомонного весеннего ветерка, но всё твое нутро по-прежнему норовит к теплу прильнуть. Да разве март его даст! Мартушка, говорят, еще закрутит вертушку, и все же - как зима ни злится, всё весне покорится!

Вместе с грачами начинают чувствовать скорую весну воробьи. В тихие солнечные дни, когда с крыш срывается робкая капель, тотчас образуя хрупкие гирлянды прозрачных сосулечек, воробьи шумными стайками держатся на солнечной стороне, задорно чирикают и затевают нескончаемые ссоры. Всегда невольно остановишься рядом с этой веселой ватагой и, улыбнувшись, залюбуешься. Только в такие мартовские утра и замечаешь неугомонные серые комочки, на которые не обращал внимания в безмолвную зимнюю пору.

Всё веселее и ярче разгораются зеленовато-малиновые утра, значительно прибавился день, и сумерки стали длиннее. Ещё крепко морозит, но в полдень солнечные лучи пригревают совсем по-весеннему. А в лесах на белый снег ложатся глубокие синие тени от сосен, пихт и елей.

На снежной пороше видны заячьи следы. Изглоданные веточки осины не сразу и разглядишь на ослепительно белом снегу. По склонам глухих логов появились голубеющие бороздки: сюда слетелись со всей округи таинственные лесные петухи... Скоро здесь начнется глухариный ток!

Раскисли, наконец, проселки и обочины дорог. И хотя частенько прихватывает легкий морозец и наметает пурга, от весны уже никуда не деться. Вешний снег, будто дым, быстро подтаивает под лучами яркого солнца, и воздух роится от ослепительного света.

А вот по астрономическому календарю весна начинается лишь двадцать второго марта, в день весеннего равноденствия, когда день с ночью сравнивается, и заканчивается двадцать второго июня, в день летнего солнцестояния. В эту же пору в народе праздновали и Сороки, сорок мучеников. На Сороки, после Евдокеи, приходилась вторая встреча весны, и именно после сорока мучеников, не желающих, по древней легенде, отречься от христианства, пророчили еще сорок утренников до Зосимы-пчельника,

приходящегося на тридцатое апреля. Гречу сеяли пропустив сорок морозов после сорока мучеников.

Существовало поверье, что в этот день из тёплых стран прилетают сорок разных птиц, и первая из них — жаворонок, а раз прилетел кулик из заморья да принес весну из неволя — на Сороки святые обычно пекли жаворонки золотые. На Руси с их помощью выбирали семейного засевальщика... Мужики вытаскивали жаворонков, и тот, кому попадалась птичка с запеченной в ней монеткой, первым начинал весною посев.

Завершал же март Алексей Тёплый, почти в самый канун второго месяца весны — тридцатого марта, которого в народе прозвали — Алексей — с гор вода, или Алексей — пролей кувшин. На этот день чаще всего приходилась большая ростепель, всюю текли ручьи, и потому оглобли из саней выворачивали, сани закидывали на повети и снаряжали телегу. На Алексея также доставали из омшаника ульи, а после него начинали сеять ячмень и овес. Рожденная от солнца и долго ожидаемая на Руси теплота весны ласково обогрела всех — и землю, и деревья, и птиц с животными, и людей, и от всего этого хотелось жить хорошо, согревая других.

Апрель Не успел Алексей Теплый в самом конце марта кувшин с вешней влагой пролить, а Дарья, которую праздновали первого апреля, уже проруби грязнит, так что вокруг них начинает сильно таять и вода становится желтой. Оттого крестьяне и называли Дарью «грязнопролубкой — засори проруби». Красавица Дарья была язычницей, жрицей храма, но, выйдя замуж за христианина, обратилась к Истинному Богу, и молодые супруги решили вести девственную жизнь. Но по доносу и за то, что якобы проповедуют безбрачие, они были схвачены и отданы на мучения в блудилище, а затем в смрадную яму, куда стекались все нечистоты города... Отсюда и «замаранные проруби» и «обгаженные желтые воды». Какова погода первого апреля, замечали в народе, такова и первого октября. Но чего ещё ждать от самой слякотной в году поры?

Не повезло этой святой: уж больно неблагозвучными прозвищами наделил ее народ, да только во всем виновато было солнце, которое припекает в апреле так, что снег не может не таять, а вокруг прорубей, куда крестьяне зимой подводили поить скот, зачернел навоз. На Руси в этот день еще раскладывали на снегу холсты пораньше утром, пока стоит мороз, и он отбеливал их.

Не вынуждал себя ждать в эту веселую пору и Василий-солнечник, или Василий-парник, как его величали крестьяне, и приходился он на четвертое апреля. Во время распространения ереси священномученик Василий призывал свою паству твердо держаться православия, за что стал жертвой преследований. Мужественно перенося страшные муки, весь исколотый раскаленными прутьями, великий святой тем самым предопределял только добрые приметы на свой будущий праздник: на Василия Теплого солнце в кругах — к урожаю; если в этот день при восходе солнца видны на небе

красные разводы, то этот год обещает плодородие; Василий-парник землю парит — все равно что унавоживает ее... Не распарив, как водится, не согнешь.

Невозможно не радоваться этим пришедшим к нам из глубины веков знаниям, но, удивляясь точности и простоте народных примет, не можешь не задаваться вопросом: почему замечательные пословицы и поговорки сочиняли в народе когда-то давно, причем — простолюдины, обычные люди, которые, между тем, имели в душе силу не быть равнодушными к окружающему миру, а мы, сейчас живущие и способные к обладанию более глубокими сведениями о жизни, знаем о ней гораздо меньше и ничего не создаем? Какое душевное равновесие и доброту нужно иметь, чтобы записать обыкновенное, простое: «Было времечко, ела кума семечко, а ныне и толкут, да не дают». Ничего подобного сейчас не скажут, даже не подумают...

Всякой вещи, замечали в народе, будет свой черед, если жизнью впрок распорядишься, при этом не возгордишься и хлопоты добрых людей на себя возложишь. Жизнь тогда рано или поздно в горку пойдет, а неудача бездолье найдет: ведь время собственной жизни ты сам выбираешь. А у кого не хватает времени, тому недосуг быть счастливым.

Ждать якобы более удобное время — значит оттягивать свое благо, то, что тебе уже дано. Но зачем медлить с этим богатством? Ведь и радость, и горе — это твое счастье, которое всегда рядом, его только следует разглядеть, и как хорошо, когда оно достигается в согласии с природой.

Разве не в согласии с ней и, конечно, с самим собой жил когда-то простой русский мужик, внимательно встречая и провожая зимы и весны? Эпитеты, как говорится, эпитетами, а из головы крестьянина не выходила думка: скоро ли появится зеленая травка? Ведь сено кончается, и скоро скотину кормить будет нечем. При всем желании не мог мужик запасти кормов вдоволь и потому-то так много народных примет в апреле говорят об ожидании хорошей, солнечной погоды.

Издравле люди пытались узнать, какая же будет весна: долгая, бурная или холодная. Ранний прилет ласточек, по мнению крестьян, обещал раннюю весну, а коли грачи прямо на гнезда садятся — весна будет дружная. Гуси летят высоко — воды будет много, низко — мало, если же утки прилетели жирные — весна ожидается холодная и долгая. Жаворонок, были уверены люди, является только к теплу, зяблик — к стуже. Весна весной, думал крестьянин, но что выкинет самый строптивый ее брат — апрель, неизвестно.

Апрель с водою, а май с травою, обычно говорили в народе с приходом второго месяца весны, и это было верно, потому как ничто не могло сдержать обильного снеготаяния. Апрель сипит да дует, бабам тепло сулит, а мужик глядит — что-то еще будет? Первый же апрельский дождь воза золота стоил.

Поистине золотым всенародным праздником встречи весны было Благовещение, которое в старину отмечали двадцать пятого марта, по нашему же летосчислению — седьмого апреля. Повсеместно считали, что

уже весна зиму поборолла, но на санях либо неделю не доедешь, либо неделю переедешь.

Благовещение относится к самому великому христианскому событию на небесах и на земле. В этот день архангел Гавриил, посланный Богом к Деве Марии, сообщил ей, что у нее родится сын Иисус, Сын Божий, и что младенец будет зачат от Духа Святого. «Да будет мне по слову Твоему», — ответила смиренным согласием Мария, и великое благодеяние свершилось, как потом свершалось не однажды на благо всех страждущих и неравнодушных людей, стремящихся творить на земле благие дела.

Пожалуй, мало найдешь таких дней в году, которым посвящено столько примет, и большинство из них действительно сулили золотые горы. Именно в этот день народом была определена третья, и последняя, встреча весны, тогда как первая приходилась на Авдотью, а вторая — на Сороки. К тому же на Благовещение солнце играло всего лишь второй раз в году, после Рождества...

Предшествовало Благовещению предпразднество Пресвятой Богородицы, на которую загадывали: коли ночь будет теплая, так и вся весна задастся дружной и разудалой. На Благовещение, замечали рыбаки, всегда хорош улов рыбы, что связано с исчезновением льда, повышением температуры воды и насыщением ее кислородом, отчего рыба становится активнее. Дождь ли приходится на этот праздник, солнечный ли день, либо выпадает на небе много звезд, — соответственно, рождаются хорошие пшеница и рожь, а куриные яйца у хозяйки не переводятся.

Гроза на Благовещение тоже предопределяла теплое лето и урожай орехов, но и ветер, и иней с туманом, не смотря ни на что, обещали к концу года достаток. Вот и благовещенскую золу обычно сохраняют для капусты и других огородных растений, и когда они портятся, то посыпают их этой золой. Даже мокрое Благовещение пророчило грибное лето, в особенности — обилие груздей. Воры же на Благовещение специально заворывали: для удачи на весь год.

Считалось, что каково Благовещение проведешь, таково и весь год. В этот день, как и на Пасху, грешников в аду не мучают, девка косы не заплетает, на суровую пряжу не глядят, под дымом не сидят, и даже птица гнезда не вьет, а ежели завьет, так становится на все лето пешею. Кукушка за то без гнезда, верили крестьяне, что стала вить его на Благовещение. На Благовещение всем запрещалось работать...

Обыкновенного крота Бог ослепил за то, что он копал землю в Благовещение! В какой день недели Благовещение, наставляли старики, в тот, во весь год, никакого дела не начинать! От добра, как говорится, добра не ищут, ибо все благо от Господа, и его надлежит принимать достойно.

С достоинством относились на Руси и к маленьким праздникам, которые следовали чуть ли не каждый день. Так, сразу вслед за Благовещением, девятого апреля, наступала Матрена-настовица, на которую приходился последний наст, а также прилет настовиц, как называли в народе чибисов.

Если чибис кричит с утра — к ясной погоде, а коли летит низко — будет сухо. Чибис прилетел, на хвосте воду принес.

К Матрене поднимаются, вздуваются реки... В народе об этом говорили так: «щука хвостом лед разбивает», после чего рыба шла на икромет, а лед — друг на друга. Крестьяне объясняли это по-своему: если лед на реке становится грудями, то хлеба будут груды; а гладко — так и хлеба будет гладко. В некоторых местностях Матрену еще называли «полурепницей», поскольку селяне в этот день отбирали годные семена репы на посадку, что составляли отдельную неприкосновенную половину.

Апрель — самый интересный месяц весны, месяц птиц, первых цветов и распутившихся деревьев: от снега до листа — такова его неповторимая суть. Но более всего апрель водою славен: бурные ручьи проворно клокочут, поблескивают весело на солнце, сбегая в ожившие овражки, с каждым часом все более ширится мутноватый бурлящий водный поток — идёт половодье! Народная мудрость наставляет: апрельская вода — на пользу, она понадобится растениям еще до летней суши, в майскую пору, когда не всегда случаются дожди. Мокрый апрель, примечали крестьяне, — хорошая пашня.

А начинала половодье четырнадцатого апреля Марья — пустые щи, зажги снега — заиграй овражки. К этому времени запасы капусты обычно выходили, снега же будто загорались под палящими лучами солнца, сгоняя в лощины и овраги вешнюю воду. По Марии судили о целом годе: вода идет в ясные ночи — к погожей уборке хлеба; на Марию разлив — травы много; если лед сходит быстро — весь год будет легкий, хороший.

Подхватывал добрые начинания Марии и день Тита и Поликарпа, пятнадцатого апреля, названный так в память преподобного Тита Чудотворца и святого мученика Поликарпа. Постническими подвигами и чистотой мужественной жизни оба они олицетворяли вешнюю воду, образующую на земле незамутненные родники, ручьи и целые реки. Если на Тита и Поликарпа вешний лед с водой трогаются, год будет добрым, и народу станет легко. Коли лед потонет и не уйдет — лов рыбы окажется неудачным. В эту пору просыпается от спячки водяной.

Настоящая полная вода следует тотчас за ледоломом и ледоходом, за вскрытием рек, чему еще должен был способствовать Федул-ветреник. Восемнадцатого апреля пришел Федул — тепляк подул: ведь до Федула дует только северный ветер, а с Федула тянет теплыню. В этот день обычно растворяют окна, в которые залетают первые, только что появившиеся бабочки-крапивницы, за печкой же просыпается сверчок. Но — тепло-тепло, да не лето.

Родион-ледолом, или Родион-ледокол двадцать первого апреля ревучие воды готовит, чтобы все на реке разрушилось и в великое движение пришло. Уж таков ледоход: где одна вода лед положит, там другая вода его снесет. А еще на Родиона рушилась сама земля, то есть таяла и принимала в себя воду. Недаром во многих районах к Родионову дню приурочивают выражение: «Уставь соху, паши под овес».

Ведь овес сеять хоть в воду — да в пору, а рожь — обожди часок, да посеи в песок. Вот и лягушка подала голос в оттаявшем болоте — значит, самое время сеять овес. Когда на дороге грязь, примечал наблюдательный мужик, тогда овес — князь.

А тут уже и Антип-половод подпирает, воды повсюду распускает. Подоспевший к двадцать четвертому апреля, он следит за тем, чтобы установилась полая вода. Апрель всех напоит, потому как март — «пивом», апрель — водою славится!

В это время полностью вскрываются реки, и вода бывает в разливе. Пришла беда, говорили в народе, — разлилась вода: переехать нельзя, а стоять жизнь не велит, но пора придет — и вода уйдет, из которой баба потом пироги напечет. По Антиповой воде о хлебушке гадали.

На Антипа крестьяне всегда примечали, что если начинается полая вода и не видно птиц, то это еще не настоящая полая вода, а уж ежели снег пойдет после половодья — большое для озими невзгодье; если воды к Антипову дню вообще не вскрываются, то лето непременно будет плохое. Не ломай печи, учили старики, еще апрель на дворе, но ни холоднее марта, ни теплее мая апрель не бывает, хотя все равно обманет и под май подведет. Позже Антипа медведь никогда не лежит в берлоге, так как даже в лесу снега уже мало остается, а в ямах — вода. Замечали также, что с этого момента заяц выходит кормиться даже днем. А еще повсюду появляются крапивные всходы, и в некоторых местностях совершается первый выезд в поле...

В апреле земля преет — значит, Василий-парник пришел, уже двадцать пятое апреля! Едва обсохнут ее вытаявшие плешинки, как среди снежно-зернистых островков начинают пробиваться первые весенние цветы — золотые кружочки мать-и-мачехи. Позднее появятся листочки, нижняя их сторона покрыта нежным пушком, верхняя — гладкая и кажется прохладнее нижней. Отсюда и получила трава свое имя в народе. Скромн этот цветок, а сколько радости приносит он после долгой холодной зимы!

Апрель не заставляет себя долго ждать — вслед за Василием-парником, друг за другом, через день, наступают Мартын-лисогон — пора гона лисиц, а также Ирина-рассадница, разрой снега — урви берега. На лисиц в конце апреля нападает «куриная слепота», и они перебираются из старых нор в новые. В огородах сеют капусту на рассадниках, а в реках и озерах тает лед, который урывает с собою берега. Всё в природе ждет взрыва, мощного толчка, чтобы она воспарила над оживающей землей, разливая повсюду свою благословенную любовь.

Сломлена и разбита зима... Весна течет широко, раздольно. По берегам разлившихся рек то и дело падают подмытые вешними водами деревья, обрываются огромные куски дерна, бревна, коряги. С урчанием вертятся они в речных струях, и иногда на них можно заметить водяную крысу — ондатру или дрожащего от страха и холода зайца.

Всё вокруг залито солнцем, пахнет просыхающей землей и свежими древесными почками. Ни в какое другое время года не меняется так быстро

пейзаж, как сейчас. Еще вчера белели низинки у реки, и верхушки холмов отмечали лишь желтовато-грязные пятна мертвой прошлогодней травы, а сегодня буйно пробиваются к свету травы и по склонам логов высыпали подснежники и медуница.

Тем временем на пасеках крестьяне выставляют ульи из омшаников: наступило тридцатое апреля, день Зосимы-пчельника. Наши предки утверждали, что он заступник и покровитель пчеловодов. По выставлении ульев накрывают чистой скатертью стол посреди пасеки, на него ставятся хлеб и соль, черепок с жаром, богоявленская вода и оставшаяся от пасхальной заутрени свеча. Потом, помолясь Зосиме, обходят вокруг пасеки с зажженной свечой и кропят пасеку освященной водой. Без Бога, говорили в народе, ни до порога, без Зосимы — ни до улья. Рой рождается — Зосима веселится.

За несколько дней до Зосимы, перед самым выставлением ульев, хозяева пасеки еще посыпают на ней остатки снега золою, чтобы он побыстрее сходил. Все в природе в это время как-то и тревожно, и радостно распахнуто, оголено, и на душе всегда одновременно и приподнято, и неуютно, но только до тех пор, пока не заметишь в небе стройные косяки гусей. Осматривая землю, с курлыканьем следуют неподалеку величественные караваны журавлей. Воспарив к ним душой, проникнувшись той возвышенной и отрешенной непреклонностью, с которой птицы устремляются на свою родину, ты вдруг почувствуешь в душе потребность в самом светлом празднике жизни — Пасхе... Так получается, что большей частью она приходится именно на апрель, иногда на май, но самое главное, что Пасху встречают весной.

Ни Новогодье, ни Рождество, ни Крещение, при всем присущем этим праздникам волшебстве, не могут идти в сравнение с Пасхой по той чистоте и святости, с которой она спускается на грешную землю. Какая дата в народном календаре способна так неуловимо, но очень сильно воздействовать на людей? Пасха — даже не праздник, а необыкновенное состояние души, когда человек, как и всё в природе, хотя бы на короткое время, переживает в себе божественное.

Весна, как никакое другое время года, удивительным образом вторит этой чудной божественности, будто оголяя людей. Ароматный апрельский дождик освежает их не одетые души так незаметно и чисто, что они и не думают запахиваться, а только еще более открываются. Очень важно не расплескать себя за весну, особенно в апреле, в пору воды, и когда всё, благодаря ей, приходит в движение, — невозможно не вознестись душой над расцветающей землей, переживая необычайную радость.

А Пасха, в память воскрешения из мертвых Спасителя, только добавляет происходящего в природе торжества. Светлое Христово воскресенье, вместе со святой неделей, весной, — шире Рождества! Даже кто умирал на Пасху, тому клали яичко в руку, а после заутрени, в первый день Пасхи, ходили

христосоваться с усопшими, зарывая яйцо в могилу. Кто же проспит в первый день Пасхи заутреню, того в понедельник окатывали водой.

Последняя неделя Великого поста перед Пасхой — Страстная неделя, посвящена воспоминаниям последних дней земной жизни Спасителя, его страданиям на Кресте, смерти и погребению. По величию совершившихся событий каждый день этой недели именуется святым и великим. С апостольских времен дни Страстной недели были в глубоком почитании у христиан.

В Великий четверг, который величали «чистым», чистили дом и огород от грязи, накопившейся за зиму. Мальчики с восходом солнца бегали с колокольчиками на шее вокруг деревни, чтобы скотина прямо с пастбища приходила домой, а не плутала в лесу. В этот день умывались только с серебра, чтобы лицо было белее, и обязательно мылись в бане. В народе велась такая поговорка: кто в Великий четверг легко и рано встает, тому Бог во весь год подает.

Суббота на Страстной неделе — красильная. Не зря в Страстную субботу красят яйца, когда сама природа выводит цветовые оттенки на яйцах всех гнездящихся в эту пору птиц. Большая часть из них — голубая, светлая, с нежными кремовыми разводами, пятнами и крапинками, как и небеса в апреле, при взгляде на которые хочется парить. Вот бы на самом деле, думаешь ты, полететь, в апреле ничего, кажется, этому не мешает, и сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его вынуждает забыть о какой-либо печали. Идёт по земле красавец апрель, небеса голубеют, леса становятся нежно-зелеными, и души людей загораются жаром того радостного света, что они когда-то сами зажгли, но по своей природе этого не заметили, а Пасха им об этом напоминает.

Пасха... Высочайшее торжество торжеств, какое только можно себе представить! Вот и в весенней природе случаются такие дни, особенно в апреле, когда уже ничего в ней не замечаешь — до такой степени всё вокруг насыщено теплом и светом! И именно в апреле часто ощущаешь в душе неясное смущение от того, что бессовестно счастлив... Порой весна может просто замучить человека, сделать его расслабленным, сонным, и все же его не покидает чувство необыкновенного перерождения...

Май Если в марте большинство дней озарены светом сияющих небес, пронизывающим собой снега и воздух, а в апреле всё пространство объела неудержимая весна воды, наполнив его жаждой жизни, то май снисходит на землю непередаваемым торжеством цветов, которые повсюду, и оттого растревоженная за весну душа постепенно успокаивается, а руки, порядком истосковавшись за зиму по любимому делу, тянутся к заветной крестьянской работе. Кончилась зима, земля взопрела, сладко потянулась от распутившихся на ней первоцветий, и всё охватила невыразимая радость от чудесно утверждающегося вокруг бытия. Пришел месяц май — будет каша и каравай!

Недавно еще порхал над еле оживающей землей загадочный апрель, иногда капризничал, проливая вешние слезы в виде обильных ручьев и дождей, порой радостно сверкал начищенным до блеска солнцем и как-то незаметно одевал деревья и кусты в нежные одежды, окрашивая поляны свежей, еле приметной травой... Но вот наступил май, и в природе будто произошел переворот: повсюду раздается оглушительный щебет воробьев и синиц, веселый пересвист зябликов то и дело нарушает срывающийся с крыш последний снег, гулко ухая всей тяжестью в искрящиеся лужи. Теплые дожди и ветер окончательно пробудили лес, и в считанные дни он стал выглядеть умытым. Поплыл, наконец, над огородами пьянящий аромат черемухи, распустились белоснежно-розовые яблоньки, под сиренью вылезли душистые ландыши, а все овраги зажелтели солнечными бубенцами купальниц. Теплый и ласковый май принес на землю большой праздник света, воды и цветов, будто объединив усилия всех трех весенних месяцев.

Вот уже пожаловали в деревни скворцы, а в разросшейся у забора чащобе пробует голос соловей, перебирает все свои колена и, не давая перевести дух, ещё пуще распускает переливчатую и томительную дробь. Заслушавшись, наслаждаешься его игрой, не замечая общего птичьего хора, и вдруг ловишь себя на мысли: что-то в плывущем над землей весеннем торжестве не так. Одурманив своим восторженным приходом, когда уже все ему поверили, май может обмануть и будто пропасть, уйдя незаметно в лес. В эту пору наступает в природе какой-то миг, когда всё в ней движется само собой, без майской трепетной души, и даже майские звезды под вечер уже не загораются зазывно на небе, а блекнут и, кажется, вовсе исчезают.

А между тем крестьянскому люду полегчало: скотину можно выгонять на зеленые лужайки. Майская трава и голодного кормит. Ведь апрель, как говорили в народе, с водою, а май — с травой.

В мае что ни день, то праздник, но поскольку дел у крестьянина в эту пору невпроворот, то и праздники все посвящены не отдыху, а труду. После долгого вынужденного безделья нужно поистине египетскую работу совершить: успеть отсеяться с яровыми, скот выводить на пастбу, а лошадей выгонять на починки; ежели никольская неделя выдастся с ветром — выжечь нивы, городить новую околицу, посадить картофель и засеять огород, вывозить на волю пчел и лечить их, чинить то, что за долгую зиму пришло в упадок, перебрать оставшиеся овощи... Словом, одна мужику забота: работай до пота, но и то надо помнить, что весной мужик — проказник, работает и в праздник.

С молитвой на устах и работой в руках мужик принимался переделывать в этот месяц множество дел, ибо так устроен май. Но как ни желанен крестьянину месяц май, а не даром повелась и такая народная молва: в апреле — учись-учись, да преи; в июне — учись-учись, да плюнь; в июле — собирай книги в куль, и только когда наступает май — гуляй! Май — особенный месяц, это уже не апрель и еще не июнь, нечто промежуточное и очень нужное для всех на границе весны и лета, чего не бывает ни в одно время

года. Май — несравнимая ни с чем пора, он — предвосхищение самого живого в году времени, которое оттого и более радостно, чем какое-либо другое.

Май, говорили в народе, ещё смаит, то есть - преподнесёт сюрприз, без которого он не май. Ай-ай, месяц май — и тепел, да холоден, а если не холоден, так голоден,— вот как повелось судить о нем издавна меж людей, обжегшихся на обманщике месяце. Наш пономарь понадеялся на май, да и стал без коров, ибо когда приходит май — коню сена дай и на печь полезай, а что будет дальше— не ведомо.

Не зря в народе замечали: в мае родиться — век промаяться, и добрые люди в мае не женятся. Рад бы жениться, да май не велит, что без работы и непогоды никогда не оставит. Захотел, говорят, в мае добра! Но мужик знай свое гнёт: старание в любом деле рано или поздно добро принесет.

Истинное добро приносит в начале мая Егорий, на которого, по народному поверью, земля отмыкается. Егорий весну на Красную горку начинает, пророк Илья лето кончает, жито зажинает,— так определяли крестьяне самую страдную в году пору, и именно с Егория, или, как его еще называли в народе,— Юрьева дня, судили о будущей жизни.

Не много есть в народном календаре таких дней, которым бы уделялось столько внимания. На Руси отмечалось два Егория: один холодный — в декабре, а другой голодный — шестого мая. И действительно, к этому времени все зимние запасы съедены, да и скотина почти впроголодь стоит на дворе, а в поле подобраны последние одонья — остатки сена от стога. Когда-то еще поднимутся травы, и земля принесет первый урожай, и оттого мужик обращает свои думы к предстоящему лету — каким оно будет?

Если на Егория роса — жди добрые проса. Коли березовый лист в полушку, то к Успению (к Ильину дню — второго августа) клади хлеб в кадушку, а ежели мороз — будут греча и овес. С Егория начинали сажать свеклу, сеять морковь и рассаду: сей рассаду на Егория — капуста будет довольна. Вот и юрьева роса считалась добрым средством от сглазу, от семи недугов, по ней даже советовали кататься, чтобы получить здоровье. Главное — нужно было жить в согласии с природой, внимательно относиться к окружающей жизни, и тогда богатый, бывает, сыт и в Юрьев день, а бедный терпит до самого Спаса.

На Руси к Егорьеву дню был приурочен первый выгон скота в поле, который воспринимался как большой праздник и обставлялся обрядами, песнями и приговорами. На Егория скотину выгоняли в поле вербой, срезанной в Вербное воскресенье. В поле выносили стол, на него ставили икону и служили молебен. Этот день считался праздником пастухов, их одаривали и кормили в поле мирской яичницей, а чтобы пастух всё лето не дремал, на Егория его окатывали водой.

Георгий Победоносец считался покровителем домашнего скота, и к нему обращались с просьбой убереечь овец и коров. Наибольшей силой обладала молитва к нему именно на Егорьев день, во время первого выгона скота на

подножный корм. Кое-где Егорьев день включал и обряды, связанные с заботой о лошадях: коней мыли, купали и кормили крестами, то есть снопами, испеченными в Крещение.

А еще Святой Георгий слыл среди крестьян хозяином лесных зверей. Крестьяне верили, что на Юрия Святой Егорий разъезжает по лесам на белом коне и раздает зверям наказы, оттого все звери у Егория под рукой. Что у волка в зубах, то Егорий дал, и под Егория Вешнего не работают, чтобы волк овец не поел.

С днем шестого мая связывался и прилёт ласточек, которые отлетали в три Спаса, к тому же прислушивались к голосу кукушки. Если заслышишь кукушку до Егория — это к неурожаю и падёжу скота, а вот коли птица подает голос после Егория — пора сеять, год будет добрым. Особо сердобольные даже советовали: при первой кукушке на Егория побренчи деньгами, чтоб водились.

Что и говорить: не оставил мудрый народ этот месяц без остроумных примет, пословиц и поговорок, — их в мае не перечесть! Коли в мае дождь, будет и рожь, а майская роса коням лучше овса. Не сей пшеницы раньше дубового листа, так как в мае два холода живет: когда черемуха цветет и когда дуб распускается. Май холодный — год хлебородный, но майский мороз не выдавит слез. Майский же дождь лишним не бывает: сколько в этом месяце дождей, столько лет быть урожаю. Первым майским дождем крестьяне смачивали голову, чтобы волосы росли так же быстро, как майская трава.

Старики по деревням поучали: не хвались на Юрьев день посевом, хвались на Николин день травой, но когда-то еще она поднимется и наберёт полную силу! Скорее нужно было отсеяться, ибо кончался хлеб, начиная голодный май, и мужику на выручку приходил седьмого мая Евсей — овсы отсей. Те же старики не уставали наставлять: овес должно сеять дня за два до наступления полнолуния или после, и никогда во время затмения, и уж если землю немножко обогрело, не опоздай с посевом. Днём раньше посеешь — неделей раньше уберешь.

Первым посевам способствовали и дожди, ключами от которых владел Марк, следующий сразу за Евсеем. Именно поэтому в народе его называли «ключником». В этот день особенно молятся и просят о ниспослании сильного дождя, так необходимого в майскую пору. Крестьяне говорили: «Если выпадет в мае три дождя добрых, то и хлеба будет на три года полных». Ведь известно, что малый дождь землю только грязнит, а большой очищает.

Восьмого мая отмечался и прилёт стаями перелетных птиц. Если мелкие птицы летят прямо на конопляник, то конопля будет хороша, замечали крестьяне. Одними из первых всегда появлялись жаворонки, и если уж жаворонок запел, гром в небе прогремел, а первый майский дождь лес в листву одел, пришла пора пахать... Поэтому, наверное, и появилось присловие: «Умирать собирайся, а земельку паши».

Повсеместное начало пашни приходилось на Еремея-запрягальника, четырнадцатого мая. Считалось, что этот день следует использовать для продолжения посева. На Еремея, говорили в народе, и ленивая соха выезжает, а кто первый посеет, тот первый и убирает. Сей неделю после Егория да другую после Еремея — будешь с урожаем, но если случится непогода — всю зиму промаешься.

Справный хозяин знал твердо, что лучше голодай, а добрым семенем засевай. Раннее яровое следовало сеять, когда сойдет вода, позднее же, когда цвет калины будет в кругу, поскольку хлеб на хлеб сеять — ни молотить, ни везть. Но, и то было верно, что радоваться следовало не большому посеву, а большому урожаю. Не пиры пировать, коли хлеб засевай: знай, сей рожь в пору да в золу. Для получения хорошего урожая во многих губерниях соблюдался обычай, по которому в день засева ни один хозяин не давал другому взаймы ни денег, ни зерна, ни куска хлеба.

В пору начала пашни весна всегда зацветает дружно. Всё в природе будто поддерживает пахаря, и ему самому от происходящего вокруг праздника жизни порой начинает казаться, что его заботы — дело далеко не первое, лишь нечто дополняющее, а главное, несомненно, совершается на небесах, которые в эту пору спускаются на землю. Твое же дело — запрягать, пахать и радоваться, уповая на добрый урожай и не очень суровую будущую зиму, а вокруг — будто раздвигаются волшебные кулисы: наступила бессмертная сказка открытий!

Открывается прошлогодняя листва, уже проколота желтовато-розовыми копиями гусяного лука. Открывается лесное озеро, непонятно будоража ослепительной игрой солнечных бликов. Открываются цветы, посылая в мир первые тонкие ароматы. Открывается бездонное небо, в котором летят гуси, и крик их проникает в сердце, которое весной не знает границ.

Смотришь на эту восторженную жизнь, волнуешься и не можешь понять, почему возвышает душу зрелище птичьего полета. Наверное, сила жизни в перелетных птицах так трогает нас, и не хочется думать, что скоро весна пойдет на убыль.

Вовсю распелся уже давно прилетевший соловей... Пятнадцатого мая — это именно Соловьиный день, когда птичий царь без удержу восхваляет весну, так что открываются, наконец, и людские души, вбирая в себя свежие краски, запахи и звуки. С соловьем в народе было связано немало примет, и все они сулили благо: соловей поет всю ночь — будет солнечный день; если соловья услышишь раньше кукушки — счастливо проведешь лето; кто при первом соловье скинет рубаху, того блохи не будут кусать; соловей запел — вода на убыль пошла, можно начинать посевную... Малая птаха соловей, а знает май!

Еще пятнадцатого мая праздновали память о святых страстотерпцах Борисе и Глебе, которых в народе называли «сеятелями», а день прозвали — Барыш-день. Считали, что именно на Бориса и Глеба начинают сеять хлеб, и

обычно перед посевом произносили в их честь краткую молитву, но во время самого посева молчали. Называя день Бориса и Глеба Барыш-день, праздновали его для получения во весь год барышей. Торговцы старались что-нибудь выгодно продать, чтобы весь год торговать с барышом. Святого Бориса, примечали, хоронися: барышники плутуют!

Идёт весна-красна подбоченьясь... Что ни день — то у крестьянина событие! Вот и Мавра — зеленые щи шестнадцатого мая пожаловала, на которую щи варят уже не из кислой капусты, а из лебеды, весело поднимающейся сныти, крапивы, что «жгуча родится, а в щи годится», щавеля. В день Арины-рассадицы, восемнадцатого мая, высаживали на огороде капустную рассаду. При пересадке ее не ели хлеба, чтобы капусту куры не выклевали. По традиции, посадкой овощей занимались исключительно женщины: если посадит овощи мужик, то они зацветут, но не дадут плода. Иов-огуречник девятнадцатого мая росы распускал, к обильному урожаю огурцов и хорошей погоде, а Иван-богослов, пшеничник, двадцать первого мая велел печь обетные пироги, угощая странников и нищих, и пахать пашню под пшеницу. Ничего не поделаешь: пришла вешняя пора — поел, да и со двора!

Словом «вешний» в эту нору проникнута в крестьянском обиходе каждая мелочь, будто знаменуя собой приближение особого праздника, именуемого в народе Никола Вешний, который приходит двадцать второго мая, и всегда с теплом. До Николы, говорят, крепись, хоть разопнись, с Николы — живи, не тужи. В отличие от Николы Осеннего, что лошадь на двор загоняет, Никола Вешний ее откармливает, вместо ноши обещая целый воз. Пришел бы Никола, а тепло будет, и если уж пришел — успевай сажать картофель. Но еще более велика милость Божья, когда в Николин день дождик польет!

Одно из главных событий Николина дня — выгон лошадей на новый подножный корм. В деревнях празднуют день конюхов: ребята проводят ночь с лошадьми в поле. Никола Вешний считается покровителем лошадей: в этот день заказываются молебны с водосвятием, чтобы святой уберег коней от волков и медведей, и даровал табунам здоровье, ровно, как и их хозяевам. Ведь вешний пир работой да заботой берет, за которой шапка с головы свалится и не подынешь, но как ни крепится мужик, ни дорожится, а всё вешней водой пронесет. И даже годы по весне, особенно в мае, кажется, уплывают как вешние воды...

И все же утренники нет-нет да затягивают забереги тонким ледком, отчего прилетевшие недавно трясогузки, недоумевая, семят по тонкой корочке льда, не в силах разобрать: отчего берег за ночь стал таким прозрачным? Скор на перемены месяц май: в полдень юркие птички уже умудряются присаживаться на островки плавучего ледка, выстукивая их на прочность. Именно неприметная птаха разбивает последние оковы зимы, провозглашая своим маленьким клювом, будто в приставленную дудочку, весну!

Уже давно выметали по лужам икру лягушки: ее серо-коричневые, покрытые тонкой плёнкой шары щедро покрыли всю водную поверхность... Кое-где плёночка лопнула, и сквозь нее просматриваются уже не бусинки, а черные «запятые». Они тотчас оживают, оставляя за собой дорожки и взбивая зеленую болотную пену. Зеленой дымкой покрылись и березы: почки едва приоткрылись, выпустив по маленькому листику, исполненному жизнелюбия. Но со второй половины мая может вдруг задуть колючий северный ветер, нанесет снег, ледяную крупу. Нелегко тогда приходится только что преобразившемуся лесному пространству...

Стоишь в середине майского снегопада и не в силах различить: холодные ли снежинки льнут к рукам и лицу, или черемуховые лепестки? Бывает, что мать-и-мачеха не успеет закрыться, как быстро повалит с неба негаданный снег. Но всё это скоропреходяще и мимолетно: лишь малая задержка на пути весны. После такого краткого ненастья еще более прекрасно играет освеженное солнце!

Май может не только застудить или озадачить непривычной белизной снегопада, но и изрядно подмочить: это к двадцать четвертому мая подоспел Мокей... Мокро на Мокея, отмечали крестьяне,— жди лета еще мокрее. И даже румяный восход солнца и туман в этот день пророчили мокрое грозное лето.

Но мужик дождя не боится! Веками наблюдал он за перипетиями природы, связывая их друг с другом, и не уставал думать и восклицать: «Не примечать — так и хлебушка не едать!» На всё в жизни есть свои приметы, нужно только их видеть. Природа помогает мужику в этом, когда красуется не лисицами, не куницами, не атласом, не бархатом, не девичьей красотой, а весной!

Экая краса, когда со дня на день, без перерыва, идут далее любимые народом святые: Епифан — красный кафтан, Лукерья-комарница, Сидор-огуречник!.. Наполненные духовной красотой русского народа, они только успевали друг друга сменять, мимолетом наставляя мужика своими мудрыми советами: утро на Епифана в красном кафтане — к жаркому, пожарному лету; на Лукерью много комаров — готовь по ягоды коробов, а много мошек — готовь по грибы лукошек; на Сидора уже можно сажать огурцы, и как пройдут Исидоры, пройдут и сиверы... Только до Сидора обычно заморозки бьют.

Не случайно именно на Сидора появляются первые ласточки, которые окончательно приносят тепло. На вечерней заре произойдет в небе нечто необычное, будто воздух тронется и оживится: это прилетели ласточки. Кто при первой ласточке умоется молоком, говорили в народе, бел будет.

Пристально вглядываясь, как ласточка купается в небесной вышине, всегда с удовольствием отмечаешь ее аккуратный коричневый нагрудник, чудесный вильчатый хвостик, ослепительно белую манишку... Не птица, а сама нежность: не зря большинство женщин желают в мечтах быть ласточками, что без остановки кружатся, резвятся, но судьбу свою

устраивают быстро. Оглянуться не успеешь, как вырастают в чердачных углах, под крышей, между старых бревен глиняные полушария — шершавые, с вмазанными перышками и соломинками, но очень уютные. Только мудрость в этом домовитом гнезде, верность и преданность давно заведенному в природе жизнепорядку, подразумевающему, в первую очередь, трогательную заботу о потомстве.

В конце мая, когда отцветают яблони и груши, прилетают и стрижи. Проснешься рано утром, выглянешь в распахнутое окно, а за ним, прямо над огородом, с пронзительными вскрикиваниями проносятся стрижи. Прилет их, как и у ласточек, совпадает с началом устойчивого тепла, когда в воздухе затаптывают комары и мошки. Стремительно гоняются они в воздухе за добычей, и на душе у тебя вдруг ровно оттаёт последний, оставшийся еще с зимы, снежок: стрижи высоко выются в небе — будет хорошая погода!

Да и Пахом, подоспевший к двадцать восьмому мая, во всеуслышание заявляет об этом. Пришел Пахом — запахло, наконец, настоящим теплом! Великий Преподобный оказывался для весенней природы ничем иным, как «ах», когда всё в ней благоухает, испуская сладостный аромат. Он — теплый дух весны, которая великодушно источает его всюду.

Пахому вторит в последний день мая и Федот, с которого земля берется за свой род. Коли на Федота на дубу макушка с опушкой, будешь мерять овес кадушкой, а ежели Федот последний дубовый листок развернет, то скотина сыта живет. Словом, придет Федот — накормит и народ, ибо русский человек без родни не живет, а главной родней ему мать-земля приходится, горсть которой он в мае месяце в ладанку кладёт, и весь год зашитую на груди несёт, уповая, как на единственную охранительницу родимого уклада. Господь повелел от земли кормиться и, как говорится, рыбам — вода, птицам — воздух, а человеку — вся земля, что в мае к нему как никогда добра.

ЛЕТО

Июнь Вот и подошло лето... По астрономическому календарю оно вступает в права, когда солнце входит в знак Рака и продолжается до вхождения его в знак Весов, или, как принято говорить, от июньского равноденствия до сентябрьского солнцестояния. Для каждой местности свое лето: в средней полосе России оно начинается с Еремея-распрягальника, тринадцатого июня, и длится до Семена-летопроводца, четырнадцатого сентября, то есть занимает три месяца — июнь, июль и август.

Народная мудрость не обделила это время года своими меткими поговорками и пословицами. Не моли лета долгого, моли тёплого. Каково лето, таково и сено, а дождливое лето хуже осени. Лето, говорили в народе, — припасиха, зима же — подбериха, недаром летний день за зимнюю неделю почитался. От заморозков освобождено только лето, и если лето красное, то будет зеленый покос, первый же туман лета — верная грибная

примета. А вот коли летом на деревьях появляются желтые листья — это к ранней осени...

За долгой зимой и радостной весной о лете, кажется, даже не помышляется: слишком оно обособлено ото всех других времен года, хотя из них и вытекает. Не зря говорится: осень — грустна, зима — мудра, весна — красна, а лето — отрадно! Времена года, начиная с осени, будто проводят всё живое через себя к роскошному доволствию лета, как к заслуженному великому благу, память о котором забываема.

Только лето на земле дарит такую свободу, что не несет в себе даже весна. Люди не зря привыкли вкладывать в действия природы собственные настроения и, не замечая того, наделяют ее явления только себе присущими свойствами. Лето, по их разумению, осчастлиливает исключительно всех, оно — пик природного наслаждения, когда каждый живущий в силах оставаться собой, переживая самое неповторимое время. Именно летняя заслуженная расслабленность, эта незащищенная открытость чудесной поры, как ни странно, помогает постичь неведомое. Летний день год кормит...

Рады лету и люди, и звери, и растения... Осенние, зимние и весенние приметы поведали всем, каким оно будет. Каждый, конечно, ждет от него самого желанного, того, чего он даже не знает, но надеется, что всё у него сложится хорошо, иначе, зачем дан этот роскошный жар посреди лета с томительным ароматом васильков и ромашек, нескончаемым копошением пчел, которое представляется только золотым?!

Да, лето, особенно в своей середине, может сладостно озадачить, потому что в нем угадывается будущая благодатная осень, которую ты, конечно, заработал. А еще летом приходит понимание, что силу золотой вольготной поры сложила и матушка зимка, как будто случайно, ненароком, уразумевшая, что искусно дополняет своей сказочной глухотой будущую необозримую отраду... Лето — божественно, необычайно, и еще оно пахнет чем-то до боли знакомым, чего уже, как ни старайся, ни за что, наверное, не вспомнишь.

Ослепительное золото целого летнего дня — это именно июньское торжество, доступное для всех, причем, очень простое, даже родное, но и оно незаметно стораает за бесконечный день, оставляя в душе какую-то неразрешенность перед следующим, может быть, еще более ослепительным и разомлевшим июньским воплощением. Очищение души от происходящего вокруг торжества и счастья совершенно, потому как совершается в самой благодатной для этого поре — в июне...

Июнь — пора самых светлых и длинных дней, а солнце полно всеохватывающего умиротворения. От солнца, честно говоря, и не хочется уходить: так, забредёшь на время в тенистую ограду дома, переживая там чего-то — примешься было за какое-то несущественное дело, и вскоре опять подавай ослепительную радость, которая всегда в июне золотая. От золотого июньского солнышка и утро золотое, и день, и вечер, и голоса птиц, и твое

настроение. Ничто не приносит такого блаженства, как летнее июньское солнце.

Прочно утвердился на земле батюшка июнь. Не успевает солнце спрятаться в лес с одной стороны, как вскоре его первые лучи ударяют в небо с другой. Засучив рукава, принимается первый летний месяц за тепло, устанавливая повсюду красные дни. Редко когда затянет тучами небо, синий небесный простор только кое-где поджимают высокие шапки облаков... Ничто не в силах противостоять в июне солнечному сиянию: худо лето, коли солнца нету.

Июнь, замечали крестьяне,— пустые закрома, и оттого прозвали этот месяц — Хлеборост, Скопидом, что копит урожай на весь год. Провожает июнь только на работу, отбивает от песен охоту, ибо лето пролежишь — зимой с сумой побежишь. И даже если будет знойный июнь — на рыбалку плюнь. Вёдро в июне,— гласит народная мудрость,— колосит хлеба.

Рано начинается полный довольства июньский день. Большинство птиц слетаются из деревни к лесу в поисках добычи для молодого пернатого поколения. Коровы еще до восхода солнца размеренно позвякивают под окнами гулками колокольцами, нехотя мычат, трутся вздутыми боками о покосившуюся ограду. Из разросшейся вдоль забора крапивной чащи нет-нет да раздаются залихватские колена маленькой птички — крапивника...

Ширится июнь, набирает силу света, и если даже первые два дня месяца льет дождь, весь июнь все равно будет сухой. Но вот на Ивана Долгого, первого числа, еще продолжают сеять лен и гречу, пришёл же второго июня Фалалей — досевай огурцы скорей. На последний посев и первую прополку людей вызывает на огороды перепёлка: «Подь-полоть, подь-полоть, подь-полоть»,— будто выговаривает она прямо за околицей. А еще на Фалалея-тепловея провеивали прясла — молодые жерди или мочальные гуськи.

Константин и Елена — длинные льны на третье июня, повсеместно завершали сев хлебов и сеяли только лен и коноплю. Посеешь лен на Олену, замечали в народе,— будут длинные льны, оттого Елену так и прозвали. В день Константина и Елены сеяли еще и позднюю пшеницу, а кое-где этот день величали «овсяником». И все же, крестьяне разграничивали обязанности святого императора, отказавшегося в свое время от язычества и желающего отыскать Животворящий Крест, на котором распят был Иисус Христос, и его матери, царицы Елены, отыскавшей этот Крест и воздвигшей в Иерусалиме христианские церкви на местах, связанных с земной жизнью Господа: льны — Олене, а последние огурцы — Константину...

Четвертое июня называлось Васильковым, или Василиск — соловьиный день. Как ни странно, этот день не олицетворялся с красотой чудесного голубого цветка, а приравнивался народом к репейнику и чертополоху, поскольку глушил ржаные поля. На Василиска не сеяли и не пахали, а пережидали, чтобы поля не засорились и одни васильки не уродились. Еще в этот день подслушивали соловья, для лова, пока он еще не перестал тешить

себя своими сладкими трелями. Песни, как говорится, соловьиные, а промыслы воробьиные.

В Иванов день, седьмого июня, когда в третий раз была обретена честная голова святого пророка Иоанна Предтечи, начиналась заготовка разных трав для лечебных целей. С Иванова дня уже шли обычно медвяные росы, то есть вредные, и крестьяне успевали собрать добрый урожай цветов, которыми красен был июнь. Дядя Иван — и людям и нам!

В народе давно приметили, что сильные росы в начале июня — к хорошему урожаю, и оттого с Иванова дня ставили в кринках молоко под три росы — больше молока коровы дадут. Также внимание крестьян в эту пору было привлечено к рябине: именно теперь ей пора в полную силу зацвести. Поздний расцвет рябины — к долгой осени, хорошо рябина цветет — к урожаю льна. Когда бывает большой цвет на рябине, тогда надеются на хороший налив овса. Кое-где в Иванов день производится главная посадка капусты.

С каждым днем все больше цветов, все пышнее становятся травы... Одной зелени, которая еще не успела состариться и отяжелеть, — десятки оттенков. Гвоздика и мышиный горошек, журавельник и кукушкин лен, погребок и лесная лилия-саранка, зверобой, льнянка, вероника, — каких только трав не встретишь, блуждая сейчас в лугах и лесу!

Может быть, из-за привычки видеть каждое лето наши обыкновенные деревенские цветы мы и не замечаем их истинной прелести, а всё больше восторгаемся величавыми розами и дикими орхидеями. Но улыбочивые ромашки и колокольчики несколько от этого не унывают, и каждое утро радуются солнечному свету. К ним почему-то всегда особое отношение, но спросят — почему, и не ответишь, да только невозможно представить без них букет лета.

Пришло, наконец, на землю долгожданное июньское тепло, и всем стало ясно: окружающее торжество создано для того, чтобы подчеркнуть и выявить каждое в отдельности, во имя общего жизнеутверждающего аромата, благодаря которому всякая былинка в природе умывается и очищается. Июньское тепло так необыкновенно, что каждый вхож в его роскошный жар, и в тенистую прохладу, и в солнечные дождевые потоки, которые в народе принимаются за грибные. Тепло июня — это нечто неопишное, вольготное, доступное для всех, если даже ты подвергнут осенним неизъяснимым переживаниям или до сих пор околдован весною.

Июнь — радость жизни, когда всё достижимо, воздух роится от всеобщей радости, влаги, цветов и света, и жизнь, кажется, никогда не кончится. Только в июне не покидает ощущение, что над тихой уютной заводью, цветущим лугом и раздольно раскинувшейся деревней в воздухе держится нечто неуловимое, но такое чудесное, что хочется жить, угадывать его во всем и, больше, ни о чем не думать!

Но, между тем, думать о начавшемся летнем быте вынуждают и святая мученица Федора, девятого июня, на которую не метут из избы сора, и

Никита-гусятник, десятого июня, когда в тихий день ждут хорошего урожая, и, конечно, Федосья-колосяница, иначе — Гречушница, ибо именно в её день рожь колосится, выметывая колос. Рожь обычно две недели зеленеет, две — колосится, две — отцветает, две — наливают, две — подсыхают... А на Федосью еще ходили в поле смотреть всходы: взошли хлеба — не дивись, налились хлеба — не хвались, хлеб на току — про урожай толкуй. Не мудрено и запутаться, но одно верно: спешу в ведро всю работу справиться, — июнь-батюшка на дворе...

Червень — так прозвали в народе первый летний месяц, увидев в нем самую красивую в году пору — червонную, а значит — яркую, замечательную и неповторимую. Много плодов и цветов в июне созревают именно красного, бордового, лилового или розового цвета, и это обилие красных красок характеризует суть месяца. Кое-где его называют даже «румянцем года» — за краски, яркие зори и цветы.

Розы и пионы, тюльпаны, кипрей и гвоздика, сосоря с колокольчиками, маки, шиповник — каких только цветов не встретишь в июне! А по краям вырубков и покосов уже ярко рдеет земляника... «Стоит Егорка в красной ермолке, кто ни пройдет, всяк поклон отдаёт», — загадывает народная загадка. Укромно и незаметно живет в себе такая земляничная поляна, но только подует легкий ветерок — и обдаст ароматом всю округу. За лесной земляницей вскоре нальется по косогорам сладким духом и дикая клубника, которая и ягодой крупнее, да и кустиком повыше.

Порой можно услышать и такое название июня: «изок». В некоторых местах подобным образом называют кузнечиков, их непрерывное стрекотание слышится повсюду. Даже ночной порой не смолкает эта жизнеутверждающая цикада: звонко и отрывисто «куёт» голосом невидимый в траве кузнец. Кузнечик, что козлу, — везде огород.

Днём — сухо... Сухой воздух, сухая земля, даже цветы замерли от недостатка влаги и уже не качают головками. В лесу всё трещит под ногами, и травы, кажется, остановились в росте. Июньская теплынь совсем одолела!

В такую сушь начинается, как ни странно, змеиный праздник: змеи, по народным приметам, скопляются и «идут поездом на змеиную свадьбу». Подступило двенадцатое июня, Исаакий...

Если убить змею и повесить на березу, замечали крестьяне, то пойдет дождь. Но кто возьмет на себя такой грех?! Недаром велось меж людей: змею обойдешь — и от клеветы уйдешь. А коли не минуешь, для лечения от змеиных укусов прикладывают к ране изжеванный корень любки, в Сибири это ужовник, а на Урале — медуница, или тертый свежий корень конского щавеля.

Июнь — самый жаркий месяц, но, бывает, перепадают и дожди, иногда обильные. А то хлынет и ливень, сыплющий градины с голубиное яйцо — случается в июне и такое! Но летом ведро воды — ложка грязи. Дождь, даже сильный, лишь прибьет пыль, а выглянет солнышко — и всё тотчас

подсыхает. Только после хороших дождей земля именинница: даст Бог дождь, уродится и рожь!

Повесив сетевое — лукошко для семян, на гвоздь в чулане, Еремей-распрягальник тринадцатого июня завершал все посевные, кроме гречихи. И начиналось на Устина, четырнадцатого числа, красное лето — красный налив ржи. Тот, говорили в народе, хорош, у кого родилась рожь, и тогда, после доброй работы, уж не тужи о ржи: только мешок держи. Но, и то верно, что матушка рожь кормит и всех дураков сплошь. Дважды в году красному лету не быть, и оно никому не досаждаёт.

А жара поджигает, и на солнце днем как в знойной бане: при такой суши и сырое горит. Парит июнь всех сухим веником, кости грызет; в огород лучше не выходи: слепни с мошкаррой одолеют. Сушь, духотища, воздух, аж звенит, а нутро будто прожарено. Но где тепло, тут тебе и добро: огурцы снимай, чуть ли не каждый день ушатами, от клубничных гряд — по всему саду запекшийся сладостный дух. Так вольготно в июне, как будто сам Бог в нём живет!

Но и сушь рано или поздно спадает, и вечером, хоть и нехотя, солнце опускается за горизонт. Золотой красногрудой птицей толкается оно в нежно-малиновых облаках, будто влюбленное рыжее сердце, и всё машет своими огненными крылышками, машет, даже на короткое время не желая оставлять только было очнувшегося весной, но вновь позабывшего себя в летней роскоши человека... В преддверии скорого солнцестояния, которое приходится на двадцать второе июня, ему совсем не хочется поворачивать на зиму, что кажется сейчас такой далёкой. Не зря летний день — за зимнюю неделю!

А тут и Лукьян-ветреник шестнадцатого июня подоспеет, как будто заказывали его: надует свежие ветра, от которых воздух прочистится, обновится, и станет легче дышать. На Лукьяна южный ветер — к урожаю яровых, северо-западный — к сырому лету, восточный — к наносным болезням. Если же соберешься в этот день рыть колодец, то нужно было опрокинуть на землю сковороду и по выступившей на ней сырости узнать, есть ли близко воды. Ветра на Лукьяна обычно приносили дождь, который сулил много грибов, а если случалась гроза, то это — к плохой уборке сена.

Но настоящими грозами был богат Федор Стратилат, двадцать первого июня. Если во время грозы слышались раскаты грома, нужно было ждать затяжного ненастья. Федора Стратилата называли еще колодезником, потому что в этот день чаще, чем на Лукьяна, колодезники опрокидывают сковороды, чтобы узнать, где есть водяная жила.

Вместе с грозами подступала и пора прополки. Поле полоть — руки колоть, а не колоть, так и хлеба не молоть. Посеяли злаки, шутили крестьяне, косим же осот да маки. С Федорова дня, когда сев закончен, а покос и вспашка под озимь еще не начались, подходила «навозница» — навоз вывозили на паровой клин. Каждый мужик хорошо знал, что ежели класть

навоз густо, в амбаре не будет пусто, и где лишняя навоза колышка, там лишняя хлеба коврижка. Навоз и Бога обманет!

На июнь обычно приходится и праздник Вознесения Господня, который празднуется в сороковой день по Воскресении Иисуса Христа — день, в который Господь вознёсся на небо. Этот день всегда приходится на четверг шестой Пасхальной недели. Повсеместно на Вознесение пекли «лесенки» как символ восхождения на небо и лакомились ими.

Следующая неделя после Пасхи — Семиковая, завершалась Святой Троицей. Именно эта неделя прославляла зеленеющую землю, которую всегда олицетворяла берёзка. Деревни в этот небольшой отрезок времени буквально преображались: дома и улицы были украшены срезанными березовыми ветками и цветами. На Троицу прихожане являются на обедню в церковь с букетами полевых цветов, а пол в храме устилается свежей травой.

День Святой Троицы называется также Днем сошествия Святого Духа на апостолов, ибо в этот праздник вспоминается и прославляется сошествие на апостолов Святого Духа в виде огненных языков. В этот день церковь призывает верующих поклониться триединому Божеству: Сыну во Отце со Святым Духом. С Троицей в народе всегда связывали только хорошее, и даже сильный дождь в этот день пророчил много грибов. Бог любит Троицу, без которой и дом не строится.

Двадцать второго июня, в день летнего солнцестояния, праздновали святителя Кирилла, с которого приходил конец весне, почин лету. На Кирилла солнышко отдавало земле всю силу. Поспевала земляника, и уж если земляника красна — овес сеять напрасно. Лето близится к своей макушке, начались самые короткие ночи — воробьиные.

Белые июньские ночи... Что-то неземное есть в их нарастающем, ширящемся пространстве, какая-то отрешенность. Розовеющая полоска заката мягко тянется у горизонта, ненавязчиво окрашивает кучевые облака... И, тут же, белая луна, окошечко в никого уже не интересующую теперь безызвестность... Всё внимание — не смолкающей повсюду жизни, которая, кажется, только еще более разгорается.

Стрётот кузнечиков, особенно днем,— главный пульс лета, его напряженное и горячее сердце. Откуда и силы у таких махоньких насекомых?! От каждой веточки, лепесточка текут в такт песне кузнечиков дивные ароматы клевера, ромашек, мышиного горошка и незабудок. Над благоухающими полянами порхают бабочки — живые цветки лета: глубина его поразительна в своей простоте.

Цветы как будто подражают насекомым, и первое место по праву принадлежит любке, или - ночной фиалке, запах которой в июне усиливается к ночи. Это объясняется тем, что ночная фиалка опыляется ночными бабочками-бражниками, которые высасывают её нектар из узкого сосудика цветка прямо на лету. Июньской ночью, полной самых таинственных звуков и запахов, это напоминает полет сказочных эльфов...

Что ни день — то новости. В эту пору появляется особенно много мелких подёнок. Лишь эти насекомые, уже окрылившись, снова линяют. Их сброшенные оболочки — будто слепки с подёнки, ее полупрозрачные воздушные подобия. Только летом возможно такое волшебство, которое, между тем, заботится о будущем.

Не за горами и двадцать пятое июня, Петр-поворот! Солнце с Петра-поворота укорачивает ход, а месяц идёт на прибыль. Выпадают большие росы. Солнце поворачивает на зиму, а лето на жару. Самое бы время ударить хорошему ливню!

Почти весь июнь стояла великая сушь, не считая мелких непродолжительных дождей, листья заметно отяжелели, не шелхнутся. Но вот заблагоухали отчего-то вдоль забора заросли крапивы, потянулись в воздух свежие щекочущие струйки. Листы ее набрякли от невесть откуда взявшейся влаги, но воздух, по-прежнему, горяч и сух, в небе будто навечно распластался силуэт ястреба. Кажется, нечем дышать, и все же ощущаешь нутром предгрозовую паузу в природе и вбираешь ее каждой клеточкой тела. Где-то неподалеку уже совершается это долгожданное действие, приближается гул, а ты гадаешь: пронесёт мимо или прольется в самый раз?

И наконец-то грянуло! Молнии не видать, но всё вокруг светится, играет в синих, голубых и ослепительно белых бликах. Будто само небо обваливается на лес, деревню, что было сил, гремят об забор ветви,— шквал несусветный, аж, страх забирает. Если ливень не прекратится за ночь, немало рухнет деревьев, прямо с вырванными корнями. Утром странно стоять над их кронами, где совсем недавно гнездились птицы, а солнце жарит, без удержу, будто и не полоскал землю столько часов обильный ливень...

Парит земля, парит воздух, парят облака — знать, и ноне быть Божьей милости! Донимают скот мошकारа, оводы и мухи. Коровы от множества слепней не стоят на месте, убегают из стада, ищут приюта в селениях, под навесами и в тени строений. Отправишься поутру в лес за земляникой — комары будто взбесятся! Это прямо вслед за Петром-поворотом пожаловала Акулина — задери хвосты, гречишница, на которую не работали, чтобы гречи были хороши. В этот день обычно устраивали мирскую кашу для нищей братии.

С каждым днем солнце укорачивает свой бег, идёт тише... Святитель Тихон на двадцать девятого июня будто способствует этому своим именем. Его отец был владельцем хлебопекарни и посылал сына продавать хлебы, но тот раздавал их беднякам даром, а недовольному отцу отвечал: «Дающий Богу сторицею примет». Он был и в зрелом возрасте милостив, двери его дома были открыты для всех, и Тихон с любовью выслушивал и исполнял просьбу каждого, кто приходил к нему.

На Тихона постепенно замолкают певчие птицы, только соловей и кукушка поют до Петрова дня. Астрономы утверждают, что в это время земля движется по своей орбите с наименьшей за весь год скоростью: на Тихона у Земли самый тихий ход. В этот день завершается и поздний сев

ярового хлеба. Уповая на милость святого, к нему обращаются за помощью даже во время зубной боли.

Тихон в конце июня, что умиротворенное журчание ручья, ласковое пение птицы, слабый шелест подтянувшихся трав, вкрадчивый голос природы, которая, как и Бог, тихому да славному всегда поднесёт... Сам же июнь — благодатное для всех пристанище, спокойная и безмятежная жизнь посреди лета, когда тише едешь — дальше будешь. Вот и на тридцатое июня, в день святого мученика Мануила, солнце и то застаивается, будто смущённо извиняясь за самый жаркий и приятный в году летний месяц...

Июль Июль — макушка лета, которое в эту пору стало еще пригоже. Вот уж и на дворе, казалось бы, совсем пусто, в поле же — густо. Закалён июль работой и зноем, в нем пахнет больше не цветами, а душистым сеном, на полянах стоит тонкий аромат ягод и меда. Словом, благодать, самая середина чудодейственной поры, когда, кажется, избавляешься ото всех бед: плясала бы баба, да макушка лета настала.

В июле если можно «повесить» ведро на рог месяца — быть суше. Если же ведро «падает» — к дождю. Июльские потоки воды, бывает, льют и льют, но даже самые сильные ливни не в силах одолеть июльский жар.

Пчёлы — неутомимые провозвестники июльской медоносной поры, первыми предупреждают скорый дождь, усиленно летят к своим ульям. Перед засухой пчёлы обычно становятся злее, чаще жалят, а если сидят на стенках улья — будет сильная жара. В самом начале месяца, второго числа, приходит их охранитель Зосима, преданный жесточайшим мукам за отказ принести жертву языческим богам, за это подкрепленный благодатью Божьей, и пчёлы — божьи угодницы, не только доставляют воск на свечи, но и запасают много мёда. Недаром июль в народе получил свое название по обильно цветущей липе — «липень», или «липец», с которой пчёлы в эту пору усиленно берут взятку.

Цветут липы, пахнет медом, и на душе так хорошо и празднично, что ты этого даже не замечаешь. Липа — очень красивое, веселое и, может быть, самое обаятельное лесное слово... От липы в окружающей природе растекается какая-то особая нежность, что не излучает летом ни одно дерево. Пасечники с нетерпением ждут, когда зацветёт липа, моля заступника пчёл Зосиму, чтобы ливни не сбили дурманящий, беловато-кремовый цвет, сладостный дух от которого мягко пронизывает в июле всё вокруг.

Но отчего липа цветет в середине лета? Ее зеленые подруги уже давно сбросили свой весенний наряд. Разгадка проста: липа распускает цветы на побегах этого года. Пока молодой побег отрастет да заложатся в нем плодовые почки, глядишь, и подошло краснолетье — начало июля.

Вслед за Зосимой, третьего июля, наступает праздник перепелятников — Мефодий. Со дня Мефодия охотники живут в предвкушении скорой охоты на перепелов. Коли над озимью носятся тенётник и мошка, хорош будет улов перепелов. Словом, летят тенёта — удачная охота. А еще в народе

примечали, что если тенётник — особо большой паук-крестовик, оставляет в воздухе много тенётной пряжи, это пророчит долгую сухую осень.

Мефодий среди крестьян почитался и как паутинный день, погодоуказатель... Давно замечено, что паук лучше всякого барометра предсказывает погоду за два-три дня: паук не раскидывает своих сетей для ловли насекомых с обычным старанием — перед дождем или бурей; если паук снова принимается за работу или заделывает изъяны в своих тенётах, то это предвещает перемену погоды к лучшему; когда же он прилагает к своей работе особое старание, то можно почти наверняка предугадать положительную ясную погоду. Нередко перед наступлением непогоды пауки даже уничтожают сотканную ими паутину и поспешно забираются в щели...

В этот день также обращали внимание на поведение муравьев и лягушек: если муравьи прячутся в кучи — жди сильного ветра; лягушки расквакались — перед грозой; коли же они по суше запрыгают и жаба в траву выползает — к дождю. И вот, зашлёпали по сухой земле крупные капли дождя, грянул раскатистый гром, и вмиг кругом потемнело. Но как долго продлится дождь? Об этом наблюдательный мужик мог узнать из накопленных предками примет: дождь, начавшийся после полудня, будет лить весь день; большие дождевые пузыри и крутая радуга — к затяжному дождю; глухой гром — к тихому дождю, гулкий — к ливню; гроза никогда не бывает в холодную погоду, а только после нестерпимой жары.

Никто не предупредит ненастья надежнее живого барометра, и оповещают об этом человека, в первую очередь, именно те, кто всегда находится с ним рядом: животные, птицы и насекомые. Если внимательно к ним приглядеться, то, к примеру, определенно можно будет судить о дождливой погоде, если стадо коров к вечеру разревелось, лошадь трясёт головой и храпит, куры нахохлились, гусь и утка ныряют, собака ест траву и валяется по земле, воробьи кучатся в кустах, земляные черви выползают наружу, а пчелы утром не летят в поле, а сидят по ульям и гудят... В случае же, когда в деревню прилетит сова, сядет на крышу дома и будет кричать, то в этом доме и даже во всей деревне приключится большой пожар.

Помогают человеку определять время или предстоящие изменения погоды и растения, по которым даже в незнакомой местности несложно установить, какие здесь господствуют ветры. У одиноко стоящих деревьев кроны вытянуты в одну сторону — на восток, и это показывает, что здесь преобладают западные ветры. Хорошим указателем могут служить серебристый тополь и ива: когда дует ветер, их листья шевелятся, и крона кажется серебристой с той стороны, откуда идет движение воздуха. А кувшинка? Ее листья сверху зеленые, а снизу красно-бурого цвета. При ветре они закручиваются кверху и по их красному цвету легко судить, откуда дует ветер.

Многие растения распространяются при помощи ветра: одуванчик, чертополох, молочай. На многие сотни метров разносит ветер крылатые семена кудрявой березы, которая в июле желтеет пухлыми сережками, и по

полету ее семян можно определить направление и силу ветра. Береза — самое плодоносное дерево в наших уральских лесах, поскольку первой заселяет вырубки, гари и пустоши. Не пройдет и десятка лет, как на месте старой вырубки зашумит чистая березовая рощица и повеет свежестью и прохладой в знойный июльский день.

На Аграфену-купальницу, идущую за Мефодием-перепелятником, шестого июля, обыкновенно начинали заготавливать березовые веники на весь год. Для этого выбирали не шерстолистую березу, а белую, с гладким листом, называемую в народе «весёлкой». Из нее веники выходили паркие, душистые, выводя из тела все хвори. Добрый веник в бане и царя старше!

На Аграфену обязательно мылись и парились в банях, но и в реках с озерами вода к этому времени уже прогревалась, и с Аграфены начинали «закупываться», то есть купаться впервые в году. Ведь в июле хоть раздаться, а легче не станет, и потому крестьяне отводили душу в речной прохладе, настоящей на береговых травах. Несмотря на то, что вода в июле цветёт, покрывается поростом и лягушачьим шёлком, она от этого становится только еще более притягательной, дурманящей. Цветёт лето, радуется июль, будто жить ему во всем этом цветущем благе вечно.

Но самым главным событием дня Аграфены-купальницы был, пожалуй, сбор трав, кореньев для лечебных и знахарских целей, так как они в эту пору в самом соку. В народе говорили: в июле слышно, как трава растёт. Накануне Ивана Купалы девушки гадали по травам и цветам.

Аграфена-купальница и идущий за ней седьмого июля Иван Купала сливались в один большой праздник, наполненный для крестьянина огромным смыслом. День Ивана Купалы принадлежал к числу самых почитаемых и разгульных праздников в году, в котором принимала участие вся деревня. Более всего Иванов день заполнен обрядами, связанными с водой, когда обязательно нужно было искупаться, а вечером после купания жгли костры и прыгали через них. Крестьяне при этом приговаривали: «Вы молитесь, попы, дождя до Ивана, а после и мы, грешные, вымолим».

Травы и цветы, собранные в Иванов день, высушивают и берегают, почитая больше целебными, нежели собранные в другое время. В день Ивана Купалы девушки плетут венки из трав, а вечером пускают их в воду, наблюдая, как и куда они плывут. Если веночек тонет — значит, суженый разлюбил и замуж не возьмет.

А в лесных лощинах, где теряется солнечный луч, распускает перистые листья папоротник — ключ к отысканию кладов, по древним народным поверьям. В ночь на Ивана Купалу ходили смельчаки за его волшебным цветом и не могли найти, объясняя свои неудачи вмешательством леших и ведьм. Не зря Иванов день считался еще днем ведьм, оборотней и колдунов, когда следовало остерегаться проказов нежити. Крестьяне верили: на которой траве коса переломится в Иванову ночь, та и разрыв-травка.

В своём воображении ты тоже отправляешься сказочной ночью в лес и ищешь огневой цветочек папоротника, который вот-вот должен появиться и

зацвести. Но он почему-то никак не показывается, хотя и сильно ощущается где-то совсем рядом. Там и днем сумрачно, а полная темнота наступает незадолго до полуночи, скрывая даже белоствольные березы. Ходишь, ищешь и всё не можешь отыскать волшебства, которое, кажется, почти нашёл. Что-то еще более значительное, чем трепещущий в июльской ночи очарованный цвет, не допускает тебя к этой ослепительной тайне.

Ивановы дни вызывали у крестьянина и тревогу, и радость: они очень нужны хлебам и уже опасны для травы перед самым сенокосом. Вот и дождь до Иванова дня шёл в засек, то есть хлеба прибавлялось, после Иванова дня – из засека. На Ивана Купалу жито должно было выколоситься, а не заколосится – так это плохая примета. На Иван-день колосок, говорили в народе, так на Ильин день – колобок. Опять же во время сенокоса, который в ряде мест начинали именно на Ивана Купалу, дожди зарядят – сену плохо, зерну хорошо, ежели травы черны – лошади кормны, ибо сено гибнет, овса же – недостаток.

И все же, большинство примет на Ивана Купалу обещало добро. Корми меня до Ивана, сделаю из тебя пана, говорит мужику пчела, и коли мужик всё делает правильно, за два-три дня до Иванова праздника появляется мед. После Ивана уже не надо жупана (шубы или тулупа). На Иванову ночь звёздно — много грибов будет, сильная же роса сушила урожай огурцов...

В Средней полосе России в эту пору обычно поспевают все лесные полевые ягоды. Не зря на девятое июля приходится Давид-земляничник. Существовало даже поверье: кто хочет занять деньги, тот должен положить травы земляники в карман и смело идти — отказа не будет.

По свежим вырубкам, где в два-три года поднялись кусты малины, ягод не счесть. Ветви на частом кустарнике нагибаются от их тяжести до самой земли. Осторожно поднимешь любую, на которую упал взгляд, и обомлеешь от ударившего в лицо спелого духа. Малина аж посинела от зрелости, вот-вот оборвётся: голова сладко кружится в этом ягодном приволье... Ешь горстями лесную радость, благодари щедрый июль и лето!

Даже Самсон-сеногной десятого июля не мешает счастливому шествию удивительного месяца! И хотя издавна было замечено, что на Самсона дождь — через семь недель тож, то есть до бабьего лета будет мокро, повсеместно идёт подготовка к покосу, и второй раз распахиваются поля. Большая часть пара идет под озимую рожь, остальная будет засеиваться весной яровым хлебом.

Но, несмотря на то, что Самсон сено гноит, с этой июльской поры еще ожидалось сорок жарких дней, ну, а уж если пришел двенадцатого июля Петр и Павел — жару только прибавил. Воздух накален зноем, и кажется, тепло идет из-под земли. И хоть начинают темнеть ночи, и день убывает, а всё же происходит это пока незаметно, ибо Петровки скучать не велят: к Петрову дню доставай серпы и косы. Как говорится: всяк, кто дорос, спешит на сенокос.

Ну, а коли взял косу в руки — погоды не жди, тогда и роса косу точит. Где покос отведают, там и коси, на острую же косу — особо много сенокосу. Одна пора в году сено косить — июль месяц, что полон заливных, луговых, пойменных и суходольных трав, которыми хоть попа корми!

Лютики и ромашки, незабудки и колокольчики, клевер и гвоздика... Торжественность и покой чудесных цветочных полей, пахнущих медом, никогда не надоедает, безостановочно сливается с твоей душой, слегка возносит её и так надолго замирает, наслаждаясь проистекающим повсюду довольством... Солнце не печёт, а ласково греет, цветы светятся, горят разноцветными улыбками. Особенно старается озорной василек, сиреневыми огоньками весело подмигивая в раздольном июльском разнотравье. Вольготно, но не вальяжно развалилось дородное июльское тело, вбирающее и цветы, и ягоды, и солнечное тепло, и ароматный воздух. Быть, кажется, лету вечно, нескончаемо длиться в нем роскошному июлю!

Среди лесных июльских полей переживаешь что-то вроде легкой приятной усталости, когда даже не знаешь, как вести и куда деть себя в этом чудесном благодатном мире. Впечатление от переполняющих ощущений непередаваемо, со временем смотреть на цветы становится даже больно, а они, впитывая нескончаемые порции солнца, цветут уже второй, а то и третьей очередью. Алеет, синее, желтеет травами разомлелый июль, наверное, с неохотой двигаясь к зрелой августовской поре. Вот бы ещё ему поиюлить, поцвести жарким душистым золотом непрекращающегося щедрого дня!

Ни с чем не сравним травяной июль! Травы его загустели, заметно возмужав. Легко срезает такую траву коса, ровно ложится тугой валок. А как трава полежит, пообсохнет, да её перетрясут,— жаркое, душистое сено сгребают, покучней, в стога. Не то сено, что на лугу, говорили в народе, а то, что в стогу.

Стог посередине поляны — воистину летняя сокровищница! Спрятал в себя все травы и цветы, источает их пряное дыхание, настой ромашек, васильков и колокольчиков, а подойдешь к нему вплотную — голова пойдет кругом. Чутко хранит стог сена память трав и цветов, навеяв светлые думы.

Все ароматы лета смешались в этом жарком летнем хранилище, все они непередаваемо душисты и целебны, и ни один невозможно выделить. Может быть, именно в стогах наши полевые цветы начинают благоухать по-настоящему, ещё пуще, только теперь раскрывая себя до самого конца. Весна цветами красна, а июль снопами!

А уж когда настал день Кузьмы и Демьяна, который по народному месяцеслову приходился на четырнадцатое июля, косить и вовсе не рано! На Урале, если будешь ждать этого дня, можно и без сена остаться. Остро сверкают по опушкам звонкие косы. «Вжик-вжик, вжик-вжик, вжик-вжик», — размеренно выговаривают они, и покорно ложатся на землю скошенные травы.

Стоит разгар лета, и утомленное солнце день за днем всё позднее выплывает из-за горизонта, всё короче становится его путь над землей. Еще не скоро окрасятся листья деревьев в багрянец и золото, но в природе уже чувствуется величавая зрелость. Словно утомившись от тяжести пышной листвы, притихли и задумались леса. Только в грозу да в сильный ветер недовольно шумят отяжелевшие кроны деревьев.

Отзвенели в лесах птичьи голоса. Перед самыми Кузьминками замолк соловей, с Петрова дня подавилась колосом кукушка,— рожь уже давно вошла в молочную спелость. По запылённым обочинам дорог поднял фиолетовые головки чертополох и расцвёл лекарственный цикорий.

Всем июль пригож, да макушка его тяжела. В огороде полют гряды, снимают первый урожай. Вообще, страдная пора, как и лето, в разгаре, и трудиться приходится с утра до позднего вечера не покладая рук. Сбил сенозарник спесь, что некогда и на полати сесть, но зато покой пьёт только воду, а беспокой — мед, с которым мужик и лапоть съест. Кормит его не топор, а июльская работа.

На Кузьму и Демьяна женщины успевали не только справиться с огородом, накосить, выполнить всю домашнюю работу, но и отметить свой праздник — летние Кузьминки. Это чисто женский праздник, с хождением в гости, обязательной растительной пищей, которую готовили и собирали вкладчину, с пивом, разговорами и песнями. Мол, мешай дело с бездельем, проводи время с весельем!

Июль и с косою по лугам прошёл, и с серпом по хлебам пробежал: доход не бывает без хлопот. И где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто. Стоит зной, и вроде бы не лежит душа идти в полный комара и гнуса лес, но там в эту пору поспевают малина, черника и смородина, что под комариные песни еще лучше зреют, и страсть как хороши в пирогах и просто с молоком. Июлю ничего не жалко, нужно только усилие приложить — отправиться спозаранку, ещё по темноте, в лес, и тогда царство Берендея встретит тебя скатертью-самобранкой. Успевай собирать маленькие роднички здоровья, в погребах же незаметно прибавляются банки с душистым вареньем: зимой всё сгодится.

Вот и Ермий с Сисоем, пострадавшие за Христа, под девятнадцатое июля неустанно проповедуют: «Не то забота, что много работы, а то забота, когда нет работы». И уж кому, как не им, было знать, что кто рано встаёт, тому Бог подаёт, да и коли решил наживать, так надо раньше вставать. Ведь без труда и отдых не сладок.

Вода в прудах и озерах к этому времени стала совсем парной, молочной... От душистого тумана по утрам можно задохнуться. Лениво плывет он над поверхностью воды, от малейшего вздоха ветерка начинает роиться, обдавая еще большей пряностью прибрежных трав. Медленно провожаешь взглядом эти плотные ароматные клубы, а туман беззвучно крадётся, красуется в тихой озерной глади...

Такая тишина вокруг, что не слышно, ни птиц, ни комариного писка, ни рыбьих всплесков... Спокойно, даже торжественно рождается чудесное июльское утро, не желающее, должно быть, перетекать в разомлелый полдень. Эту торжественность, в самый раз на двадцать первое июля, подхватывает Прокопий, которому сам Иисус Христос совершил Крещение, дав ему имя, и Прокопий поэтому будто боготворит июльское утро, ненавязчиво предупреждая еще больший праздник — явление иконы Казанской Божией Матери...

Великое благо совершается на земле — июль, великая радость — переживать его и пить до дна, будто из святого источника. Всё больше накал роящегося воздуха, всё чаще присаживаешься передохнуть в тень душистого стога. Высокие белые облака легко катятся по выцветшему небу в неизведанные светоносные края, на самую вершинку стога опускается, не боясь человека, маленькая рыжая пустельга. Сидит, чуть сгорбившись, вся на что-то нацеленная, а такое впечатление, будто именно она удерживает в когтях сенную грудку, и если вдруг сорвется, то увлечет её за собой. Все копны, устремленные своими заостренными макушками в июльское знойное небо, от этого кажутся еще более воздушными.

Свежий ветерок слабо шевелит золотистые соломинки, жарким золотом отливают округлые бока стогов, которые будто охраняют широкое июльское пространство. Неспешна жара, неспешно вольное июльское время, распростёршее себя повсюду. Жарко думать, жарко дышать, но все равно хочется наслаждаться щедрым июлем, что словно остановил, задержал лето и время, и нет никакого желания его покидать. Июль насытил собой всё живое, и это живое отзывается ему каждой частицей своей огромной прекрасной души.

Именно с Прокопьева дня принимаются складывать по дворам зароды, которые хранят крестьянина и его скотину от нужды. В начало самой сильной за лето жары Прокопий и жнет, и молится, и собирает, и, как ни странно, везде поспеваает. Благо, что Казанская!

Но именно с Казанской начинают, по-настоящему, готовиться к жатве, в некоторых местах уже собираясь жать рожь... Прокопий — трудолюбивый жнец, жатвенник, он — и зажин ржи. Ведь в июле зерно в колосу — торопись жать полосу, и пока колос в поле — трудись подоле. В народе примечали: жнут рабочею Казанскою порою — жуют зимою, ибо в жатву только лентяй женится, а зуда замуж идет. К началу самой сильной жары, на двадцать второе июля, Панкратий с Кириллом обычно потчуют первыми огурчиками, в лесах же пахнет отцветающей липой. С гудением выются вокруг цветов пчелы, спеша унести в свои улы больше нектара. На суходолах уже вянут травы, и каждый порыв ветра сопровождается их шорохом.

А над озерной и речной гладью кружится белая метель: трепещут крылышками, порхают в воздухе бабочки-подёнки. Только один день протанцуют они под жарким июльским солнцем и, отложив яички, исчезнут. Из яичек выпестуются личинки, два-три года проживут в воде и превратятся

в хрупких бабочек. Время в июле, когда вьётся над водой живая метель,— праздник для окуней и карпов.

Щедро льёт лучи июльское солнце, но вот-вот начнется страдно-грозовая пора... Это на двадцать четвертое июля приближается Ефимия Стожарница, на которую сияние стожар становилось уже заметным в ночном небе, и предвещало в будущем удачную охоту на медведя. Кстати, единственного из всех зверей, что бросился на Святую Великомученицу, когда её осудили на съедение зверям в цирке. Стожарами в народе называли созвездие Плеяд, а местами — Большую Медведицу, в которой Полярная звезда и есть стожар. «Коли звездисто, и стожар горит, иди смело на медведя»,— замечали крестьяне.

Применимо к этому празднику и понятие «стожар» как шест, втыкаемый твердо в землю, посреди стога, чтоб он не клонился. Стожары же — целый ряд таких шестов или длинных кольев для скирды сена или хлеба. Еще говорили: «Стожары целы, а сено увезли!» Но жатва в эту пору продолжалась, снопы росли по полям, и первый сжатый сноп называли именинником: именно с него начинали осенью молотьбу и его соломой кормили больную скотину.

Грозовая пора тем временем берёт свое, и когда гроза бьёт, в поле обычно не работают. Ну, а ежели она все-таки застала, приговаривали: «Ты, гроза, грозись, а мы друг за друга держись!» Ведь не всякий гром бьет, а и бьет, да не по нас, а и по нас — авось не убьет! Примечали: коли гром в постный день, будет хороший улов рыбы, глухой гром — к тихому дождю, гром гулкий — к ливню. Бог милостив: может, и с его угроз богатым станешь!

Прокл со своими великими росами как раз к этой сырой поре двадцать пятого июля поспевают: на Прокла поле от росы промокло. Большие росы загнаивают сено, и поэтому крестьяне не спешат до Прокла высушивать сено грядущками. Старушки-лекарки собирают великие целебные росы для врачевания: Прокловы росы, по их заверениям,— лучшее средство от призора и сглазу. Приметы же в этот день пророчат: утренняя роса — добрая слеза, ею лес умывается, с ночкой прощается; роса да туман живут по утрам, и если утром сильная роса и туман — к хорошей погоде; ночью нет росы, а в низинах не видно тумана — к ненастью.

Истосковавшаяся по влаге земля жадно вбирает её вместе с росами и туманом. После продолжительных гроз заморосит вдруг хмурый, неприветливый дождь и, изо дня в день, набираясь силы, дробно молотит по листве и крышам. В такую непогоду хорошо сидеть дома, наблюдая из окна, как на лужах от ударов дождевых капель всплывают большие пузыри — верная примета затяжного ненастья. Дождливое лето хуже осени!

А тут и Кирик с Улитой морочные двадцать восьмого июля объявятся: «Не жни на Кирика и Улиту — виденья худые увидишь!» «Кирики-мокродырики» — звали их в народе, замечая, что на них всегда мокро, сеет

безостановочный дождь и на дворе слякоть. Бывает, что и весь июль выдается таким неприветливым, дождливым.

Тянется тогда безрадостно летнее время, льет и льет за окном непрерывный ливень: не струи, а целые потоки обрушиваются на землю. Вот и лето, говорят, прошло, а солнце так и не обожгло,— быть ли лету к своему концу изобильным? Но живёт в крестьянине неискоренимая надежда хотя бы и на то лето, не на это, а на третий год, когда черт умрет. Пройдет лето, убеждает себя мужик, и не это.

Что ж поделать: лето на Афиногена, двадцать девятого июля, действительно уже перешагнуло свой знойный возраст. К этому дню вовсе замолкают птицы, будто задумываются, некоторые из них даже начинают готовиться к отлету. К концу июля поспела матушка ржица, велит к земле клониться. Выдастся в эту пору сухая погода — это сулит хорошую осень, сильные же дожди могут быть губительны для урожая. Лето ещё не подошло к своему закату, но уже ощутим его возраст: всем оно пригоже, да страда нелегка!

Август Лето перешагнуло свой знойный возраст, и вот уже Мокрида первого августа сряжает осень. Смолоду ведя девственную жизнь и после смерти отца став главной опорой для младших братьев сестер, Мокрида, воспитав их, приняла постриг и удалилась в монастырь. Строгость и воздержание были свойственны ей в течение всей жизни, она не имела никакой собственности и была удостоена дара чудотворения. Именно по Мокриде смотрели в народе осень: Мокрида мокра — и осень мокра, страда ненастная, ведро на Мокриду — осень сухая.

Примечали также, что если в этот день дождь с утра — не жди добра, осень будет вся мокра, зато сев озимых хлебов будет хорош, орехи же не уродятся. Оводы кусают на Мокриду последний день, а полетел пух с осины — иди за подосиновиками. Ведь коли грибовно, говорили крестьяне, так и хлебовно.

Не зря принято считать, что и Илья, уже второго августа, лето кончает, жито зажинает, и первый сноп — первый осенний праздник. Множество августовских пословиц свидетельствуют об этом: Петр и Павел в июле на час день убавил, а Илья-пророк — два уволок; придет Петрок — отщипнет листок, пожалует Илья — отщипнет и два; с Ильина дня ночь длинна: работник высыпается, а кони наедаются; после Ильина дня в поле сива коня не увидишь — вот до чего темны ночи; на Илью до обеда лето, а после обеда осень; на Ильин день и камень прозябнет; до Ильина дня под кустом сушит, а после Ильи и на кусте не сохнет; придет Илья — принесет гнилья; до Ильи тучи ходят по ветру, а после — против ветра...

В народном воображении Илья — святой грозный, сурово карающий, и в то же время щедрый, наделяющий самыми благодетельными силами природы. Илья в своем подчинении держит грозы, дожди и молнии, он посылает на землю плодородие. На Ильин день вся нечистая сила, спасаясь

от огненных стрел пророка, обращается в зайцев, лисиц, кошек, собак и волков, в связи с чем установился обычай в Ильин день не пускать в дом собак и кошек, чтобы не навести на избу грозу и молнию.

В народе издавна подмечали, что на Илью, когда в течение целой ночи раздаются оглушительные раскаты грома, молния почти непрерывно озаряет все небо, испуганные птицы мечутся и, натываясь на разные предметы, падают. В такую ночь ревет скот, страшно становится и не спится человеку. Это мчится по небу на своей огненной колеснице Илья-пророк, от ее стука по небесной мостовой прячется вся нечистая сила, а золотые стрелы-молнии поражают ее. Немало примет на Илью было связано именно с громом: глухой гром — к тихому дождю, гром гулкий — к ливню; непрерывный гром — будет град; гром гремит громко, долго и не резко — к ненастью, если же отрывисто и непродолжительно — будет ясно.

В эту пору крестьянин с особым страхом смотрел на небо: урожай уже готов к жатве, и достаточно сильного ливня или палящей молнии, чтобы лишиться хлеба. Чтобы отвести беду и умиловить грозного пророка, в Ильин день не работали в поле, не косили и не убирали сена. Вот и пословицы опять же наставляли: Илья-пророк — косьбе срок; на Ильин день стогов не мечут, а то спалит грозой; до Ильина дня сено сметать — пуд меду в него накласть, а после Ильина дня — пуд навозу, когда сено лишь на вилах сушат...

Дожди с Ильина дня — обычное дело. До Ильи, говорили, и поп дождя не умолит, после Ильи и баба фартуком нагонит. До Ильина дня дождь — в закрома, а после Ильи — из закромов. Дождь в Ильин день предвещал обильный урожай ржи на следующий год. Ильинским дождем умывались, спасаясь от призора...

С Ильина дня начинаются обычно и утренники. Муха до Ильина дня только кусается, замечали крестьяне, а после — запасается. После Ильина дня перестают кусаться и комары, а капусту накрывают горшком, чтобы была бела и цела.

Вот и купаться уже нельзя: с Ильина дня вода становится студеной. До Ильи мужик купается, а после Ильи с рекой прощается. Даже лось в этот день копыто обмочил да воду прогорчил.

Да, в августе вода холодит, зато серпы греют. В этом месяце мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять. Что в августе соберешь, с тем и зиму проведешь, тем более, август — разносол, всего в нем вдоволь. Это ничего, что он крушит, ибо после — тешит, и если в августе каторга, скоро будет мятовка.

Не успел миновать грозной Илья, а четвертого августа вступает в свои права Мария Магдалина, которая тоже считается громовым днем. Коли на Марию Магдалину гроза — сена будет за глаза, а ежели сильные росы — льны будут серы и косы. Овсы да льны в августе смотри, ранее они ненадежны. Именно в этот день льны выстилают по росной траве и вынимают цветочные луковицы...

Идет по земле последний месяц лета, и хоть по-прежнему еще стоят жаркие дни, полыхают далекие зарницы и яростно гремит гром, но ночи стали прохладны, да и росы обильно смачивают вянущие травы. Все чаще плывут по небу тонкие нити перистых облаков — предвестники ненастной погоды. В темно-зеленой листве деревьев и кустарников мелькают желтые пряди, что отмечают чаще всего липу, а в полях невидимая августовская рука один за другим обрывает белые лепестки ромашек...

Просты и скромны тона уходящего лета, и август как будто готовит наше восприятие к близкой поре золотой осени, когда ярким пламенем увядания вспыхнут осины и березы. Но пока в полном разгаре стоит жатва, ибо август — месяц плодородия: на полях зреет рожь, наливаясь силой колос пшеницы. В садах и огородах собирают овощи и фрукты, пламенеют гроздья рябины с калиной, на болотах поспевают ароматная морошка, а в лесах — сочная брусника. Августовский лес спешит отдать людям свои дары, не зря последний месяц лета прозвали в народе соберихой и припасихой.

Вообще, у августа в запасе немало имен: и жнивень, и разносол, и капустник, и густоед, но самое древнее название этого месяца — серпень. Изредка его называют «косач», но это название несколько моложе, так как серп при уборке урожая на участке, где готовили землю и выжигали лес, более предпочтителен, чем коса. Копнами и скирдами обмолоченной соломы помечает август свое неторопливое шествие, и именно с этого времени в деревнях заготавливали новину — первую солому, или крестьянскую перину, на которой спали деревенские люди, но сейчас отдыхать им некогда, потому как хорошему хозяину в августе день мал.

Это подтверждает Трофим-бессонник, что не заставляет себя ждать и наступает сразу после Марии Магдалины, пятого августа. Трофим-бессонник — пора усиленных работ, жаркой страды, а в страду одна забота — не стояла бы работа. Если идет работа — спать неохота, а будешь долго спать — добра не видать.

Великого труженика Трофима шестого августа сменяют не меньшие стратотерпцы Борис и Глеб, постоянно оказывающие помощь своей родной земле, особенно в години тяжелых испытаний. Недаром в народе водится пословица: «Пришли Борис и Глеб — поспел хлеб». Хлеб — дар божий, отец и кормилец, и только ангелы с неба его не просят. Дай Бог покой да хлеб святой, приговаривали крестьяне, ибо любую беду можно с хлебом съесть!

Следующая далее Анна, седьмого августа, — день калик переходящих, и именно с нее могли уже случиться и заморозки: по Анне крестьяне судили о зиме. Анна, по наблюдениям крестьян, припасала крепкие утренники: если утренник холодный — и зима холодная, — так гласила народная мудрость. И еще: какова погода до обеда — такова зима до декабря, какова после обеда — такова зима после декабря. Светлый и теплый день на Анну предвещает холодную зиму, когда идет дождь — зима будет снежная и теплая. Ну, а коли муравьи с этого дня увеличивают муравейники — жди по-настоящему суровой и скорой зимы.

Но думается ли в эту напряженную пору о зиме, когда августовской работы у крестьянина невпроворот: вот и девятое августа подступает — Кочанный день, праздник Николы Кочанного. Это про него в народе повелась поговорка: «У августа — капуста, у марта — осетр». Блаженный Никола Кочанов, Христа ради юродивый, с юности возлюбил благочестие, усердно ходил в храмы, любил молитвы и пост. Когда же люди начали восхвалять его, он стал юродивым, ради Господа. В одном рубище в лютые морозы ходил он по городу, стойко снося побои и насмешки. Выносливость Николы под стать тому терпению, с которым деревенскому человеку приходится выхаживать капусту. Ведь у доброго хозяина без капусты в брюхе пусто.

Еще этот день знаменателен для крестьянина памятью о великомученике целителе Пантелеймоне, который с юности овладел врачебным искусством. Именно он, Пантелеймон всемилостивый, посвятил свою жизнь страждущим — больным, убогим и нищим, и кому, как не крестьянам, с их нелегкой судьбой, в первую очередь приходилось обращаться за помощью к этому святому. И все-таки Православной церковью Пантелеймон почитается как грозный святой, покровитель воинов, и потому крестьяне называли Пантелеймона Палием и боялись в этот день грозы. Деревенские люди были убеждены: на Пантелеймона грех возить хлеб и сено — Пантелеймон сожжет. Но святой, конечно, не причём: просто в эту пору выдается обычный грозовой день после сильной жары.

Правда, солнце, словно утомившись за два летних месяца, уже ленивее поднимается над горизонтом, к вечеру с каждым днем закатываясь все раньше и раньше. Заметно убавилось светлое время, короче становятся сумерки. Еще не успеет потухнуть вечерняя заря, как с востока поднимается черная бархатная тень, а на холодном, выцветшем за лето небе вспыхивают редкие звезды. Август — месяц звездных дождей.

Один за другим проносятся по ночному небу ослепительные полосы метеоритов, целые снопы ярких вспышек и огней. Это, конечно, не осенние метеоритные потоки, что благодаря более прохладной атмосфере выглядят гораздо значительнее и прекраснее. Сейчас же еще нет-нет да выпадают душноватые ночи с далекими и безмолвными зарницами, которыми можно любоваться у лесного костра.

Днем же стало повсюду тихо, в перелесках совсем умолкли птицы. Не до песен — наступает время осенних перелетов. У далекого горизонта все чаще теперь увидишь темные скопления птичьих стай: молодые пернатые совершают пробные облеты. Поупражнявшись, птицы рассаживаются на свежем жнивье и подбирают вкусные зерна на недавно убранном поле. Лето переломилось, нужно задумываться о надвигающейся непогоде и бескормице.

Значительно позже занимается рассвет, раньше смеркается. Да и прямого солнечного сияния заметно поубавилось, особенно к концу месяца, когда всё строже напоминает о себе осень. Но добрый хозяин, ладно

выстраивающий собственную жизнь, уже давно и с удовольствием ее ожидает: богатство августа, если на столе всего вдосталь, смягчает расставание с летом, которое за своими праведными трудами порядком надоело.

Под Калинов день, одиннадцатого августа, часто случаются морозы, опасные для хлеба, остающегося на корню. К этой поре рожь бывает пьяна, полна зерном и клонится к земле, отчего крестьяне с надеждой уповали на Господа: «Пронеси Калинника мороком, а не морозом». Примечали, что если на Калинов день не будет утренников, так и Луппа в начале сентября не заморозит. Хорошо было также, если в это время дни устанавливались пасмурные и прохладные, без дождей, и работы могли продолжаться без остановки.

Всё в природе готовится к проходам лета, и четырнадцатого августа подступает, наконец, первый, Медовый Спас, к тому же — Мокрый. У первого Спаса всего в запасе: и дождь, и ветер, и ведро, и разнопогодье. Пришел Спас — держи рукавички про запас. Это — первый из трех праздников Всемиловитому Спасу, Спасителю нашему Иисусу Христу, как бы связующих весь Успенский пост.

Первый Спас — начало Успенского поста, который длится до двадцать восьмого августа, и в народе о нем говорят: Спасовка — лакомка, а Петровка (Петровский пост) — голодовка. В Петров пост, который завершается двенадцатого июля — на Петра и Павла, кроме лука нет другой зелени для крестьян, а к Успенскому есть и огурчики. С первого Спаса и роса хороша, не зря на него святили колодцы, повсеместно устраивали крестные ходы на воду, а лошадей, как и весь скот, обычно купали в последний раз.

На первого Спаса также начинался ранний посев озимой ржи. Среди крестьян бытовало твердое мнение, что когда хлеб сеешь в погоду, больше родится приплоду, а в дождь не должно сеять ржи, и как только обмочило оглобли, так и поезжай домой. Вот и во время созревания малины, если первые ягоды бывают крупные, рожь следует сеять раньше; при мелких же ягодах поздний посев ржи лучше. Лесную малину крестьяне заготавливали охотно и в изобилии, как давно известное лекарственное растение. В народе использовали не только сухие травы, заваривая их в виде чая при простуде, но и цветки малины, настой из которых применялся как противоядие после укусов змей, отваром цветков промывали воспаленные глаза, а водным настоем ее листьев полоскали горло при ангине.

Ну, а почему же первый Спас — Медовый? Дело в том, что к этому дню пчела перестает носить взяток и пасечники заламывают или подрезают соты. Если вовремя не заломать сота, то соседние пчелы вытаскивают весь мед. Строгим блюстителем народных обычаев и постникам только теперь разрешается есть мед, и именно поэтому первый Спас называют Медовым. После освящения первого меда в церкви пчеловоды разговляются свежим медом и пекут с ним пироги.

Первый Спас, со всем присущим ему августовским медовым, ягодным и сенным духом, как бы открывает целый ряд следующих друг за другом близких и памятных для крестьянского быта дат, каждая из которых несет нечто свое и в то же время важное для этой страдной поры. Пятнадцатого августа Степан-сеновал заканчивает сенокосные работы, и каков Степан, говорили крестьяне, таков и сентябрь; шестнадцатого августа Антон-вихревей и Исаакий-малинник уже пророчили по ветру с вихрями снежную крутую зиму; семнадцатого августа Авдотья-сеногойка, огуречница, несмотря на урожай огурцов и хлеба, все же гноила сено и озадачивала мужика непокорным ноябрем; восемнадцатого августа Евстигней-житник одной рукой жнет, другой сеет и, заклиная на все четыре стороны добрый декабрь, призывает мать-сыру землю на помощь. Во время жатвы жнецы старались найти на одном стебле самое большое число колосьев, и если таковых найдется двенадцать, то он называется «житной маткой», или спорыньей. Нашедшие эти колосья хранят их как зеницу ока в продолжение всего года, приберегая их к посеву, во время которого их рассеивают первыми с твердой надеждой на получение от них обильного урожая. По передаваемым из поколения в поколение правилам, жали всегда молча, а песни звучали только по дороге в поле и с поля. Чтобы после тяжелой работы быть здоровыми и сохранять силы, крестьяне на Евстигнея ели сырой лук с хлебом, солью и квасом, в комнатах же развешивали связки луковиц, дабы очищался воздух. Лук к этому дню убирают, а то репка его не успеет высохнуть.

Август, пожалуй, самое беспокойное время не только в деревне и поле, но и в лесу: кругом аукают грибники и ягодники, по берегам лесных рек и озер притаились у маленьких костерков рыбаки, отрешенно и радостно бродят по неведомым лесным тропам охотники. Лес собирает под своим мудрым пологом всякого, кто неравнодушен к родной природе, и щедро одаривает его. У августовского леса в достатке и грибов, и ягод, и птицы всякой, и зверя,— как корову дой!

Больше всего в эту пору овладевает душами людей грибная страсть, и пока не утолишь ее до отказа, не появляется желания делать что-либо еще. Все охвачены азартом «смиренной охоты», и ее простые радости оказываются даже сильнее обычной охоты. Но стоит тебе забрести с корзиной в молодые березовые крепи и поднять там табунок тетеревов, как всё в твоей душе переворачивается, и тревожное квохтанье удаляющейся тетерки вдруг вынуждает вспомнить о любимой забаве — охоте на боровую дичь.

А тут еще, на обратном пути домой, почти из-под самых ног с треском вырвется вальдшнеп и, взмывши между высоких деревьев винтом, вовсе заставит перевернуться в груди сердце... Лесные встречи незабываемы именно в августе, когда всё в природе проникнуто достатком, умиротворенной красотой и покоем. И может быть, поэтому людей так тянет в августе в лес, который не хочется покидать.

Еще не начался листопад, лес насыщен жизнью и по-особенному отличаешь в нем, наверное, самую заметную мелодию — треск кузнечика. Особенно неугомонны кузнечики перед солнечным, ярким днем: вот когда они рассыпаются по лугам прямо за полночь. Почти неотличима от бодрой июньской песенки кузнечика его теперешняя, не менее жаркая трель.

Но встреча осени неминуема. К ночи становится заметно холоднее, и девятнадцатого августа наступает второй Спас, Яблочный, когда провожают закат солнца в поле с песнями. Только в этот день срывают спелые яблоки, их освящают вместе с медом, а еще примечают: каков второй Спас, таков и январь. Существует вера, что в Царствии Небесном детям, родители которых до второго Спаса не едят яблок, раздают яблоки, а тем, родители которых пробовали яблоки, не дают. Поэтому многие взрослые, особенно те, у которых дети умирали, до второго Спаса считают за великий грех съесть яблочко. До второго Спаса вообще не едят никаких плодов, кроме огурцов, но пришел второй Спас — и даже нищий яблочко отведаст.

В августе земля — полная мощна: одно, что праздник Преображения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Взяв апостолов Петра, Иакова и Иоанна, Иисус Христос в этот день возвел их на гору Фавор и преобразился пред ними, просияв как солнце, и преобразование это открыло цель жизни всем людям: быть преобразенными и прославленными величием Самого Бога. Поэтому освящение яблок на второго Спаса символизирует расцвет и плодородие в раю нескончаемого Божьего Царства Жизни. «С праздником! — будто обращается ко всем Природа, — преобразайтесь в мои ученики, и пусть для вас воссияет вечный свет!»

Вот и красное лето, несмотря на нелегкий труд крестьянина, надокучить никому не может. «Жнивка, жнивка! Отдай мою силку, на пест, на мешок, на колотило, на молотило, на кривое веретено!» — приговаривают жницы, катаясь после жатвы по жнивью, а мужики им вторят: «Уроди, Боже, всякого жита по закрому на весь крещеный мир, дабы каждый труженик возрадовался!» И правда, земля-мать подает и клад, но не она хлеб и плоды родит, а небо. На него мужик уповаet в своих молитвах, все чаще поминая к концу лета Всевышнего: «С нами Бог!»

Не случайно и все последующие за вторым Спасом народные праздники большей частью посвящены загадыванию погоды на осень и зиму, с надеждой на помощь Всемогущего Господа, который призывает видеть всех, после чего правда всегда будет с тобой. Марины-Пимены двадцатого августа напоминают обратить внимание на журавлей и аистов, и если те готовятся к отлету — осень будет холодной. Мироны-ветрогоны двадцать первого числа пыль по дороге гонят, по красному лету стонут: ранние инеи на них — к урожаю будущего года. Двадцать третьего августа мученик архидиакон Лаврентий смотрит в полдень на воду — коли тиха, то осень будет тихая, а на Евпла, двадцать четвертого числа, полагают, что в ночь на него между могил бродят разные привидения, слышны свист, вой и песни, предопределяющие, как ни странно, зиму без метелей. На Михея, двадцать

седьмого августа, ветры-тиховеи дуют к ведреной осени, в случае же бури — грядет ненастный сентябрь. Михеев день с бабьим летом бурей-ветром перекликается, замечено в народе, при нем тихий ветер в сад — сухая осень в лес и средний срок начала листопада.

С завершением августа приходит та самая тихая пора, когда, кажется, все в природе можно почувствовать и понять. Жара спала, в кронах деревьев начинают мелькать оранжевые, желтые и пурпурные листочки, а многие растения принимаются рассыпать свои семена. Там, где ты когда-то, в начале лета, вдруг застал в тени лиственницы цветущую душистую фиалку, слышится легкий, никого не пугающий треск: это лопнули и ударили по кустам и травам ее сухие горошины. Фиалка раскрылась!

Неожиданно с силой выстреливают, даже на несколько метров, свои семена созревшие стручки акации, журавельника, кислицы... Однако у большинства растений семена распространяются при помощи ветра. У семян сосны, ели, лиственницы, клена и липы имеются специальные крылатки, помогающие им планировать в воздухе. У ивы, осины и тополя семена пушистые, с длинными белыми волосками, отчего они легко подхватываются ветром и переносятся на большие расстояния, а вот растения с сочными плодами: ландыш, черника, крушина, рябина — завоевывают новые пространства благодаря птицам или насекомым. Идешь в солнечный тихий день по лесу и кругом слышится легкий приятный шорох: растения не теряют это благоприятное для них время.

С каждым днем деревья все обильнее роняют свои листья, которые устилают землю разноцветным ковром, и когда бредешь по лесу в поисках грибов, то принимаешь листочки за их шляпки. Вроде бы уже не раз обманулся в этой втайне радующей тебя игре, но по-прежнему забываешься и бьешь впустую поклоны в надежде отыскать белый гриб или яркий подосиновик. Пришло в лес время, когда грибам стало тесно, и они попадают по всем опушкам, покосам и дорожкам. В отношении же листопада в народе издавна было замечено, что если лист, осыпаясь с дерева, ложится лицом кверху — к недороду на другой год, а изнанкой, — к урожаю.

А между тем подошло Успение, которое приходится на двадцать восьмое августа. Успение — это конец земной жизни Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и переселение ее в жизнь Небесную, вечно блаженную. В этот день завершается Успенский пост, ласточки улетают на юг, а солнце успокаивается.

Крестьяне еще называли Праздник Успения дожинками, что означает окончание уборки и посева озимого хлеба. По старинному обычаю, на поле оставляли небольшую горсть не срезанных колосьев, перевязывали их лентой — «завивали бороду» — и приговаривали: «Дай Бог, чтобы на другое лето был хороший урожай!» Делалось это, чтобы вернуть земле силу, потраченную на выращивание урожая.

Последний сжатый сноп — «именинник», пользуется особым почетом, его наряжают в сарафан или обвивают ситцевыми платками и с песнями

несут на пир честной, называемый «складчиной», так как устраивается он на собранные со всего мира деньги. Последний сноп ставят под иконы, часть его на Покров скармливают скотине или дают курам — всем по горсточке, а во многих деревнях последний сноп сохраняется до Нового года.

Сразу после Успения, двадцать девятого августа, праздновался третий Спас, Ореховый, потому что к этому дню поспевают орехи. В старину этот праздник отмечался в течение нескольких дней, как осенины и конец уборки урожая. Первый Спас — на воде стоят; второй Спас — яблоки едят; третий Спас — на зеленых холмах холсты продают, поскольку в этот день в Нижегородской губернии, в селе Зеленые Горы, устраивалась ярмарка.

Ласточки, которые начали улетать еще с первого и второго Спаса, на третий Спас окончательно прощаются с родиной. А если к третьему Спасу отлетает и журавль, то на Покров будет морозно. Третий Спас считается еще и «хлебным», и на него пекут пироги из нового хлеба: третий Спас хлеба припас. К третьему Спасу завершается и молодое бабье лето: коли на него вёдренно — жди ненастья в старое.

Завершают август тридцать первого числа Фрол и Лавр — лошадики, и потому этот день — конский праздник. Лошадей, по общему и неизменному правилу, кормят в полную сыть и ни в коем случае на них не работают, табунщикам же и конопасам пекут именинный пирог за хороший уход за лошадьми. А еще лошадей купают, вплетают им ленты в хвост и гриву, кропят святой водой. На Фрола и Лавра не выжигают тавра: Фрол и Лавёр до рабочей лошади добёр.

Пришел Фрол и Лавр, замечали крестьяне,— кончай посев ржи, ну, а коли на Фрола не отсеешься, фролы одни и родятся, то есть, по-народному — цветочки... Но, хоть фролы и голы, смотрели в этот день корни у полыни: если побеги корня толсты — следующий год будет урожайным. На Фрола также начинался засол огурцов...

...Быстро прокатилось полное забот лето, и уже не слышны такие радостные эпитеты, которыми народ наградил июнь с июлем. Только богатство августа, когда в доме всего вдосталь, смягчает расставание с уходящей чудесной порой. Но на огородах еще не убран картофель, стоят тугие кочаны капусты, а ботва лука порядком полегла и подсохла: вот-вот придет и его черед. Всяк корешок к своей поре!

И становится отчего-то немножко грустно и хорошо, так что даже и не знаешь, как объяснить свое состояние. Вспоминаешь, какое лето было разомлелое и цветное, с обилием грибов, ягод и ранними подъемами, с запекшейся на солнце земляникой и неугомными пчелами, с ароматом густых туманов над рекой, душистых трав и меда,— разухабистое, неудержимое, такое желанное... От этих приятных воспоминаний невольно улыбаешься, и тогда грусть постепенно отступает, и ты замечаешь последние августовские цветы, которые чутко хранят в себе радостное проявление незабываемой летней жизни.

ОСЕНЬ

Сентябрь И вот уже уходящее лето наступающей осени в пояс кланяется, а осень вослед ему отвечает ветрами, дождями да сереньким утром с листопадной метелью, по которой в народе угадывали будущие зиму и весну. Верили крестьяне, что издавна устоявшиеся приметы их не обманут, и если, скажем, листопад пройдет скоро, надо ожидать крутой зимы, поздний листопад — к суровой и продолжительной зиме, лист хотя и пожелтел, но отпадает слабо — морозы наступят не скоро, в случае же, когда осенью листья березы начнут желтеть с верхушки, то будущая весна будет ранняя, а коли снизу — то поздняя... Ничего не поделаешь — настала пора увядания, и первый осенний месяц рассыпал золото и багрянец по рощам и лесным тропинкам, завесил неожиданно оголившиеся дали пеленой туманов, погнал холодную рябь по сумрачным водам рек, озер затянувшихся ряской мочажин. Таков уж сентябрь — переменчивый, капризный, но очень глубокий.

Пришла, наконец, и осень — погоды перемен восемь, и открывает ее хозяйски летопроведец сентябрь, который не любит баловать. Май, бывает, что рекой прольет — капли не видать, сентябрь же ситцем просеет — и воду хоть ведром черпай. И то верно: сентябрьский дождь мелко сеется, да долго тянется, а осенняя ночь аж на двенадцати подводах едет.

И все же, несмотря на непогоду, сентябрь в свой самый первый праздник, на Андрея Стратилата, посылал на землю ветер-тепляк, который дул в этот день с юга и обещал хороший урожай овса. Коли батюшка юг, примечали крестьяне, пустил ветер на овес — овес готов к уборке. Стратилатов день приспел — овес поспел. Холоден сентябрь, да сыт: осенью, как говорится, и у воробья пир.

Фенологи считают, что осень длится шестьдесят шесть дней — с двадцать седьмого августа по первое ноября, по-народному же календарю — со второго Спаса (19 августа) до Кузьминок (14 ноября), когда праздновали первую встречу зимы. Но до зимы еще далеко, и для нее у крестьян припасены свои приметы. А вот какая будет осень? Позволит ли погода убрать с таким трудом выращенный урожай?

Знает мужик по опыту, что весенний дождь парит и растит, осенний же — мочит и гноит, и оттого в народе всегда примечали, еще с весны: коли рябина зацвела поздно, то осень должна быть долгой; весенний дождь из тучки, осенний — с ясного неба; если журавли летят по весне высоко, не спеша и разговаривают, то будет стоять хорошая осень... Но минуло лето, в лесу рябины уродилось пропасть — и осень непременно замучает дождями, мало ягод или их нет совсем — простоит сухая. Сухую солнечную погоду предвещают южный ветер и осенний иней. Еще люди отмечали, что к сухой осени дикие гуси часто присаживаются и скворцы долго не отлетают. Коли же мыши вьют гнезда на верхах копен — осень выдастся мокрая и продолжительная.

А бывает, приход осени и вовсе незаметен. По-прежнему стоят жаркие дни, туманной дымкой закутаны дали и нередки раскаты гроз,— все говорит о затянувшемся лете. Что может быть привлекательнее этих первых осенних деньков! На Фаддея, третьего сентября, по деревням даже загадывали: если этот день будет ясный, то надобно ожидать, что еще четыре недели будет хорошая погода. В такую пору и синица просит осень в гости.

Солнечные дни сменяют один другой, и так к ним привыкаешь, что они кажутся нескончаемыми. О сентябре в народе говорят: появились опенки — лето кончилось, но опять полезли те грибы, которые вроде бы отошли, и если это случилось — не жди скорого снега. Да и лист с вишен пока не опал, и сколько бы снега вдруг ни выпало, оттепель его сгонит.

Еще скользят над водой юркие синие стрекозы, порхают над полями узорчатые бабочки, но воздух уже не тот и золотые пряди в кронах берез под утро превращаются в целые косы. Каждый день в окружающей природе прибавляются какие-либо изменения: в воздухе кружатся уже охалки увядшей листвы, все чаще встречаются стайки пернатых, готовых к отлету, а высоко в небе печально перекликается первый косяк журавлей... Близится ненастье, осень ощущается все больше, и крестьяне не зря полагают, что с четвертого сентября, на Агафона-огуменника, выходит из лесу леший, бегаёт по селам-деревням, дурит и раскидывает снопы по гумнам. Мужики поэтому ночами собираются стеречь гумна в тулупе наизнанку, с кочергой, однако считается, что леший не только проказит, пугает, водит людей по лесу, но и нередко помогает человеку, особенно если тот его чем-то уважил.

А вот уж Луппа-брусничник, отмечаемый пятого сентября, до уважительного отношения к деревенскому люду не снисходит — знай, морозом овсы лупит. На него начинаются утренники, вредные для овса и льна, и потому спешат убрать тот и другой. Ведь лен две недели цветет, четыре недели спеет, а на седьмую, то есть на Луппа, семя льняное летит. Если же поспеваает брусника, то и с уборкой овса надо торопиться. На Луппа-брусничника обычно обращали внимание на поведение журавлей: коли летят низко, быстро и молчком — жди скорого ненастья и теплую зиму, высоко — зима будет холодная, а если именно в этот день птицы потянули на юг — зима наступит ранняя.

Слушаешь, читаешь все эти приметы и опять поражаешься наблюдательности и терпению простого мужика, так вдумчиво, с любовью относящегося к окружающей его жизни. Всё он видит, всё знает, трудолюбием обладает неистощимым, и уж ежели оказывается без урожая, то не по своей вине: год выдается худой, зима сиротская. Уже летом крестьянин отмечает для себя по многим приметам строгую зиму, а природа ему в этом помогает.

Знает она, как тяжело людям, зверям и птицам пережить холода, поэтому перед суровой зимней порой на дубе много желудей, а на рябине — ягод. Чувствуют звери, чего им ожидать от зимы. И мыши, бурундуки и белки делают большие, чем обычно, припасы. Тонко угадывают зиму и

пчелы: перед морозной зимой они плотно запаковывают летки, а перед теплой — оставляют их открытыми. Комары появились поздней осенью — будет зима мягкая, возвели муравьи к осени высоченные кучи — быть суровым холодам.

Строгой зиме сопутствует и дружный отлет птиц, осенью листопад прошел скоро — жди зимы еще круче. Если в зайцах много жиру, то зима будет суровая, затяжная, а коли зверьки окажутся худосочными, то проскочит она как этот самый заяц,— только ее и видели! Вот и белка: очищается сверху вниз — на гнилозимье, снизу вверх — на прочную и верную зиму. Стоит только внимательно присмотреться к природе, пожертвовать временем во имя обретения знаний, и она не заставит себя долго ждать, открывая для человека неиссякаемые источники его собственной силы.

Неспешно идет по замирающей земле сентябрь, как бы даже удовлетворенно покряхтывает от переживаемого удовольствия: лес-то вокруг — словно расписной терем! Там, где сохранилось много влаги, луговые травы еще не померкли, и из них по-прежнему озорно выглядывают ромашки-нивянки. По межам нет-нет да попадаются васильки, трогательно склоняющие свои лазурные головки. За одну сентябрьскую неделю зазолотились березы, раскалились докрасна дубы и рябины, радостно зарделись клены. Украсил сентябрь землю разноцветным убранством, краше его не вырядишься!

Споро идет у мужика работа в такую золотую пору, когда осеннее золото хоть и не говорит, да много чудес творит. Только успевает он молить Бога, чтобы помог управиться с уборкой хлеба. Ведь если к этому сроку не уберешь колосовые, считай, пропал урожай: зерно осыпалось наземь.

Вот и трудолюбивые Тит с Варфоломеем седьмого сентября неспроста пожаловали: пришел Варфоломей — жито на золу сей, святой же Тит — последний гриб растит. Кто пораньше встает — тот грибов наберет, а сонливый да ленивый идут после за крапивой. Большой урожай грибов в течение лета да еще в начале осени предвещает продолжительную зиму, к которой нужно быть готовым, и потому грибы грибами, но у крестьянина сейчас на первом месте молотба за плечами.

Бок о бок с Титом и Варфоломеем встречает благодатную осень и Наталья-овсяница, которую отмечают восьмого сентября. К Наталье обычно повсеместно оканчивается уборка овса, по деревьям варят овсяный кисель и пекут блины. «Не погоняй кнутом, погоняй мешком с овсом!» — то и дело слышится с этого дня меж людей, ибо у сытого коня восемь ног.

Осень полноправно входит в свои права, и следующий за Натальей-овсяницей Иван Постный — не кто иной, как осени отец крестный. Иван Постный одиннадцатого сентября пришел, лето красное увел, и с Постного Ивана уже не выходит мужик без кафтана. Гонит Иван птицу за море далече, и именно в этот день первые косяки журавлей отлетают на юг. В сентябре и лист на дереве не держится.

С Ивана Постного убирали репу. Праздник этот отмечался без песен, но с обильной едой и угощением бедных странников. Строгий запрет соблюдался только в отношении песен, с помощью которых Соломея выпросила у Ирода голову Иоанна Крестителя, и круглых плодов, олицетворяющих ее. Нельзя было употреблять в пищу яблоки, картофель, капусту, арбуз и лук, — то есть то, что напоминает голову.

Но истинная голова всему в сентябре — четырнадцатое число, пожалуй, самый заметный день этого чудесного осеннего месяца, потому что именно он провожает красное лето и встречает золотую осень. Это Семен-летопроводец, первые осенины, и по нему судили о том, какая будет осень.

Если на Семена грязь вышла, то и осень должна быть дождливой, коли день простоял сухой — и осень сухая. На Семеновы осенины много тенетника — осень долгая да ясная, а когда дикие утки садятся, и скворцы не отлетают — осень протяжная и сухая. Если гуси улетают на Семен-день — жди ранней осени...

На Семен-день приходился и последний посев ржи: в Семенов день севалка с плеч. В этот день до обеда следовало пахать, а после обеда пахаря с поля гнать. Присловье такое понималось по-разному: либо как намек на то, что с наступлением сентябрьских дней ясная утренняя погода к полудню часто сменяется холодом и ненастьем, либо как напоминание о завершении работ с землей. Словом, до обеда паши, а после обеда руками маши.

В середине сентября страда обыкновенно заканчивается, ворота в поле открывают и выпускают скот. До уборки хлеба ворота заперты, и скот ходит в поскотине. В старину еще сохранялся обычай на Семёнов день сажать на коня отрока — при переходе его от младенчества, по четвертому году: на Семена дитя подстригай, на коня сажай и на ловлю в поле выезжай, чтобы отрок рос сильным, выносливым и отважным.

Семен-летопроводец — первый праздник псарных охотников, когда совершался выезд в отъезжее поле. Праздник этот с нетерпением ожидался охотниками, к нему задолго готовились и отъезжали со псовой охотой подалее от своего жилья, где ночевали табором, охотничьим станом, а наутро начиналась охота с притравливанием зайцев, волков и лис, когда порсканьем, то есть криком и хлопаньем арапника, натравливали гончих на зверя, выгоняя его из леса в поле, «на чистоту». Охота эта была удивительно поэтичной, присущей, казалось, только русским, и как представишь себе зеленыя, будто лисьим хвостом охваченные разгорающимися осиновыми лесами, и пойманного волка в тороках, или толстоусого зайца, над которым хрипнут по горячему следу борзые, так что их заркое взлаиванье уносится куда-то в осенние небеса, но не исчезает, а тут еще рог ловчего торжественно возвещает об удачной охоте, сливаясь со всем, что происходит в эту пору в природе, то голова идет кругом и хочется самому оказаться на коне, с арапником, возбужденно привстав в стремях, скакать по чернотропу и атукать, позабыв обо всем...

А еще с Семена-летопроводца наступает, наверное, самая благодатная страница в жизни русской природы, которую исстари называли в народе бабьим летом. Бабье лето — лучшие золотые деньки нашей осени, и хоть печальны теряющие листья леса и всё крутом охвачено увяданием,— стоят тихие солнечные дни... Благодаря крепким утренникам раскраска листьев даже несколько задерживается, а как начинается дневное тепло — осень опять расцветает бурными красками. Вот и осина раскраснелась, скоро потечет ее лист, и тогда закружит по лесным дорогам листопадная метель сентября. С сентября огонь и в поле, и в избе.

Плавно покачиваясь, плывут по воздуху паутинки — первые седые волосы осени, как назвали их в народе. Это на новые места, подальше от родительского крова, летят крошечные паучки, спасаясь от кровожадной матери-паучихи. За неимением пищи она может закусить детьми, как уже давно расправилась с пауком-отцом.

В лесах тишина и покой, которые нарушает лишь легкий шорох листвы и ветра. Изредка послышится нежный пересвист рябчиков, с ветки на ветку перепрыгнет белка, обронив шишку, или еле приметно подаст голос синичка. И опять на какое-то время все замолкает, не журчат по логам чистые родники. Тишина бабьего лета объяла и их прохладные струи, растворила в себе звуки легкой грусти и красоты.

Даже в пору весны цветов в лугах и лесах не бывает столько оттенков и красок, как в бабье лето. Увядающая природа полна задумчивого очарования и тепла. Она не блещет пышными нарядами перед предстоящим прощанием, а наоборот, великодушно приоткрывает свое бесконечное золотое богатство, напоминая о неминуемости достижения зрелого возраста в пределах жизни.

Бабье лето... Отчего же оно так называется? Происхождение этого названия очень древнее и связано с наступлением периода, когда после летней, страдной поры и для женщин приходило запоздалое лето, время сравнительно легких работ. Правда, коротко бабье лето, как и бабий век, но кому ж не любо это последнее ласковое тепло, к тому же, неповторимо раскрашенное?

Плывет над землей разноцветный рябиновый, осиновый и березовый лист, и лишь один тополь не спешит с ним расставаться. Но не за горами сердитые утренники, а пока тополя красуются зеленой листвой, вроде и не про них праздник увядания. Скор сентябрь на угасание солнечного света, все более хмурающееся небо и ранние сумерки. Не зря его за хмурую погоду и дожди с ветрами прозвали в народе «ревун», или «жмурень».

Кстати, наиболее частое название месяца — не «жмурень» и не «ревун», а «зоревник» или «жовтень», связанное с яркой желтизной растений, с желто-золотым цветом осени. Осень в бабье лето, как бы задумавшись, приостановилась... В лиловую дымку окутались дали, величественнее стал простор русского осеннего пейзажа, где трепетно-оранжевое зарево осинников тонет в лимонных всполохах нескончаемых березовых роц... Тих

и задумчив сентябрь, радостно нарядное бабье лето. При всей своей величавой грусти, русская осень никогда не бывает скучной.

Под стать листопаду и цветы сентября. Донник, ромашка, золотарник, иван-да-марья, ястребинка и пижма — все они окрашены в желтые тона. Много еще трав в лесу, и к их тонкому аромату примешивается хвойная душистость рыжиков, что притаились под еловым лапником, будто схоронившись от скорых утренников. Вот-вот ударят они под Михаила, девятнадцатого сентября, когда день укоротится уже на пять часов, и прибьют всю природную желтизну... До первого крепкого инея цветут в лесу травы, к этому сроку почти не ароматные, пустые, но все еще привлекательные.

А на Созонта, двадцатого сентября, по огородам уже выкопали картофель, и начинается повсеместно уборка лука. Много одежды на луковицах — быть зиме холодной. После окончания всех полевых работ полная свобода давалась парням, на долю которых выпадало идти в рекруты. До самого набора они освобождались от работ, гуляли в нарядной, праздничной одежде, поочередно ходили друг к другу в гости, а бабы собирали в дом всякую рухлядь, чтобы приобрести благополучие на осень. Все по деревням готовились ко второй встрече осени — Рождеству Богородицы, которое справляли двадцать первого сентября...

Сын Божий, возжелав для спасения людей принять человеческое обличье, Пречистую Деву Марию, единственную достойную воплотить в себе Источник чистоты и святости, избирает себе Матерью. Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии празднуется Церковью как день всемирной радости. Оно ознаменовало наступление времени, когда начали исполняться великие и утешительные обетования Божии о спасении рода человеческого от рабства дьявола, а для крестьян подобное событие олицетворялось с успешным завершением всех полевых работ.

Рождество Богородицы в народе еще прозвали Оспожинками, по существу означающими праздник урожая. Они справляются иногда в течение целой недели: чем урожайнее было лето, тем продолжительнее праздник. Обязательным считалось приглашение молодых к родителям — тестю и теще, вместе со свекром и свекровью для установления и скрепления добрых отношений между невесткой и родителями мужа, между сватами. Крестьяне могли себе это позволить после нелегких уборочных работ, и работать в этот день было не принято.

Вот и солнце поостыло, после летних трудов устало спряталось за окладными облаками. Потеряла блеск последняя зелень, а прозрачный осенний воздух все равно дышит ласковым внутренним светом. Солнце уже не томит, но зато окружающее тихое очарование проистекает повсюду убаюкивающим теплом. Аромат сочных трав и цветов уже не нужен, лес пахнет грибами, душистым дымком и хвоей. Хорошо на душе, покойно... Мягко ступает нога по росистой траве, не видно затаившихся лесных

обитателей,— кажется, ты один в этой остановившейся осенней тишине. Но вдруг дрогнула ветка рябины, на миг мелькнула серовато-оливковая спинка дрозда, и в следующее мгновение уже целая стая упитанных птиц сорвалась с деревьев, возбужденно захлопала, и лес ожил, все вокруг заходило ходуном. И ты сразу вспоминаешь, что подошло двадцать третье сентября — Петр и Павел, которых в осенины всегда называют рябинниками.

В деревнях в эту пору срывают рябину и кистями развешивают под крышу, на сеновале, чтоб прозябла да соку сахарного набралась. Часть же ягод предусмотрительно оставляют на ветвях: снегирям, синичкам и свиристелям теперь есть чем полакомиться в голодное ненастье. Когда ягод на рябине много, что предвещает строгую зиму, обычно заготавливают рябиновый квас от частых простуд и печного угара. Рябина для деревенского люда была, пожалуй, единственным средством от этой напасти, когда, экономя дрова в суровые зимы, печи закрывали раньше времени.

А осень между тем перебирает листки календаря, отсчитывает неспешно протекающие дни. Уже и двадцать четвертое сентября подступило, Петра и Павла сменяет Федора-обдера, которая третьей осень встречает, и уж всякое лето на сей раз кончается. Не каждое лето до Федоры дотянет. Становится слякотно, все чаще идут дожди: ведь Федора-обдера в народе имеет еще одно название — «Замочи хвосты», и оттого осенние Федоры подол подтыкают, а зимние, в январе, платком рыло закрывают. Словом, пришла преподобная Федора — всякому делу аминь.

Осень давно уже шуршит под ногами ворохами опавшей листвы, по лесным опушкам высыпали последние лисички. В отличие от летних, светло-желтых собратьев, они одеты осенью в ярко-оранжевый, броский наряд, и не составляет труда отыскать их даже среди разноцветной листвы. Хорошо заметны и нежно-розовые волнушки, уже слегка прихваченные утренними морозцами, но еще достаточно крепкие и бодрые. Другие грибы остаются почти без внимания: они давно обессилели и сникли.

Легко и привольно в притихшем золотистом лесу. Всё больше обнажаются деревья, начинают просвечивать чащи. Местами в них застревают светло-голубыми кусочками осеннее небо и белые клочья облаков. В воздухе кружатся листья, неслышно укрывая дороги и тропы. Не хочется, чтобы эту благодать сменяли дожди и слякоть, и ты тихонько шепчешь: «Батюшка-сентябрь, благодарю тебя за подаренный день, за общение с тобой и лесом».

Но на двадцать седьмое сентября Воздвижение все же осень навстречу зиме двигает, да и бабье лето с этого дня завершается. Погода резко портится, становится заметно холоднее, и мужик сменяет кафтан на тулуп, успевая перевезти последнюю копну поближе к гумну. Змеи, сбившись клубками, прячутся под трухлявые пни, впадая в спячку, оставшаяся птица двигается в отлет, и даже медведь в эту пору нередко залегает в берлогу. Но и воздвиженские зазимки еще не беда. Что-то скажет Покров!

Крестьяне повсюду верили, что день Воздвиженья — Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, после того, как он был вновь обретен христианами и открыт для поклонения — принадлежит к числу тех, в которые не следует начинать никакого важного дела, так как все начатое в этот день или кончится полной неудачей, или будет безуспешно и бесполезно... Позволялось только рубить капусту, которая на Воздвижение была «первой барыней». У доброго хозяина в этот праздник всегда на столе капустный пирог, с него начинаются капустные вечера и длятся аж две недели.

Не отстает от Воздвиженских празднеств и Никита-гусятник, что приходится на двадцать восьмое сентября. С этого дня принимаются срезать репу, но поскольку репа брюху не укрепа, бьют еще домашних гусей. Дикие же гуси отлетают на зимовье, зимушку на хвосте тащат.

Хорошо сидеть в натопленной избе, с горячими капустными пирогами и жареным гусем, когда за окном все больше хмурится небо и холодный дождь сердито сечет землю. Наступает время осенней распутицы. Давно ли стояла солнечная тихая погода, а теперь дождь, слякоть и снег.

По утрам все чаще ударяют крепкие утренники, так что дорога гудит под сапогами. Когда же случайно взглянешь на небо, то увидишь, как низко летят над землей последние утиные стаи. Затихли леса, и как ни старайся — не услышишь ни славок, ни пеночек, ни зябликов. После обильного инея прекращаются и вальдшнепиные высыпки: птицы уже не присаживаются на отдых, а летят на юг без остановок.

Настала глубокая осень. Холодный ветер срывает с деревьев последние одежды и уносит их в бескрайние промозглые дали. Уже появились первые обнаженные березы и липы, быстро теряют потемневшую хвою лиственницы... Добрый хозяин собаку не выгонит на двор в такую погоду!

Не зря в самый последний день сентября, тридцатого числа, крестьяне праздновали Всесветные бабьи именины, поминая святых мучениц Веру, Надежду, Любовь и их мать Софью, проявивших во имя Христа невиданную силу духа. Преданные жестоким испытаниям, совсем еще юные девы явили необыкновенное мужество и вытерпели великие мучения во имя Господа, будто наставляя всех верующих впоследствии уподобиться их духовному подвигу. Но разве могли сравниться с ним неудобства, связанные с происходящим в природе ненастьем?

Низкое серое небо сентября и потемневшие от сырости ветви деревьев, жалобно царапающие оконные рамы, скорее навевали у крестьянина приятные думы о том, как он хорошо потрудился весной и летом, а сентябрь помог ему пережить волнующее чувство удовлетворения от этого труда, в который раз подтверждая народную мудрость: «Что посеешь, то и пожнешь!»

Октябрь В октябре большинство деревьев уже сбросили листву, установилось осеннее бездорожье, земля остыла и оголена, то и дело

заливают промозглые ледяные дожди, вот-вот просыплется с неба крупа и повалит хлопьями первый снег. Но это еще не пороша, для которой второй осенний месяц — только предвестье. Октябрь — грязник, ни колеса, ни полоза не любит.

В октябрьское ненастье семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, ревет, сверху льет и снизу метет — словом, на одном часу и дождь и снег. Всем бы октябрь взял, да мужику ходу нет.

Вроде бы и работал мужик не покладая рук: изба у него — с дровами, закрома — с хлебами, погреб — с овощами, сам мужик — с лаптями, а избылиция всё нет. Но каких спорин еще ему желать, если вся его жизнь связана с деревней, полем и лесом, где ему некогда и не о чем тужить: стояла бы погода, по которой одна забота — работа до пота, и потому в октябре мужик живет с оглядкой. Хорошо, если лист с дуба и березы упал чисто — быть легкому году, а коли нет — так ждет строгая, суровая зима.

Вот и на Арину, первого октября, последние журавли полетели — на Покров надо ждать первого холода, а если их не видно в этот день — раньше Артемьева дня, второго ноября, не ударить ни одному морозу. «Колесом дорога!» — кричат журавлям, чтобы их воротить, а вместе с ними весну и добрые надежды. Арина завершала журавлиный лёт, но слыла и шиповницей: к этому дню завершали сбор плодов шиповника, которые затем сушили. Еще на Арину примечали, высоким ли вырос бурьян: коли очень высокий — будет много снега.

Трудно обнаружить различия между завершающимся сентябрем и берущим начало октябрем, ведь они в природе — братья, которые призваны существовать бок о бок. И все же октябрь — старший брат, в нем больше пахнет капустой, чем яблоками. А еще — стылыми дождями, достойно принять которые может только родившийся в этом месяце. Не зря же ко второму октября, на Зосиму — заступника пчел, пчеловоды составляли ульи в омшаник, готовя их к зиме, а сами устраивали лакомый стол. Со второго по десятое октября праздновалась пчелиная девятина, что только начавшийся октябрь будто благословляла: пчел нужно было заслуженно проводить на отдых и нажитое крестьянином добро сохранить. Десятый месяц года хоть кого на чистую воду выведет, ибо без десятков и счету нет.

На Астафия, третьего октября, примечали ветер: северный означал стужу, южный — тепло, западный — мокроту, восточный — ведро. Только южный ветер из всех предрекал хороший урожай озимого хлеба на будущий год, и с этого дня всюю принимались за работу ветряные мельницы, которые лишь прибавляли заботы жерновам, отчего выходил тот самый помол, что на четвертое октября проповедовал святой апостол Кондрат: был он хорош — и погода на все последующие четыре недели оказывалась хороша, так что следующему за ним Фоке, пятого октября, приходилось даже защищать деревни и хлеб от пожаров: ежели плох — чуть ли не до Казанской будет лить дождь. Как говорится: до Казанской — не зима, а с Казанской — не осень.

Но осень все-таки входит в свои права, и свидетельницей тому — Фёкла-заревница, на которую седьмого октября с особенным старанием угощали молотильщиков, пели песни и веселились, а с полуночи в овине зажигали огонь и в его свете начинали молотьбу. От этих огней святая Фёкла и получила имя заревницы. Ведь в осеннюю непогодь овина без огня не высушишь, а развести огонь там было не просто, ибо для этого требовалось искусство. Из-за неосторожности на Фёклу спалили не один овин, оттого она и «заревница», и дело разведения огня поручалось опытным мужикам или старикам. На Фёклу ночи уже шибко темны и день убывает лошадиными шагами.

Октябрь — время самых темных ночей, потому как снег еще не выпал и не освещает эту непроглядную темноту, и только полоса Млечного Пути все ярче поблескивает над замершей в оцепенении Землей. В южной половине неба появляется не видимое летом созвездие Орион, самое красивое в Северном полушарии, — как жемчужная подвеска. В нем будто сосредоточилась вся сила безвозвратно ушедшего лета, и оно горит ровно и радостно, лишь изредка затаённо переливаясь.

Трогательна и чуть печальна поздняя осень, и даже днем угасающие костры осин не в силах оживить пасмурные октябрьские краски. Ветер обрывает последнюю листву, устилает плотным ковром дороги и тропинки. Лес вовсе почернел и притих, и только гаички, еле слышно посвистывая, без усталости снуют в ветвях деревьев, разыскивая спрятавшихся насекомых. Пора темных холодных ночей привела за собой сумеречные, короткие деньки. И бросил бы думать про лес, но по-прежнему неотступно тянет к себе лесная чаша...

Там уже улегся в свою норку запасливый зверек бурундук, — на всю зиму заготовил он себе орешков. Нагулял жиру лесной воевода — медведь, настало и ему время подыскивать укромное место под берлогу. Укладываются в спячку барсуки, ежи, змеи и летучие мыши. Перед тем, как заснуть в своем уютном гайно, сменила рыжую шубку на пушистую пепельную белка... Жмутся поближе к человеческому жилью серые куропатки, а тетерева разбились на стаи, в них черныши и тетерки держатся уже отдельно друг от друга, табунками рассаживаясь на вершинах берез и лакомясь вкусными почками. Опустели поля, отправились в далекий путь последние птицы, которые отчего-то задержались...

Далеко видны в оголенном лесу побелевшие зайцы. Нет уже того разноцветья, что в сентябре: последние золоченые листья сорвал с ветвей студеный ветер, и, упав на сырую землю, они быстро поблекли. Правда, изредка проглядывает солнышко, но ненастье посещает чаще: сыплет мелкий надоедливый дождик, хмурится и низко нависает над землей небо, так что кажется, будто деревья поддерживают его и не дают упасть на землю. Все в природе потихоньку готовится к длительному сну.

Октябрь — предзимье. Скоро зачередит дождь со снегом, октябрь прикроет землю где листком, где снежком. «Вечер года» — так называют в

народе октябрь, а еще — свадебник, паздерник, грудень, листопадник или позимник.

Не зря преподобный Сергей Радонежский уже на восьмое октября зиму начинает, которая устанавливается окончательно с Матрёны, двадцать второго ноября. Если первый снег выпадет на Сергия, то зима установится даже на Михайлов день, еще раньше Матрёны. Зимний же путь окончательно устанавливается в четвертые седмины от Сергия.

Обычно первый снег выпадает за сорок дней до зимы. Если первый снег сухой, то это обещает хорошее лето, а когда он упадет на мокрую землю и на вишне к этому времени не будет листа, — зима скоро ляжет. Еще Сергей Радонежский был хранителем кур, и в этот день рубили капусту.

Вот и на Иоанна Богослова, девятого октября, первый снег означал, что зима ляжет на Михайлов день. Савватий-пчельник, десятого октября, завершал «пчелиную девятину», которую начинали праздновать со второго октября, на Зосиму. А к Григорию, тринадцатого октября, сжигали старую солому из постелей, набивая новой, купали детей из решета на пороге, от порчи, и примечали, когда упадет снег: ежели в этот день, то зима долго не станет.

Печальны перед снегом октябрьские леса, с прощальными криками давно покинули их звонкоголосые птицы. Голые, почерневшие от дождей ветки деревьев тоскливо тянутся к небу. Потемнела в озерах вода, уже не видно на ней зеленой ряски, опустившейся на дно, а у берегов появились первые льдинки-забереги.

Серой нескончаемой вереницей сменяют друг друга хмурые дни: вокруг холод и слякоть. Все чаще вместо дождя покрывает землю снежная пелена, полежит день-два — и снова грязь и распутица. Настало предзимье с черными ночами и гулкой землей. И если сентябрь только скажет, то октябрь уже приказывает. Как говорится, март да апрель вино в бочках сушат, сентябрь да октябрь хозяина непогодой крушат.

Но выдается иной раз октябрь с мягкой и тихой погодой, когда природа, обнажившись, робко затаивается в этой своей оголенности, все в ней до предела открыто, и невозможно предугадать, сколько подобное состояние октября продлится. Лес на неопределенное время задумался, вокруг хорошо и покойно, и любой шорох доносится до твоего слуха, как бы далеко ты от него ни находился. Обронит ли шишку белка, вспорхнет ли где-то рябчик или отрешенно закликает за соседним леском дятел-желна, а тебе почудится, будто все это происходит рядом. Ни дождей, ни холодных ветров — только разлитые повсюду умиротворение и благодать.

Неделю, а то и другую, может стоять в октябре такая погода, и начинает даже казаться, что и не придет зима. Глубокая осень будто запропала где-то на полдороге, метели и стужи ровно позабыли про свое существование, и кругом воцаряется тишина, которую не в состоянии нарушить нежные голоса синиц. В иное утро воздух становится по-весеннему влажен, душист, и легкая дымка опутывает окрестные леса. Усердно долбит кору большой

пестрый дятел, испуганно вздрагивает на ветке последний трепещущий листик... Но все это продолжается до той поры, пока не подступил четырнадцатого октября Покров, на который всегда до обеда осень, а после обеда — зимушка-зима.

Чудное явление Покрова Пресвятой Владычицы нашей Богородицы произошло в церкви, где хранилась риза Богоматери и ее головной покров. В воскресный день четырнадцатого октября, во время всеобщего бдения, когда храм был переполнен молящимися, они увидели идущую по воздуху Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, озаренную небесным светом и окруженную сонмом святых. Преклонив колена, Пресвятая Дева начала со слезами молиться за христиан, а закончив молитву, сняла с головы покрывало и распростерла его над молящимися в храме людьми, защищая их от врагов видимых и невидимых. Затем Владычица исчезла вместе с покрывалом, но долго еще люди ощущали чудесную благодать, осенившую храм.

Оттого и повелась в народе пословица: «Батюшка Покров, натопи нашу хату без дров!» Но на деле Покров октябрьской озими в закрома не кладет, а заповедует примечать погоду: с какого краю на Покров ветер подует, оттуда и будет дуть всю зиму. Если в Покров ветер подует с востока, то зима будет холодной, с юга — к теплой зиме, с севера — к холодной.

Но пока еще зима перейдет через всю Россию! На дворе стоит зазимье: белым пухом или зернистой крупой да просеется на Покров снежок. Хоть и не время еще зиме, а все же речь о ней меж людей заводится именно с октября. Крестьяне начинают конопатить свои избы: чини избу до Покрова — не то не будет тепла.

Круг зимних забот и работ начинается с обычая закармливать в Покров на зиму домашнюю скотину. Еще с жатвы хранился в красном углу дома последний, дожиночный, сноп, которому только сейчас приходит время. Хозяин выносит сноп во двор и делит так, чтобы досталось каждому: лошади и корове, овцам и свиньям, курам и гусаку — всем, кто кормится на подворье и кормит собою дом. С заботы о сытости и тепле и начинается предзимняя жизнь: «Батюшка Покров, покрой избу теплом, хозяина — добром».

Покров — время начала посиделок, когда с приближением зимы женщины могли заниматься общей вечерней работой. А где посиделки, или, как их еще называли, засидки и вечерки, там задушевные песни, разного рода бывальщины и долгие сказки. Ночи становятся темней, дни — короче. Чем не пора для увлекательных историй! К тому же высвобождается время для простой людской жизни — Покров покровительствует свадьбам и продлению рода: «Батюшка Покров, покрой землю седу и меня, молоду, покрой воду ледком, а меня — платком, покрой землю снежком, а меня — женишком...»

Придет Покров, говорили в народе, девке голову покроет, потому как замужним женщинам суждено ходить только с покрытой головой. Ну а уж если не покрыв Покров, не покроет и Рождество, и оттого красны девицы, веря в силу Покрова содействовать брачному союзу, спозаранку бежали в

церковь и ставили свечку. Существовало поверье: кто раньше поставит свечу, тот раньше и замуж выйдет. «До Покрова была девка права, после Покрова не будет такова!» Ведь непрерывный ряд чисто женских праздников и обрядов, продолжающихся вплоть до Масленицы, брал свое начало именно с покровских девичьих гаданий: по первому огарку свечи с посиделок...

По шагку, день за днем, продвигается октябрь, добавляя все новые приметы, которые, между тем, почти об одном: придет пятнадцатого октября Устинья — земля остынет, шестнадцатого октября — Денис — солнышко вниз и лихого глаза берегись, семнадцатого октября, с Ерофея, — холода сильнее, восемнадцатого октября, на Святую Мученицу Харитину, — отстал от ночи день, запнувшись валенком за пень, а заявился девятнадцатого октября Фома — пришла зима. Где-то, конечно, еще нет сильных заморозков и обильного снега, но все равно солнце «вянет», стучат в ставни холода, и местами уже устанавливается санный путь. Как ни крути — с Сергия, двадцатого октября, зима начинается, и если на него земля снежком покроется, то с ноябрьской Матрёны зима на ноги встанет. С Сергия завершаются зазимки, когда через леса густые да поля пустые приходит незаметно конец земному теплу. Так и сам инок Сергей благочестиво и безропотно ушел однажды в вологодские леса, водрузил там крест, построил часовню с кельей и подвизался в глубоком безмолвии терпеливо переносить в ней все земные лишения.

Холодное время не так богато на труды, как теплое, но не зря говорится: «Топор сохе пособник». И уж когда, как не зимой, топору быть в работе: тут тебе и заготовка леса с рубкой, и бесконечные деревянные работы, от плотницких до бондарных, налаживание новых сотовых рамок, «гнутые» дела с разного рода обручами и полозами, охотничьи плашки — словом, обыкновенная мужицкая забота... Но все-таки поздняя осень и зима выводят наперед женские труды, хотя доля и мужика и бабы в деревне одинакова. Иглой да бороной, конечно, деревня стоит, да только не лето зиму кормит, а зима — лето: именно в осенние и зимние месяцы баба треплет и чешет лен, прядет и ткет, плетет и вяжет, обшивает семью и вышивает всем на радость. Да и зимний уход за скотиной, нескончаемые отелы и окоты лежат на бабьих плечах...

Вот и преподобные Трифон с Пелагеей двадцать первого октября не забывали трудов праведных, тем более, что с них становится еще холоднее: Трифон шубу чинит, Пелагея рукавицы шьет. От них не отстает и Яков-древопилец, брат Божий, что с двадцать второго октября заготавливает дрова для русской печи, но между делом и крупицу на землю не забывает посылать. С него в народном Месяцеслове начинается непрерывная череда примет, по которым угадывается нрав будущей погоды. Есть среди них вроде бы случайные и неоправданные, на наш взгляд — совсем непонятные нынешнему разумению, да разве отбросишь их, испытанных веками!

Святые Евлампий с Евлампией, родные брат и сестра, двадцать третьего октября обращают внимание на рога месяца: куда они укажут, оттуда быть

ветрам. Если рога месяца — на полночь, то есть на север, быть скорой зиме и снег ляжет посуху; если на полдень, на юг, — скорой зимы не жди, будет грязь да слякоть до самой Казанской, четвертого ноября, и уж тогда осень снегом не умоется и в белый кафтан не нарядится.

На мученика Прова, двадцать пятого октября, наблюдают звезды и гадают о погоде по ним. Яркие звезды — к морозу, тусклые — к оттепели, сильное мерцание звезд преимущественно с синими оттенками — к снегу. В народе верно примечали, что коли столбы печных дымков подпирают звездное небо и на нем круторого восходит луна — скоро быть настоящей стуже; когда же месяц плывет рожками вниз, образуя вокруг себя звездный хоровод, — ожидай тепла.

Вообще, в определении примет и к холоду и к теплу обычно всё идет в ход: и густота инея, и как ложится сугроб, прилегает ли снег к стене избы либо к забору, быстро ли матереет лед на реке, сворачивается кошка в клубок на печи или на полу? Закрома полны хлебом, и оттого на душе покойно, радостно, и можно примечать, как ведут себя в печке дрова: стреляют, трещат дробью или мирно попыхивают — всё это в точности предопределяет погоду. И еще важно, какой цвет у огня: если печь полыхает белым огнем — будет тепло.

С самой зари под окном поют снегири — день выдастся такой же, как снегирёк, пригожий; лучина пылает жарко — вдарит мороз. Если гусь стоит посреди двора на одной ноге — непременно быть холоду, ежели гуси «полощутся» в снегу, то примета эта пророчит теплую зиму.

К концу октября крепкий снег ложится редко — как правило, это междувременье: ни телеге не проехать, ни саням. Двадцать седьмого октября пожаловала Параскева-грязнуха, на которую никогда не бывает сухо: «На Прасковею — полная грязь, в сани не влез — из телеги вылазь». Если в этот день грязь велика и лошадиное копыто заливается водой, то выпавший снег сразу устанавливает зимний путь. На Параскеву-грязнуху большая грязь — осталось четыре седмины до зимы.

Недаром на пророка Осия, тридцатого октября, колесо прощается с осью: по скрипу тележных колес на Осия гадают об урожае. Никак не установится зимняя гладь: днем выпадет снег, а к вечеру — опять слякоть. Истинный снег — другой, он приходит с ночи. Искоса посматриваешь на улицу и думаешь: черт, наверное, принес эту распутицу и хилый мороз.

Как тут не обратиться к апостолу Луке, который исстари почитается наставником иконописи и празднуется тридцать первого октября. Уже в волнении, с надеждой переводишь взгляд на икону в красном углу: к чему лежит душа, к тому и руки приложатся. А руки привычны до всякой мастеровой работы, не терпящей сейчас отлагательств, ибо если только на образ взглянешь, свят не станешь. Ведь не то дорого, что красного золота, а то, что доброго умения, и потому каждому — по делам его, которых в октябре у радивого хозяина, как ни странно, только прибавляется.

Ноябрь Ноябрь — сумерки года, его пегие безрадостные дни. Где-то на севере в эту пору уже стоит крепкая зима, а в Средней полосе России всё осень с зимой борются, которые, встретившись, никак не могут договориться, кто главней. То пороша грязь засыпает, то сплошные дожди, щедро наполняя мутные лужи, дорогу развозят, а может и мороз неожиданно-негаданно заступит, и надо всем этим ноябрьским неустройством носится безудержный непоседа ветер. В ноябре мужик с телегой прощается, да в сани никак не заберется, ибо ноябрь на пегой кобыле ездит: либо снег, либо грязь.

Хитер ноябрь: пытается и осени угодить и зиму не обидеть. Почти каждый день не на жизнь, а на смерть схватываются они. Но это еще не зима, ноябрь — лишь ворота в нее, потому как растает снег, который лег на мокрую землю. Ноябрь — сентябрёв внук, октябрёв сын, зиме же — родной брат, позволяет ей становиться полновластной хозяйкой пока только ночью, и зима вовсю куролесит, пугая людей и зверей.

Правда, не надолго ее хватает... Появится вдруг солнышко — и опять черная земля оголилась. Вот и на Казанскую, которую крестьяне отмечают четвертого ноября, вроде бы зима на пороге, но бывает в этот день с утра дождь дождит, а ввечеру сугробами снег лежит. Выезжаешь с Казанской на колесах, а полозья в телегу клади.

И то верно: коли на Казанскую небо заплачет, примечали крестьяне, то следом за дождем и зима придет. Матушка Казанская необлыжную, то есть настоящую зиму ведет, морозцам дорожку кажет. С Казанской тепло морозу не указ, ибо за дождями да сырыми метелями лихим морозцам истинное раздолье.

И грудень, и листопадник, и мочарец, и студень — таковы народные названия ноября, отражающие все признаки погоды во время наступления зимы. Но чем-чем, а стужею ноябрь всех богаче: наделить может, да еще и на всю бедную братию останется. Холоден батюшка октябрь, а ноябрь еще холоднее, он — месяц молодого звонкого льда и первых настоящих морозов.

В ноябре рассвет с сумерками среди дня встречаются. Все сельхозработы давно прекращены; и разве не самая это подходящая пора для свадеб? Не зря Казанская еще бабьей заступницей считается. Мужик без бабы пуще малых деток сирота, и оттого он на Казанскую стремится побыстрее жениться, чтобы счастливым быть, ибо жениться скорее — в дому прибыльнее. Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи, и кабы всякому по нраву невесту, так бы и Царства Небесного не надо.

Зимняя Казанская — это еще и традиционный срок расчётов. К этому времени заканчивается строительный сезон, крестьяне получают расчет и возвращаются домой, в свои деревни. И рад бы хозяин поприветовать батрака, да Казанская на дворе: она, матушка, всей ряде голова! Потерпи, батрак, и у тебя на дворе Казанская будет, — велось присловье среди людей, ведь даже у воробья на Казанскую пиво!

Жизнь, хоть и неспешно, а все же идет своим чередом, и только лес за околицей равнодушно взирает на заботы ноября. Кругом раскинулась белая

равнина, и не поймешь, где поля, а где кочковатые болота и низины. Всё заровняла молодая, еще не надоевшая зима.

Ночи в ноябре только до снега бывают темны, но как установится первопуток, они сразу светлеют. Вот и звезды загорелись как будто ярче и даже, кажется, чуточку спустились, отчего деревья и кустарники, одетые изморозью, тоже мягко засверкали. Все вокруг окутала серебристая прозрачность: далеко видны темная полоска леса на горизонте, полузасыпанные снегом стога и узенькая лента проселочной дороги... Безудержные снегопады еще не намели непролазные сугробы, покрытая инеем лошадка, чуть всхрапывая, легко бежит среди голубых и синих теней, а снег под полозьями приятно поскрипывает, порой радостно взвизгивая. Над полями и лесом медленно выплывает луна, и всё становится сказочным.

В первых числах ноября, когда снег еще пушной, звери с птицами по нему пока не бегают и не оставляют следов, как будто чего-то опасаясь. Можно проходить целый день и никого при этом не встретить: жизнь, кажется, умерла под пологом притихшего леса. Не всегда заметишь, как от дерева к дереву протянулся беличий след, либо через узенькую просеку прострочила полоску по свежей пороше полевка, и уж совсем редкость, если прошелся по снегу рябчик: он в эту пору предпочитает, как и косач, ночевать на ветке, поближе к стволу. Снег слишком рыхлый, неудобный для лунок, и тепла еще не дает.

Только с установлением снежного покрова, с его уплотнением, зайцы устраивают ночную гульбу, причудливо запутывая следы, а сейчас они спят или сидят, притаившись, в каком-нибудь укрытии. Не скоро еще увидишь заячью стежку, ныряющую под сваленный ствол! Обрушив на себя ворох сырого снега, бывало, подлезешь под этот ствол и вдруг обнаружишь, что след оборвался: с непривычки сразу и не догадаешься, что косою махнул в сторону — сделал «скидку». А за ней — другая, и снова петли, прыжки, затаивания, и всё время представляешь, как заяц залег где-то близко.

Нелегко ходить в ноябрьском лесу, убродно. На лыжи не встанешь — рано, а месить снег валенками либо сапогами целый день тоже несподручно. Зато, намаявшись, с удовольствием усядешься на пенек и закусишь куском черного хлеба, от которого скулы на морозце сводит приятной судорогой, вкусно пахнет свежим снегом и хвоей. Сидишь тихонько, смотришь, как дремлют под снегом кусты и деревья, и думаешь о своем зайце: какой он белый и чистый, немножко перепуганный, с выпуклым темным глазом, тревожно косящим назад... Завидев же улепетывающего косою, не закричишь ему вслед: «Тебе — пень да колода, мне — путь да дорога!», а только весело свистнешь и залюбуешься, как бесшумно сорвался из-под елки и припустил во весь дух белый зверек.

Лес проводил своих последних летних жильцов, стал совсем сонным от выпавшего снега, и только вспугнутый кем-либо косою, пробудившаяся в оттепель белочка или мирно кормящиеся на березе тетерева оживляют унылый ноябрьский вид. Деревья, птицы и звери, наконец, дождались

настоящего снега, — холодно им было от злого ноябрьского ветра. Каждый день для них был полон ожидания: а вдруг нынче засверкает земля белым, ослепительным нарядом? И вот, наконец, земля укрыта снежным покрывалом. Кажется, где-то на другом краю земли бродит солнце, лишь ненадолго заглядывая одним глазком на занесенную снегом Русь...

В народе про эту пору говорили: до Дмитровской субботы зима не становится, а пришел Дмитриев день — зима уж лезет на плетень! И действительно, восьмого ноября, когда начинали справлять Дмитровскую неделю, праздновали и становление снежного времени года. Ведь снег — он грелка, а земля — тарелка: что положишь, то и возьмешь.

Крестьяне давно заметили, что коли восьмого ноября холод и снег — весна поздняя и холодная, а если оттепель — зима и весна теплые. Или так: Дмитриев день выдается по снегу, то и Святая по снегу, если же по голу, то и Святая по голу. На Дмитрия обычно реки замерзают, он перевоза не ждет, так же как и особо хитрые девки, которые спешат в этот день выйти замуж, ибо после Дмитрия уже редко бывают в деревнях свадьбы до зимнего Мясоеда, то есть до Крещения.

Кстати, Дмитрий особенно почитался у славянских народов. Память о нем издревле связывается на Руси с воинским подвигом и защитой родины. Он изображается на иконах в виде воина в доспехах, с копьем и мечом в руках. Оттого в Дмитриев день на Руси повсеместно и справляются поминки по усопшим, а установление этого поминовения принадлежит великому князю Дмитрию Донскому, который, одержав знаменитую победу в 1380 году над Мамаем, положил, чтобы пред этим днем совершалась Вселенская панихида по всем погибшим на поле битвы.

Отсюда, наверное, и повелось в народе присловье, что покойнички на Руси Дмитриев день ведут, живых блудут. Дмитровская неделя называется родительской, и особенно почитается Дмитровская суббота — суббота перед днем Святого, который всегда проводили торжественно: ходили на могилы своих родных и служили панихиды, устраивая богатые угощения — тризны. Считалось также, что чем щедрее приношения для отправляющих панихиды священников и обильнее их угощение, тем вернее доставляется загробной душе на том свете покой и отрада.

У здравствующего же православного народа особую любовь и благочестие вызывала святая Параскева Пятница, иконы которой почитались и украшались нашими предками, а праздновали ее пришествие десятого ноября. Родители святой мученицы почитали день Страданий Господних — пятницу, поэтому и называли дочь, родившуюся в этот день, Параскевою, что в переводе с греческого и означает — пятница. Русские иконописцы обыкновенно изображали мученицу суровой подвижницей, высокого роста, с лучезарным венком на голове, и эти иконы охраняли семейное благополучие и счастье. По церковному верованию, святая Параскева — покровительница полей и скота, поэтому в день ее памяти принято приносить в церковь для освящения плоды, которые хранятся потом как святыня до следующего года.

Параскева Пятница — бабья святая, так как крестьянки считают ее своей заступницей, к тому же она — покровительница женской зимней работы, в первую очередь, прядения. С пятницей связан и ряд обычаев, падающих на этот день недели, например: в пятницу нельзя пряхать, а шить можно; кто в пятницу много смеется, тот в старости будет много плакать. За нарушение запретов, связанных с пятницей, Параскева строго наказывает, отчего существует поверье, будто святая Параскева ходит по земле в виде молодой женщины и примечает, кто как живет, как соблюдает обычаи и запреты.

На Параскеву также полагаются особые мольбы на хороших женихов. «Матушка Парасковья, отдай замуж поскорее!» — ладятся девки, а бабы каются. Выйти хоть за старца, лишь бы в девках не остаться, стремится каждая молодуха, ибо с мужем — нужа, без мужа — и того хуже, а вдовой да сиротой — хоть волком вой.

Волки к этой поре по лесам стаятся, но отмечают в народе сейчас, как ни странно, махоньких птиц — синиц. Двенадцатого ноября — Синичкин день, время, когда происходит массовое появление синиц около наших домов, что, в свою очередь, говорит о подходе больших холодов. Невелика птичка-синичка, а и та свой праздник знает.

Вместе с синичками чаще всего мы замечаем под окнами и других пернатых гостей — снегирей. Румяными плодами повисают они на ветвях сирени, черемухи и рябины, могут подолгу находиться так без движения, лишь изредка тихонечко поворачивая черные головки и робко склевывая семечки. Под рябинами, на которых любят лакомиться снегири, можно увидеть так называемую «поедь» — подавленную мякоть ягод без косточек: забавные птички клюют только зерно рябины, а сочную мякоть бросают на снег. При этом снегири все время нежно и тоненько посвистывают, будто у них где-то под крылышками спрятаны крохотные дудочки. Тихие снегириныные напевы вроде бы никак не сочетаются с суровыми завываниями подступающей зимы, но как же милы сердцу эти живые зимние яблочки среди снежного безмолвия!

Установилась чудесная снегириная и синичья пора, а с первым снегом торопятся к нашим домам еще и свиристели, щеглы, щуры, чечетки. Обычно только на рябинах красуются нежно-розовые, с желтой каймой на хвостиках, свиристели. Еще их легко отличить по хохолкам на головках, всегда направленным на ветер. Близко подпускают к себе свиристели, и подойдя к ним на несколько шагов, можно хорошо разглядеть ярко-алые мазочки на крылышках. Не зря в народе эти птички получили прозвище — красава.

Говорливые и юркие чечетки тоже необыкновенно оживляют предзимний деревенский вид. Нежно стрекочут, переговариваются, или вдруг весело взвываются с берез дружной стайкой, представляющей из себя живое красногрудое облачко. Еще долго провожают тебя чечетки, то присаживаясь, то витая вдоль дороги, и всё щебечут о чем-то оживленно: «чет-чет, чет-чет, чет-чет», будто выражая тебе свое ласковое отношение и

поддержку. Такие махонькие, кажется — совсем беззащитные, а не устрашает их надвигающаяся суровая пора.

На легком морозце все прилетевшие к нам птички необычайно подвижны, каждая не находит себе места. Разноцветным пером щеголяют по пустырям, дорогам и вдоль заборов суетливые щеглы... Весело кормятся семенами сорняков, раскачиваются на торчащих из-под снега былинках, отпечатывая на нем тонкий рисунок крылышек: задолго до Нового года одарила нас природа неподражаемыми живыми игрушками!

Вот и в кустах шиповника будто светятся ярко-малиновые щуры: это расцвели малиновыми бутонами зимние «розы». Особенно трогательны и волнующи они на белоснежном фоне хрустальной зимы. Не умеешь, а возьмешься за кисть, чтобы изобразить наших вездесущих дорогих птиц, украшающих снежные покои первозимья!

Эту тихую и промозглую пору встречают четырнадцатого ноября Кузьма да Демьян, в народе — просто Кузьминки. Кузьма с Демьяном — кузнецы, куют лед на земле и на воде, одним словом, Кузьминки — об осени одни поминки, и коли закует Кузьма-Демьян, до весны красной не расковать. Как говорится, Кузьма-Демьян с гвоздем, Никола холодный на девятнадцатое декабря — с мостом. Впрочем, в эту пору обычны умеренные морозы: Демьянов путь — еще не путь, а только перепутье.

Кузьма и Демьян считаются в народе покровителями ремесел, главным образом кузнечного искусства и женского рукоделия. С Кузьмы-Демьяна женщины вплотную принимаются за зимнюю пряжу и, обращаясь к святым, просят помочь не отстать в работе от тех, кто начал ее раньше: «Батюшка Кузьма-Демьян, сравняй меня, позднюю, с ранними!»

Кузьминки повсюду слыли девичьим праздником. В некоторых местах существовал даже обычай, в силу которого девушка-невеста считается в день Кузьмы и Демьяна хозяйкой дома, она готовит для семьи кушанья и угощает всех, причем, в качестве почетного угощения подается куриная лапша.

С Кузьминок у девушек начинались регулярные посиделки, девушки устраивали ссыпчину и принимали парней. Каждой девушке полагалось принести из дома что-либо съестное в сыром виде, нередко они обходили дома и выпрашивали припасы для Кузьминок. Собрав продукты, девушки все вместе готовили пиршество: «Полно девкам чужое пиво варить, пора свое затевать», — говорили о них в эту пору.

Кузьминки продолжались до рассвета, причем парни, расправившись с приготовленным угощением, отправлялись воровать соседских кур. К кражам такого рода крестьяне относятся довольно снисходительно, и было заведено браниться только для порядка. Не зря считалось, что в этот день наступает куриная смерть — по деревням режут кур. На Косьмодемьяна хоть что заложит, а куру — на стол, цыпленка же — попу. Крестьяне повсеместно бьют кур на продажу, служат молебны в курятниках и кропят их святой водой.

А между тем стылая пора ноября подводит позднюю осень к своему завершению: чернотроп и порошу сменяет коренной снег с ледоставом. Сегодня еще была оголена земля, и вода в озерах и реках стояла открытой, а завтра землю укутывает снежное покрывало и устанавливается первый ледок, по-народному — «синчик». Скоротечно это ноябрьское время, но душа все же обращается к его притягательной загадочности, пытаюсь вникнуть в ее суть.

Всё прихватил мороз, истекают часы живой воды и земли, и Акундин с Пигасием, пятнадцатого ноября, солнце гасят. На Галактиона, восемнадцатого ноября, отвыкшие от морозов крестьяне уже изнемогают от натисков холода, воздух цепенеет от его оков, ледяные закрайки-забереги на реке тянутся к середине, но местами еще рябит живая вода. На Павла и Варлаама, девятнадцатого ноября, примечают: коли день богат снегом, то зима будет снежная, лед к этому времени становится на реке грудями — хлеба будут груды, а гладко — так и хлеба будет гладко. Двадцатого ноября мученик Федот окончательно лед на лед ведет — лед торосится. На многих реках России устанавливается ледостав.

Впрочем, с Михайлова дня, двадцать первого ноября, нередко случались оттепели, хотя уже и последние. Как говорится: с Михайла зима не стоит, не мерзнет, и Михайло только с полумостом. Если Михайло Демьянов путь порушит, не жди пути до зимнего Николы, девятнадцатого декабря. Зима с Михайлова дня лишь начинает морозы ковать.

Существовали и такие приметы: Михайло всегда приезжает на белом коне, то есть к этому дню обязательно выпадает снег. Коли на Михайлов день иней — ожидай больших снегов, а ежели день зачнется туманом — быть ростепели. С Архистратига Михаила скот загоняют на зимний корм, и вообще Михайлов день — веселый и сытный праздник, поскольку хлеба пока много, выручены деньги за коноплю и овес, закончены основные работы.

Еще сильнее меркнет свет, стынут воздух и колодезная вода, окна затягиваются стеклом льда. Холод быстро наращивает на окнах незамысловатую паутинку из иглистых стрелочек, образуя за ночь веточки папоротника. Днем же ледок мягко стекает со стекол, превращаясь в матовые лужицы на подоконниках. Идет по земле перевозимье с перволедьем, пока мороз подкрадывается за стенами избы невидимкою, но вот-вот наступит решительный натиск зимы...

Только с зимней Матрёны, двадцать второго ноября, зима окончательно встает на ноги. Зима встает в полный рост после того, как была убита Михайловскими оттепелями. Следом за Матрёной что ни день, то матерьющий холод: двадцать третьего ноября Ераст — твердый наст пожалует, двадцать четвертого ноября Федор-студит, а двадцать пятого числа — Иван, милостивый до большого снега...

С Ераста, говорили в народе, жди ледяного наста, ибо Ераст на всё горазд: и на стужу, и на метель, и на холод, и даже на голод... Заявится Федор-студит, быстро землю остудит, на Федора стужа — что ни день, то

хуже. Шибко сердита на Федора зима, поскольку Федор — не Федора, знобит всех без разбора, пришел же Иван Снежной — засыпал землю мохнатой крупой. На Ивана Снежного — всяк сыт и пьян до дурмана, ведь Иван Снежной с весны не спит, пока сумы не наспит, зима-засыпуха заметаёт всё глухо: и рожь, и пшеницу, и родную землицу. Снег в эту пору — всему голова, как положит сейчас, так и весной возьмешь.

Полностью разделся ноябрьский лес: засыпанный снегом, стоит глухой ко всему, отрешенный. Снег идет и тает, а потом опять нападает за ночь чуть ли не под колено: пороши перемежаются чернотропом — это первые, но уже достаточно уверенные пробы зимы. Зима пришла, она примеряется, как бы ей повернее примоститься, и буквально в несколько последних дней ноября полностью водворяется. Хозяева по огородам окучивают снегом молодые яблоньки и клубничные гряды, все радуются снегу, недаром в народе говорят: «Снег на поля — что зерно в закрома». Наступает зимний сон для всего живого.

Вроде бы, устроился зимний порядок, забот у людей стало меньше. Хлеб в ларях, озимь под снегом — о чем еще тужить? Лето да осень так спину крестьянину согнули — на ползимы хватит разгибать. И, как на заказ, пошел один праздник за другим.

Открывались эти праздники двадцать седьмого ноября Филиппками, с заговенья перед «холодным» Рождественским постом, завершались декабрьскою Никольщиной. На этот день принято было выносить во двор закуску домовому, чтобы водился скот. А еще подходил конец свадебным неделям и начиналась Куделица — первая неделя прядения в Филиппов пост, когда только у ленивой пряжи не находилось про себя рубахи.

Филиппки продолжал двадцать восьмого ноября Гурий, который приезжал на пегой кобыле, потому как к этому дню грязь сменяет снег, и уж коли на Гурия снег, то лежать ему до половодья. Ну, а ежели держится еще грязь, то она — не сало, помял, да и отстала. Вообще, пегая кобыла была первой из трех, что приводили за собой на Русскую землю зиму: сначала — пегая, затем — белая и в голове — гнедая.

Двадцать девятого ноября, на Матвея, зима потеет, потому как изрядно постаралась к этому сроку — замела пути-дороги, заковала в лед реки с озерами. Но настоящую зиму, говорили в народе, гляди с Платона и Романа тридцатого ноября, чтоб похвалить ее на Масленицу. Каков Платон и Роман, такова и зима, а настоящая зима должна быть в меру морозна и снежна. Много снегу надует — хлеба прибудет, снежная вода разольется — сена наберется.

У каждого святого — свой природный уклад, если даже все святые располагаются в календаре рядом. Но что на самом деле празднует крестьянство: неужели только церковных святых по народному Месяцеслову? Как бы не так! Народ в Святцы не глядит: ему душа праздники сказывает, и потому жалуется он долгожданную смену наскучившего грязного времени года на становление санного пути по снегу и по льду. В конце

концов — пришедшую зиму, которая бы стала мужику, как и волку, за обычаем, чтобы хвалил он ее, а не робел перед ней.

Весной — бесполье, летом — страдные работушки, осенью — бездорожица, а зимой — зимушка студеная, зачин здорового духа и тела. Хороша после доброго урожая даже строгая зима, когда уже не станешь горбат, а будешь только богат. Белая деньга зимы — про черный день, хоть на Руси и не без добрых людей.

Мужик празднует приход зимы и радуется, что всё у него вышло справно да Богу угодно. Зима мужику не в диво: почитай, не первый раз ее зимовать, ибо знает он — в эту пору шубы не занимать, и что летом ни уродится — все зимой сгодится. Словом, будешь жив — так прозимуешь, тем более, что уходящий пегий ноябрь уже зовет полный праздников белый декабрь, у которого, как и у Бога, всегда праздник, и простая крестьянская душа этому рада. Не забывай примечать серые будни, а праздники сами придут!

ВРЕМЕНА ЦВЕТА В ПРИРОДЕ

Камни, цветы и листья

Я люблю времена года в той очередности, в какой их задумала природа: зима, весна, лето, осень...

Желая узнать, достаточно ли глубок человек, обрати его внимание на круговорот времен. Начавший отсчет с осени обременен ненужным грузом, заблудшая душа его еще не обрела спасительной ясности. Она не в силах допустить, что осень хороша только для подведения итогов, но в череде грядущих перемен обречена на смерть. Начало же начал лежит далеко за пределами весеннего пробуждения, которое представляется для зарождающейся жизни событием неоспоримым.

Весной, в пору всеобщего торжества и расцвета, сердцу так легко забыться от переполняющего его восторга. И разве задумается оно о том, что истоки жизни, как ни странно, заключены в седых глубинах заснеженного декабря, когда, кажется, ничто не предвещает предстоящего цветения. А цвет, между тем, начинает проистекать над землей именно в первый зимний месяц, он рождается среди неподвижного царства белого воздуха и снега.

Когда это понимаешь, ощущаешь, наконец, облегчение и успокаиваешься, словно почувствовав внутри силу, не стремящуюся к выходу и жаждущую быть обращенной пока только на себя. И еще ты думаешь, что отпущенная Богом снежная белизна — это не только сладкий сон, призванный хранить земную тишину, но и простор для живого воображения, предполагающего неиссякаемое здоровье. Человеку, не отягощенному бременем незнания, белый цвет представляется сгустком всех тонов, способных наполнить жизнь.

Обладая присущим только ему цветом, каждый месяц имеет свое лицо... Лицо это может быть каменным, трепетно-цветущим или увядающим. В зависимости от того, что предстоит преодолеть изменяющейся время от времени природной сути, осознаешь, какой неистребимо сильной становится на этом пути постижения твоя обнаженная душа, впитывающая, независимо от времени года, самые тонкие цветовые и смысловые оттенки...

ЗИМА

Декабрь В декабре уральский лес уже утопает в непроходимом снегу. Спряталась под тяжелыми белыми сугробами продрогшая от дождей осенняя земля. В глубоких логах давно заволокло льдом неугомонно струящиеся ручьи, и уверенно подбирающиеся морозы всюду пытаются подчинить уже замедленное течение речки.

Местами речка все же пробивает сковывающий ее панцирь и, вырвавшись на свободу, обрадованно журчит под берегом. Но с каждым днем спорить с декабрем становится труднее. Все ниже ходит над горизонтом солнце, и из-за низкой облачности кажется, что оно и вовсе отсутствует. Лишь изредка пробивается его свет желтовато-матовым бельмом, неживым, холодным.

Воздух пронизан бесцветными кристаллами, словно стеклянными бусами унижен сосредоточенный лес. Ломко посверкивая на его ветвях, они образуют хрупкую безмятежность навеки намерзшего хрустального льда. Не успевший набрать силы для своего разнообразия, декабрь без заносчивости величествен и нежен.

Еще декабрьский день напоминает, как ни странно, перламутровую внутренность большой белой раковины. Возникающая в восприятии декабрьского дня тончайшая таинственность шелковистых переливов вмиг перевоплощается в прекрасную и тотчас ускользающую действительность. Декабрю присуща и радужная фееричность, которая привносит цвет нарождающегося жемчуга, опоясывающего его холодный и светлый облик.

Декабрь... Пунцовыми розами рдеют на белой березе надутые снегири. Живыми игрушками свисают с еловых ветвей красногрудые клесты. Оливковыми комочками снуют в ветвях кроткие корольки, а запорошенные снегом верхушки венчают малиновые шуры, трогательно насвистывающие в мороз свои лесные арии. Цветов у заснеженного декабря немало, но главный — один: перламутрово-розовый, несмотря на суровую пору, может быть, самый проникновенный и нежный из всех, что переживает в себе за год природа. Таким он представляется благодаря розовым закатам и перламутровым восходам, незаметно вспыхивающим в светлой декабрьской вышине.

А снизу, навстречу им, дыбятся жемчужные сугробы, пухлые, нежные, не обремененные еще цветом драгоценных январских камней... Это пока только тонкий матовый налет, мягкое посеребрение и узорчатая кайма

будущей зимы. Жемчужно-белыми облаками кружится с небес снежный пух, и снежные оборки на ветвях деревьев под вечер тоже кажутся жемчужными...

Простота и тонкость цветов соседствуют в декабре, составляя его очаровательную зимнюю суть. Если же попытаться подыскать первому месяцу зимы камень, который бы сосредоточил в себе его цвет, то, по сравнению с январским морозным родонитом и мягкостью февральского агата, лесной декабрь горд прозрачным хрусталем: ажурна его снежная навесь, непостижима светлая глубина, манящи переливчато-сказочные дали...

Трепетен лик уральской природы в декабре, когда леса и молодые снега будто оживают, слегка розовея. Ненавязчиво скоро продвигается по небу трогательное солнце, так что воздух не успевает наполниться его робким светом. Все краски еле приметны, хрупки, и кажется, что они вот-вот рассыплются от легкого морозца.

Приятно стоять у края проселочной дороги и просто наблюдать, как украдкой простирается над заснеженной землей такой непритязательный декабрьский день. Почти не слышны его чуткие цветовые отзвуки. Все охвачено сказочным сном, в котором даже нелегко находиться из-за нереальной тонкости происходящего. Но реален уральский розовато-перламутровый декабрь, хотя и почти неуловим.

В декабре и мысли твои как-то незаметно розовеют, слегка клубятся неясными зимними образами. Только что было одно, красивое и милое, а в следующее мгновение уже растаяло. Но отыскивать его почему-то не хочется, ибо потеря совсем не ощущается. Хорошо вокруг — воздушно, легко!

Что и говорить: любя человеку самобранная скатерть декабря своими предновогодними гостинцами! Пленительная краса перламутровых сугробов сливается с перламутровым широким горизонтом. Жемчуга следов бесчисленных дорог утопают в жемчужном звучании серебряных колокольцев... Веселыми снежными искорками играет на солнце проказник декабрь, и разве можно ему за это не улыбнуться!

Декабрь весьма чувствителен и требует к себе достойного внимания. Без него месяц, будто фарфор, со временем тускнеет. Тогда опустошенность и глухота, возникающие в его недрах, словно неуправляемая настырная сила, неодолимо берут верх над засыпающей природой, тем не менее, поддерживая зимнюю, не угасимую до конца жизнь.

Жизнь эта никогда не прекращается, и даже в самую суровую пору продолжает биться непроглядной голубоватой жилкой замерзающей реки. Царство белого цвета, превращающегося в редких просветах между заснеженными деревьями в россыпь драгоценностей, в сумерки постепенно переходит в фиолетовые тени. Скорее, в нежно-лиловые, сгущающиеся в своей нестигаемой зимней утвержденности.

Таковыми представляются снеговые отсветы предвечернего декабря, емкие овалы впадин между горделиво вздымающимися и не успевшими устать от

себя сугробами, потаенные уголки разлапистых ельников... В них к середине декабря успевают собраться в стаи волки, которые страшно смотрят оттуда розовато-светящимися, поблескивающими от возбуждения глазами. В бледновато-пурпурной сгущающейся темноте они почему-то притягивают к себе, словно укрепляя стойкость против неизъяснимых декабрьских искушений, и одновременно противодействуют возникающему опьянению уральского декабря.

Спасти от дурного блеска волчьих глаз можно только с помощью драгоценного камня, которому в старину приписывались сверхъестественные свойства. Уральский самоцвет, подаренный деревенской бабушкой и обладающий, как и свет волчьих глаз, бледновато-пурпурным оттенком, не раз помогал мне избавиться от собственного удручающего несовершенства, когда покоился на груди под рубашкой. Вспыхивая в сумерках надвигающейся декабрьской ночи сдержанными аметистами, и бесследно потухая в омертвевшей лесной чаще, волчьи глаза завораживающе предрекали, как ни странно, счастливые откровения...

В декабре, когда земля умолкает и впадает в долгий сон, задремавшая было человеческая душа неожиданно пробуждается... Не помня поначалу ни людей, ни окружающего зимнего пространства, ни его суровой воли, она скоро приходит в себя, и, казалось бы, из ничего возникает ее новая жизнь. Вернее, происходит необъяснимое очищение души, которой никогда не суждено умереть.

Объяснить это трудно, почти невозможно, и декабрь дан человеку, наверное, для того, чтобы, забывшись в перламутрово-белом сне, поддерживать в себе восходящую жемчужно-нежную надежду, и в момент молодой нарождающейся любви природы, не переставая, переживать радость.

Январь Наступила настоящая зима, утвердив себя крепкими морозами и душистой прохладой. Розоватый воздух пышет скрытой бодростью и здоровьем, невидимым облачком замирает в нем дыхание.

Пришел январь и убелил снегом леса и землю. Невозможно подобрать цвет, кроме белого, который бы так успокаивал, умиротворял и усыплял. Чистый, обещающий превратиться в любую мечту, хотя бы только в сладком зимнем сне, он принес долгожданный покой, так нужный каждому.

Метели уже надули огромные сугробы по опушкам, белым пуховым одеялом мягко укутали поля, берега замерзших речек, дороги. Усыпанные седым инеем, отрешенно стоят замкнувшиеся в себе пихты. Заиндевшие березы, словно пронзенные хрусталиками очарования, успокоенно замерли под выстуженным небом.

Но заснеженный мир в январе не одноцветен, и, казалось бы, поблекший, он на самом деле только готовится к своему новому рождению. Перед наступлением сумерек снег из белого постепенно перетекает в розовый, с заходом солнца — в голубой, в надвигающейся темноте — в

сиреневый, а с установлением глубокой ночи превращается в лунно-золотистый. Под утро он опять перевоплощается в синевато-таинственный или лиловый, с бирюзой, и только к полудню оборачивается наконец-то самим собой: восторженно-белым и немножко глупым.

Если декабрь — только снежный терем, то январь — уже белокаменный сказочный замок. Самый суровый месяц зимы — это глыбы белого мрамора, в которых безжизненно застыл и сосновый бор. Ему вторят строгие шпильки елок, а белая парча снега на их ветвях горит ярко-красными отсветами. Деревья, кажется, еще не оправались от радостной встречи чудесного нового года...

От света январской зари шишки на елках приобретают малиновый сказочный вид и становятся похожими на обыкновенные новогодние игрушки... Пунцовое перо снегиря — тоже под цвет январской зари, что еще нежна до наступления суровых крещенских морозов. Как красная тетеревиная бровь, горит над лесом узкая январская зорька, а сами тетерева еще не проснулись, досматривая под снегом свои спутанные, красно-синие-белые сны...

Говорят, что зима тетереву за обычай и длится всего лишь ночь... Морозный же январский день для птиц — в одну кормежку, когда они взлетают из-под снега на березы и, рассевшись по ветвям, как будто стерегут торжественный зимний покой.

Неторопливо склевывая пахучие березовые почки, тетерева изредка прислушиваются, настороженно поворачивают головы розовеющему востоку и, убедившись, что тишина не тронута, опять принимаются за корм. Нужно успеть набить зоб за короткий световой день, чтобы хватило на двое-трое суток неподвижного пребывания под снегом.

Насытившись, тетерева никуда не улетают, а тяжелыми черными грушами срываются прямо под деревья, в сугроб, и крепко засыпают. Теперь их присутствие угадывается только по голубеющим на краю поляны лункам, из которых они неожиданно вырвутся однажды поутру и опять ненадолго разбудят зимнюю тишину... Краснобровые птицы на заснеженных березах — может быть, самая красочная картинка января, отражающая его короткое пробуждение и предвкушающая нескончаемо сладостный, дивный сон.

Январский рассвет льет отражающийся от неба зеленовато-перламутровый отблеск на укатанную дорогу, под ноги, и начинает казаться, будто ты поднимаешься по ней прямо к восходящему красному солнцу. Таким оно приходит к нам из русских сказок. В особенно морозные дни его острые красноватые искорки будто вонзаются в сердце и оно, перевернувшись, как зверь в берлоге, вдруг вспыхивает, как солнце, и уже до самой весны не угасает.

Гаркнет в морозный январский день старый ворон, и лесная прозрачная тишина будто расколется на множество мелких ярко-красных хрусталиков. Вот и в срубленной под Новый год зеленой красавице елке, которую всегда немножко жалко, мерцают ярко-красные, алые и оранжевые огоньки.

Красногрудые снегири на фоне придорожных снегов — это румяные яблоки на белой скатерти зимы. Даже в жестокую январскую заметь не перестают издавать они свои нежные трели, отчего зима не в силах сдержать улыбку, которую непременно заметишь и тоже про себя улыбнешься. А уж в январские редкие оттепели, первые предвестники весны, всё неожиданно так обнажается, что в этом радостном весеннем предвкушении не ведаешь, куда себя деть.

В январе и месяц светит по-особому ясно. Снег сверкает и вспыхивает в алмазных искрах, а в морозном воздухе повисает прозрачная мгла серебряного тумана. Благодаря лунному свету все в январском лесу волшебено.

В самые Святки, когда устанавливаются крепкие морозы, месяц наклоняется, словно из сказочного ушата высыпает на небо розовые, алые и пурпурные камни, а душа переполняется счастьем и весело играет. Бродишь по тихому зимнему лесу, смотришь, молчишь...

Кругом царство нежного порфира, яхонта и яшмы, а небо можно вбирать в себя без конца и края. Свет зимой, особенно в январе, становится наиболее насыщенным, в зависимости от солнца, снега, состояния природы в этот миг и еще каких-то перемен в твоей душе.

А бывает, в морозные январские дни между деревьями ложатся такие голубовато-прозрачные, радостные тени, что в лесу начинает пахнуть весной. В морозный январский день и ели с соснами становятся еще зеленее, а обыкновенная снежинка иной раз так брызнет в глаза золотистым светом, будто долгие хмурые дни копила его в себе и потом в один миг разрядилась. В январском лесу все необыкновенно: и мороз, и солнце, и ты сам...

Невозможно постигнуть, как из года в год январь приходит со всеми своими праздниками и очаровывает ими. Нелегко определить и глубинный январский цвет...

Январь — вершина зимы. С прибавлением дня еще сильнее становится стужа. В морозные дни заснеженные просеки в лесу светлеют, а шапки сосен воспаляются алыми бликами. Вот этот алый цвет от восходящего огромного солнца, может быть, и есть самый важный в январскую пору... Только ему одному удастся просочиться сквозь величественную колоннаду деревьев. Алым цветом окрашены нетронутая глазурь снега и прозрачные дали. Им пронизан сверкающий воздух.

Удивительно ярко и одновременно светло в январе. Если в декабре свет робко розовел, то сейчас он восторженно ликует!

Январское солнце — это кремень, блестящий морозный камень, что жарит красками, а не теплом. Поутру солнце ослепительно огненное, неудержимое, без разбору поливает присмиривший лес и проистекающую в его глуши жизнь обжигающим светом. Светом не на шутку разыгравшегося родонита, который спешит за короткий зимний миг насытиться своей на глазах каменеющей силой.

Мраморный облик января ярко-красен, пронзителен. Он торопится наполнить собой самые тончайшие оттенки зимы. Так и железо в мраморе придает ему необыкновенно стойкое и гордое существование.

Мелкозернистый снег неслышно впитывает выплеснувшуюся на него за день киноварь, без усталости пьет бледно-голубую эмаль неба, отрешенно поблескивает. Посторонние примеси ему ни к чему, он это хорошо знает, и потому на свежем изломе январский снег — сахарный и ароматный, будто только что надкушенное яблоко.

Как и у добротного мрамора, в январе отсутствуют пустоты. Дополняющие его оттенки живо изменяют первоначально белоснежный цвет зимней породы, ненавязчиво сообщая ей муаровый, пятнистый или жилковатый, в зависимости от времени дня, узор.

С пламенными восходами январский морозный день оживает и, быстро перегорая в голубоватых искринках, к своей середине как бы затаивается. К вечеру же, налившись невидимой стойкой силой, он вновь воскресает в разноцветном холоде нарождающихся прожилок: лимонно-кремовых, отражающих нескончаемую пустоту звезд; молочно-белых, вбирающих в себя потаенно исхоженные зверьми зимние тропы; голубовато-дымчатых, призванных к зачарованному созерцанию лесных таинственных сумерек...

В глухие январские ночи, когда снег начисто заметает все пути-дороги, а луна тревожно вздрагивает на неясном небосводе, в удаленном от людей лесном зимовище твое сердце согревает только робкий фитилек проржавевшей от времени керосиновой лампы. В такие ночи снег словно прислушивается к звездам и впитывает их. Выйдя из избушки, смотришь на небо и начинаешь воспринимать все это бесконечное пространство как глубину души одного гигантского существа, как ни странно, похожего на человека...

Если ты не связан с миром природы, то тебе невероятно даже предположить, что зимний мрак и ледяная январская стужа таят в себе больше жизненной энергии, чем румяные августовские закаты, а вечерний январский отсвет на сугробах нежнее любого самого трепетного цветка. Иной раз, несмотря на свою неприступность, январская мгла, снег и черный лес оказываются ближе, чем самые родные люди.

Морозный январский день жаден до броских красок. Желая задержаться в окружающей лесной жизни подольше, он, наверное, попросил об этом кого-то, и природа помогла ему, разрисовав брови красующимся по деревьям глухарям, тетеревам и рябчикам. С тех пор птицы эти, провозвестники короткого и радостного январского дня, не перестают прославлять его, даже когда солнце скрывают тяжелые свинцовые тучи, густой стеной сыплет надоедливый снег и тебя совсем не тянет в неприветливый и хмурый лес.

Февраль Войдешь в февральский лес и поначалу покажется, будто нет в нем никаких изменений в сравнении с январем: все так же тихо, сонно, бездыханно. Только восход трогательного солнца чуть нежнее и дольше

вспыхивает за лесом. Чем-то он безотчетно привлекает, манит неотступно, так что хочется нарисовать его.

Горит за черным еловым лесом нежно-радужный восход и отблески его мягко падают на заснеженные поляны, высвечивая на них чуть приметные впадинки, в которых притаились голубые и синие тени. И вдруг неожиданно слышится голос одного рябчика, затем еще, еще... Целый табунок, рассевшись на деревьях по обе стороны дороги, перекликается, как ни в чем не бывало. Весь снег здесь испещрен аккуратными набродами, что тянутся параллельно друг другу: рябчики начинают сбиваться в пары... Скоро им тоже предстоит зачать новую жизнь, и они ожили, огласив задремавший февральский лес своим призывным свистом.

Затянутое мутновато-кремовой пленочкой, февральское солнце еще нехотя выкатывается на размытое неясными отсветами небо, но чем больше смотришь на него, тем труднее от него оторваться: чем-то неизъяснимым притягивает оно к себе в этом занесенном метелями мире... Солнце то и дело ныряет в радужно-серых облаках и, кажется, совсем не светит, а если не упускать случая понаблюдать за ним, вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет. Все в феврале предполагает скорую весну, хоть краски еще не яркие и размыты, даже бледноваты.

В феврале едва пробивается лучик грядущей весны — такой робкий, незаметный, что почти никто его не замечает, и он, подавленный этим невниманием, все же пытается всех радовать. Трудно себе представить, что обычное февральское солнце может переливаться всеми цветами радуги, как это происходит в марте, и пока оно только незаметно копит их в себе и лишь изредка одаривает в нежные утра. Ведь и зимнему солнцу важно, для кого оно светит.

Правда, для маленьких пташек — неспешных лесных обитателей, изредка перепархивающих в еловом пологе, ему достаточно работать вполсилы. Незачем понапрасну напрягаться и тратить энергию, которая пригодится весной и летом, когда придется вытягивать из оледеневшей земли цветы и травы. Февральское солнце полудремлет, но в нем чувствуется неизбывная затаенная сила, которая притягивает к себе среди безжизненных снегов.

Февральское солнце почему-то хочется запомнить и унести с собой, и потому часто достаешь фотоаппарат и снимаешь его. Ждешь, когда тучи откроют его кремовые, нежно очерченные бока, и нажимаешь на спуск. Солнце в каждом своем неповторимом мгновении остается с тобой.

Но тебе все мало, ты жаден до его непередаваемого света и все снимаешь, стараясь запечатлеть что-то важное для себя, не упустить его, а солнце, равнодушное к твоим попыткам обрести его тайну, неприметно катит по небу, то исчезая, то вновь появляясь в туманных февральских просветах.

Нелегко отыскать цвет неопределенному февралю, соединяющему два таких ярко выраженных в цветовом отношении месяца, как январь и март. Окаймляющий зиму неясной, седовато-туманной дымкой, он полон

недоговоренностей. Февраль одного года никогда не бывает схож с февралем другого, и тем не менее этот месяц имеет свой цвет, который может быть скорее светом, исходящим из его непредсказуемой природы.

Неизменно возникая однажды на зимнем небосклоне, февраль приносит с собой невиданно захватывающие воображение картинки. Он — отдушина зимы, ее радостное предвестие весеннего наступления, волнение и боль. Своей неясной глубиной февраль способен тяжело ранить, одурманить глухими метелями и унести с собой.

Трудно описать словами февральский цвет, и лучше всего переболеть этой февральской переменчивостью, внутренне, ни на миг, не прекращая пристально вглядываться в обманчивый месяц.

...Живет в прибойной полосе дальневосточных морей на первый взгляд неприметный, но на самом деле очень изящный, необыкновенный камень. Камень, который как бы предлагает собой первое знакомство с морем, с его необозримой и глубинной синью, сгущающейся у горизонта. Имя ему — агат...

Приглядевшись получше, и приметив хотя бы раз его мутновато-чарующий блеск, ты обязательно нагнешься и поднимешь камень, для чего-то положишь его в карман и будешь долго носить его там, в душе ощущая при этом необъяснимую тихую радость. И даже потом, по прошествии многих лет, когда, не решившись расстаться с ним, ты все же приберешь камень в какую-нибудь коробочку, он будет, подобно морскому прибору, не переставать тревожить твое сердце, время от времени обдавая его леденящей пеной.

Агат — это нежный переход от зимнего тепла к загадочной неизменности крепких весенних утренников. Сам февраль — преддверье мартовской ослепительной синевы, подобно агату, многократно переслаивается тонкими, различно окрашенными и еле уловимыми слоями. Это и белый, и голубовато-серый, и фиолетовый, и слегка тронутый выстуженной за зиму сиренью месяц. Ему нет равных в окаймленном холодом, неподражаемом зимнем ожерелье. Он — неброский, радужно-облачный, с трогательными дальними просветами и неясно щемящей предвесенней тоской, жадно желающей грядущей нарождающейся жизни.

К третьему месяцу зимы снег как будто устаёт от своей белой свежести и после частых оттепелей постепенно приобретает сиреневый оттенок. Тяжелые темные тучи нависают низко над лесом и еще более сгущают сиреневатую белизну. Изумительно проникновенна она в такие влажные дни, и сколько бы ни пытался постичь ее действительную цветовую суть — февраль не позволяет! То замутит, то холодным безмолвием насторожит, а то и девственной порошей одарит: ловок последний месяц зимы до диковинных загадок!

Не алое пламя тихой январской зари рдеет в эту пору на величественных сугробах, а неясные фиолетовые отсветы. В них чудятся робкие мечты февраля стать весенним, что не вяжется с его лютой сутью и редкими

малиновыми восходами. Все эти противоположности ввергают февраль в беспрестанное противодействие белого, красного и синего, из чего и складывается фиолетовая палитра.

В феврале небо густеет тяжелыми фиолетовыми красками, солнца почти не видно, а редкие его лучи, пробивающиеся сквозь низкие облака, еще более оттеняют блеск темно-синего инея на деревьях. Все вокруг проникнуто радужной сиренью, лиловыми отсветами и непостижимой чернотой, что, впрочем, быстро растворяется на горизонте, перетекая в фиолетовую синь, а затем и лазурь. Переменчивость февральского неба, его многослойность обусловлены надвигающимся бурным временем зимы и неожиданными оттепелями, влага от которых смешивает небесные краски и превращает белые тона в фиолетовые.

Фиолетовый цвет сочетается с самим названием месяца — его начальной буквой, мягким предвесенним выдохом «фе-фи-и...», вызывающим такие неопределенные настроения. В нем еще не чувствуется будущая ясная синь марта, но полно тревожащих душу замечательных перевоплощений: голубовато-дымчатых, серовато-мшистых, аметистовых... Все они призваны растопить фиолетовый ледок последнего месяца зимы и пробудить замершее в его крошечке сердце.

Смутно февральское время, и фиолетовые дни его — как отражение редко достигаемой сути месяца. И сильные метели еще пеленают солнце, и реки с ручьями в суровых оковах льда, а уже пахнет весной. Не по-серо-зеленому, как в апреле, и не по-синему, как в марте, — именно по-фиолетовому: с разнеженностью невесть откуда налетевшего озорного ветерка, принесшего для всего живого сладко томящуюся тревогу, фиолетово-радужную предвестницу будущей ослепительной надежды.

Словно тени по ясному снегу, разбегаются на льду извилистые фиолетовые трещины... Река вздымается под ледяным панцирем упругой рыбьей спиной и вот-вот взорвется от перенасыщенной глубинной сини. Так и метельный воздух в феврале наполнен невероятными по цвету ощущениями, самые трогательные из которых — аметистовые.

Белесовато-молочный лунный свет тоже имеет фиолетовые оттенки. Хорошо заметна ночью ползница санной лесной дороги, что синее глубоко в снегу. Смотришь и не поймешь сразу, откуда струятся по ее краям густые темно-лиловые тени. Тени гасят снежные блестки, а под утро переливаются в крадущиеся сумерки, что тоже по-фиолетовому необыкновенны. Как призрачны цвета февральской луны, которые она то крадет, то дарит!

Холодный фиолетовый огонь февраля неяркий, вроде бы и бессильный, но и он полыхает предвесенним радостным чувством. Облака от его прикосновений становятся пушистыми, а вата снегов — шелковистой. Огонь этот не опаляет, он нежно будоражит бездонные кобальтовые дали.

Иногда фиолетовая густота февраля неожиданно сменяется васильковым дневным светом, что непривычно зачаровывает. Цветочным июльским полем вдруг раскинется февральское небо, и если какое-то время не отрывать от

него взгляд — позабудешь обо всем на свете. Только на вершине зимы случаются такие чудесные перемены.

Февраль — канун весны! И как ни крути зима, а утренняя светлынь ласковой улыбкой голубеет. Морозная симфония ясной лазури, шелковый белый шлейф затуманенных далей... Всё в противоречивом феврале загадочно и изящно, хрупкие цвета по-весеннему волшебны...

Линии сугробов тоже не выглядят никогда замершими, они всегда музыкальны: постепенно в них угадываются и рояль, и виолончель, и фагот со скрипкой, и, на худой конец, махонькая дудочка-жалейка, которая выдувает фиолетово-радужную, тонкую мелодию февраля.

А то вдруг обернется февраль тетеревом — иссиня-черным лесным петухом! Лирой приспустит хвост, выгнет спину и как будто предостережет: «Ко-ко-ко-ко-ко!» — мол, не миновать еще тугих сретенских морозов. Вот она, потаенная февральская краса, — краснобровый косач-черныш на белоствольной березе в морозный день!

Студён фиолет февраля, нажимист. Упругой губкой вбирает в себя все запахи, звуки и дуновения заснеженной земли, держит какое-то время, а в приключившуюся вдруг оттепель выбрасывает, так что повергает все живое в неопишимо восторженную растерянность. Как одолеть этот фиолетовый напор февраля, что ему противопоставить?! Может быть, самому стать февралем, в своих фиолетовых чувствах желая побыстрее дотянуться до весны?

И вот выдастся в конце февраля чуткий день почти с весенней капелью, с размытой неопределенностью пахучего воздуха, с замирающей под самым сердцем тревогой, и ты не спеша отправишься в лес и, постепенно проникнувшись всем, что тебя в нем окружает, вдруг откроешь, как приятно переживать мир пробуждающейся природы в себе самом.

ВЕСНА

Март После того как снег изрядно подтаял в февральские оттепели, неожиданно набегают холод и заковывает в лед зарождающуюся весну. Снег вдруг возьмет и припорошит вскрывшуюся землю с ледком, а прилетающие с севера непрерывные злые ветры все гонят колючую поземку. Под утро они затихают, и не спеша и занемело подступает день.

Дни сильно прибавляются, но сумерки коротки: темнота настигает неслышно и мгновенно, закутывая все вокруг протяжной шелковистой шалью. Снег еще не сошел, и от этого сумерки кажутся синими. В них таится голубизна и синь грядущей разудалой поры.

Синий и сам месяц март, не поддающийся описанию. Небесно-синий лазурит и бирюза, составляющие его основу, недостижимы для обычного восприятия. Чистота высшего качества подразумевает волшебное происхождение месяца, в котором желанная синь окрашивает собой всю весну, в достатке вмещающая и воздух, и небо, и солнце, и даже задорный

мартовский ветерок, который и смел, и упруг, и норовист, а как до боли в глазах прозрачен и синь!

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни... Сейчас солнце только успевает подбавлять синей краски небесам, а мороз закаляет ее густоту. И декабрь, и январь, и февраль по-доброхотски старательно расстилают свои самобранные скатерти, но только мартовский солнечный мороз знает, как крепка и раздольна накрахмаленная им синева. Когда день в марте берет перевес над ночью — синева дневного весеннего раздолья не угасает в душе до самого утра.

Торжество синего света происходит только раз в году. Как и весеннее солнцестояние, оно долго ожидаемо, и остается, должно быть, излюбленным весенним состоянием для всего живого.

В канун весны света, когда вся природа еще молчит, мое нетерпеливое сердце уже щебечет маленькой птичкой, изредка замирает, словно пугаясь своей смелости, и в этой полной, на миг обретенной трепетной тишине устремляется к большой и еще не сбывшейся лучезарной любви. Жарко горит снег в мартовский полдень, но его еще так много, что на первый взгляд кажется, будто он дремлет. Вечером же, когда неутомное солнце потухает, радость от ожидания весны не оставляет тебя, а еще более усиливается с зажигающимися на небе голубыми звездами.

Весна копит свои нерастраченные молодые силы и лишь готовится обрушиться на землю своей цветастой буйной плотью, но до этого еще далеко. Мартовское небо обманчиво, оно пытается заигрывать — бледновато-серая поволока затягивает высь, так что ее нижние края цепляют печные трубы и карнизы домов. За ней угадывается плохо скрытая голубизна, которой ничего не стоит однажды утром многообещающе подмигнуть тебе в окно... Так ранняя молодость угловато намекает на бесконечность жизни, хотя в эту пору и жизнь и смерть — вместе...

Мартовское небо по утрам бледно-серое, оно манит грустью, но грусть эта тоже весенняя: она удивительно легка.

Замерзшие за зиму яблоневого веточки, вздрагивая от мартовского ветра за окном, робко оживают. Кажется, возьмешь в ладошки, дохнешь теплом, и заживет тонкая хворостинка, обдав ароматной терпкой горечью зарождающихся под студеным покровом коры соков.

Появившийся еще в конце февраля крепкий душистый запах пробуждающейся жизни, самая первая, необыкновенная и ни с чем не сравнимая свежесть нередко уступают место колючим и еще не сдающимся лапам зимы. Но хвоя на деревьях все решительнее освобождается от снега, свежее и в особо теплые дни, под вечер, густо и сочно пахнет.

И тогда в воздухе появляется чуть сдавленный гул. Он роится, теплеет и наливает собой тело, которое тоже становится звонким, горячим и неутоленным. Мышцы, словно почки, набухают, томно и упруго тяжелея.

Чувствуешь себя молодым зверем, проснувшимся на заре многообещающего дня в уютной берлоге...

Ручьи не обильны и не слышны. Они беззвучно и робко, вместе с первыми оттепелями, осаживают снежный покров. Кругом становится темно. Ручьи в марте — это первые слезы оттаивающей земли. Но пролиться им в этом месяце не дано: заморозки еще крепки и коварны.

И, тем не менее, мартовская снеговая вода не обойдена в народе вниманием: ей не без основания приписывались свойства целебные и просветляющие. Она же помогала от веснушек и загара.

У древних славян март считался первым месяцем, и именно поэтому его называют утром года. Первый месяц строптив, неустойчив, своеобразен. «Мартушка,— говорят в народе,— еще закрутит вертушку». Но как бы ни хмурился март, а весной все равно пахнет.

Радость рождения связана с прилетом птиц. Услышишь однажды поутру странный скрипучий голос, напоминающий куриное кудахтанье, а иногда — приятные флейтовые переливы, как у соловья, и становится ясно: пожаловали проказники скворцы.

Громкой трелью с очаровательным вензелем в конце и призывным звонким пиньканьем возвещает о своем возвращении счастливый зяблик. Смело и радостно перебегает он по оттаивающей земле, выскивает что-то важное для себя.

Во весь голос заявляют о весне грачи. Только зароиhsя слегка тяжелый от влаги воздух, закурились душистой дымкой редкие проталины, а они уже тут как тут — суется на верхушках деревьев, оповещают о себе всю округу неумолчным граем.

Журчит и переливается весна птичьими голосами, сердце замирает от переполнившего его восторга, и солнце растворяет своей любовью февральскую хмурость. Царство нежнейшей лазури обрушивается с неведомого высока, слепит глаза яркой синевою, неукротимо подтачивает крупнозернистую снежную мякоть. Каждый день меняется облик нарождающейся природы.

Незаметно подточенные ласковым полуденным солнцем, с громким замораживающим хрумканьем рушатся с крыш сладковато-мутные сосульки. Мелкие кубики рассыпаются в разные стороны, гулко вздрагивая, словно в стакане для коктейля, неясно волнуя при этом сердце. С приятной опаской замечаешь такое место. Подхваченная легким весенним ветерком, звонко переливается в нем на лету капля, неожиданно осыпая тебя мелким душистым дождем...

Не обиженному в народе прозвищами марту более подходит имя березень. У березы под корой начинает струиться сладкий сок, он наполняет деревья невидимой силой. Однако пробуждение деревьев наступает не сразу, и копят они свои силы постепенно. На исходе марта обладание скрытым богатством становится невыносимым, живительная сочность от малейшего

прикосновения вырывается наружу, и берёзоток щедро утоляет жаждущую душу.

Даже прозрачность небесной синевы, кажется, перетекает в эту пронзительно прохладную сладость, которую дарит освобождающаяся от зимних оков земля. Сладость эта мягка и почти не ощутима на вкус, ничем не разбавлена и чиста. Напиваясь маленькими короткими глотками, легко убить в себе старость и сделаться молодым и чистым. Ударяющая в виски березовая свежесть не несет в себе ничего, кроме приятно стискивающей сердце ясности и желанья не переставая пить весну.

Темные могучие тучи всё чаще исчезают, а бледно-голубая поволока вырастает, тянется в поднебесье. Небо в отдельные дни взлетает высоко-высоко, застывает там, играючи, синью, а опускается украдкой лишь под вечер. Ночью для возвышенной синевы шалости неохотно прекращаются. Только звезды с луной взметнутся, зацепившись веселым блеском за лохматую черноту, и, повиснув ловко, радуются меж собой, изредка поглядывая на землю.

Ночи в марте стоят большие и черные, они безмолвны. Скованная на ночь ледком земля томится, изнемогая, но терпит: недолго уж осталось — запоют скоро ручьи, оглашенно омывая ее усталое от зимы тело, напоят талой студеной водой, дадут ей силу великую. Земля потянется, стряхнет сонную приятную одурь и вздохнет полной грудью.

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться еще мартовскими ночами, в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блески будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы... Мартовское небо незаметно выключается из фиолетово-радужного февраля, ударит по глазам своей синевой, и всё в тебе сразу преобразится, заиграет, и сам ты станешь восторженно-неудержимым, ослепительно синим мартом!

Апрель Порой в апреле выдается такое бесконечно чистое утро, что все уже знакомые весенние звуки звучат по-особенному звонко и счастливо. Ясный апрельский воздух можно сравнить с только что вымытым оконным стеклом, через которое к тебе в дом пробиваются ласка и тепло. Пришел апрель — и в сердце твоём как будто распахнули окно!

Никогда не увидишь, а только почувствуешь, как сладостно настаивается терпкий запах весны, ее зеленовато-прозрачный, пьянящий аромат, и происходит это в апреле. В морозное апрельское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, а утренняя бирюза так трогательна, что даже нежно-розовое солнце, словно опасаясь ее нарушить, взбирается на небо осторожно, как бы невзначай. Солнечным апрельским утром вдруг

почувствуешь, как будто тебя кто-то окликнул негромко, обернешься, а это шелест падающих капель, еле слышно произносящих ласковые звуки весны...

От нежной апрельской зари и чистого небесного пространства, отражающихся в первых лужах, вскрывшиеся от снега поляны, кажется, возносятся и повисают в воздухе чудесно переливающимися пейзажами. Перед самым же заходом солнца апрельская заря иной раз замыкается в себе на короткий миг, стекленеет, и весенние оранжевые лужи на дорогах горят от нее, как окна в неизвестность, и умиротворенно и до непостижимости безучастно.

Если в апреле целый день щедро припекает солнце, то под вечер небо становится пустым, чуть уставшим. А звезды в этой теплой и ненавязчивой пустоте зажигаются зелеными огоньками далеко-далеко, так что хочется остановиться и замереть, без цели, но с улыбкой переводя взгляд с одной на другую до самого восхода. С наступлением утра небо, как и в марте, опять высокое, синее и чистое, пронизанное всепроникающими солнечными лучами, словно ножом разрезающими его на сладкие и сочные ломти.

Весенний воздух роится от этого дурманящего аромата взрезанной плоти. Густая и душистая мякоть отдает теплом спекшейся на щедром солнце дыни, источающей мутновато-сахаристый сок. Все это как чудный сон из детства, который не прекращается даже после короткого и неожиданного пробуждения, а когда погружаешься повторно в его ласковую золотистую паутинку, он моментально опутывает приятной несвободой, завораживающей душу неизвестностью. Теплая истома при этом мягко свербит в груди, и в какой-то миг начинает казаться, что солнце мягко выпускает на землю лучезарные, серебряные и золотые стрелы, которые стремительно летят в разные стороны и постепенно превращаются в разноцветных живых птиц...

Горячо жарит солнце, в считанные дни слизывая снег с обочин дорог и высушивая добела крыши домов, но не в силах еще добраться до тех мест, где всегда господствует прохладная тень. В апреле солнце становится большим и радостным.

Ручьи ласково бормочут, отрешенно переливаясь в сплошном световом потоке. В своем безудержном движении, перебивая друг друга, они маслянисто стелются по грязным поблескивающим дорогам, и если долго на них смотреть, кажется, что ручьи застыли на месте.

Как-то раз я уходился по солнечной апрельской дороге, с лыжами через плечо, с рюкзаком, и устало улегся прямо у обочины на наст...

Небо над головой вытянулось необъятной синью, как одеяло, и дышало теплом, у ног ласково и усыпляюще журчал неугомонный ручей, — тотчас захотелось спать. И я уснул, но спал, не обрывая своих весенних восприятий и мыслей, так что время пролетало мимо незамеченным и... оставалось на месте.

Когда снег в апреле уже почти стаивает, сугробы окончательно раскисают и превращаются в непролазное пегое месиво, а все ложки

заполняются талой водой, — кругом становится удивительно голо, но в этой оголенности — вся прелесть русской весны! Так и у меня: после мартовского света бурной весны, которой предшествовала нескончаемая зима, все мое существо превращается в неудержимый апрельский ручей, уже лишенный каких-либо чувств, но который твердо знает: рано или поздно он должен достичь большой воды.

Народная мудрость гласит: «Март — пивом, а апрель водою славится». Сколько бы апрельской воды ни утекло, вся она на пользу пойдет: деревья и травы напитает, будущую летнюю сушь предупредит. Апрель всех напоит, и под его весенним напором зиме своих завоеваний не удержать.

Бывает, в апреле, когда еще не сошел снег, засеется под вечер мелкий весенний дождик, из-под разлапистых еловых ветвей выползает промозглый сырой туман, и на душе становится хорошо и покойно. Апрельские дожди чисты и прозрачны, подобно драгоценным слезинкам земли — алмазным камешкам, и еще они так неподражаемо шелковисты, недвижимы в роящемся весеннем воздухе, что в них хочется так же неподражаемо чутко замереть и не дышать. В апрельском лесу после дождя всегда приятно проясняется, отчего вспоминаешь только хорошее, а худое куда-то бесследно исчезает.

Вот и березы в апреле как будто плачут от радости, не в силах сдержать нахлынувших чувств! Когда приходит время движению сока, все вокруг наполняется ароматом коры, деревья будто переговариваются, и из надломленных веточек капает в ручей мутновато-белый сок, но раствориться не торопится, а лишь вытягивается по течению в такие же мутновато-белые струйки, напоминая сказочно-молочную реку с кисельными берегами... Только с последней каплей березового сока молодые деревья одеваются в легкий зеленоватый дымок, робко преображая апрельское лесное пространство. Старая же береза, уже давно распутившись, не перестает осыпать землю своим ароматным дождем.

А иной раз выдается такая весна, что и дрозд поет сиротливо, как будто бы он один остался на весь промокший апрельский лес, вскоре часом простудился, засипел и постепенно вовсе умолк. На дворе слякоть, апрельское бездорожье, мутные струи холодного дождя льнут к оконным стеклам, но попробуй преодолеть в себе вынужденное ненастье, отправляйся в просышающуюся от зимы чашу, и душа вдруг станет огромной, как лес.

Апрельская дорога раскисшая, черная, и пока бредешь по ней, на душе, несмотря на весну, становится как-то муторно. Но только войдешь в лес — и сразу угодишь в рыхло-зернистый снег, который отрезвит резким запахом свежести и заставит оглядеться: ведь вот она, весна, пришла, а ты ее не замечаешь, след твой очень скоро расплывается и мало-помалу вовсе исчезает.

Стоишь, смотришь, как роится волглый апрельский воздух, а в нос ударяет запахом влажной коры и талого снега. Воздух, кажется, замешан на пробуждающемся повсюду ощущении любви, которая не врывается в сердце вихрем, а прокрадывается на цыпочках. Пахучие туманы не задерживаются

на открытых местах и быстро растворяются, в густых же ельниках застревают надолго и как будто ждут там чего-то глубоко желаемого, но несбыточного. От свежей коры и капли с розовеющих веточек копошащийся под еловыми лапами туман тоже, как и воздух, становится прозрачно-жемчужным и ароматным.

Апрельский день может быть пасмурным, тяжелым от накопившейся в нем ароматной влаги, и когда снег уже совершенно не держит и нога с хлюпаньем проваливается до самой земли, начинаешь ощущать, что ты тоже переполнен живительным теплом и готов вот-вот броситься со всей накопленной в тебе за зиму силой навстречу жизни! И возникает вдруг от всего этого особая тихая прелесть, когда воздух пахнет сырими ветками, в душе свербит от невыразимого чувства к проистекающей вокруг весне, и почему-то начинает казаться, что время человека в природе еще не наступило.

Апрель — самый интересный месяц весны в среднерусском краю. Это время прилета большинства птиц, распустившихся деревьев, самых нежнейших первоцветов. Весна торопится, и с каждым днем в природе прибавляются всё новые и новые цвета: сиренево-розовый, желтый, нежно-зеленый.

От снега до листа — таков апрель в своем стремлении преодолеть тяготеющие силы зимнего оцепенения. Белый покров зимы еще не сошел, а уже появились рыжие пятна проталин. Первыми на апрельское тепло отзываются цветы и деревья — их нежнейшая зелень в один день выпускает в воздух свою клейкую свежесть. Трудно поверить, что самое трогательное проявление апрельской поры — робкий подснежник — пробивается в недрах сугроба сквозь ледяную крошку.

Зеленый апрельский цвет — это цвет от еле приметного и ненавязчивого смешения синего с желтым. Синее небо и высохшая трава с прошлогодней листвой, кажется, никак не взаимосвязаны, но именно между ними и еще от переполняющей землю огромной любви и силы зарождаются сочные ростки новой жизни.

Цвет травы и листьев в разное время бывает разных оттенков, но только не в апреле. В этом месяце зелень молода, светоносна, близка томящейся неизвестно чем душе. Исходящая от зелени нежность вливается в тебя тихой ласкающей музыкой, и ты вновь открываешь для себя лес, всегда такой необычный и дорогой.

Бывает, в апреле еще с ночи потянется из леса какой-то неясный шум: это лопаются переполненные жизнью почки, словно зазывные сваты восторженно перешептываются между собой, еле сдерживая себя, о чем-то совещаются, а потом весь день молоденькие березки, осинки и черемушки, подобно невестам, одеваются прямо на глазах в светлые одежды, и тоже еле слышно радуются своему счастью, распространяя вокруг живительный аромат... Так цвет одних дает жизнь другим, и неясный шум постепенно превращается в зеленый неудержимый гул всеобщего праздника любви.

И белый цвет, и светлая зелень, и грядущая яркость предстоящей жизни идут в апреле вместе. В укромной глуши пахучих ельников в лицо еще ударяет приятной свежей прохладой. Освобождающиеся от зимней скованности деревья словно расправляют уставшие плечи и радостно гонят по своим сосудам живительные соки, а поднимающиеся травы с неудержимой силой тянут трепетные головки к солнцу. Но зеленоглазым и зеленоволосым апрель назвать еще нельзя. Он, скорее, серо-зеленый, вопреки присутствующему в нем разноцветью.

Начавшееся было буйство красок оборачивается к концу месяца неожиданной и вкрадчивой успокоенностью в природе: апрельский свет постепенно становится приглушенным. Весна в апреле землю парит, и влага, накопившаяся в воздухе, перенасыщает его. Еще не расцветшая жизнь словно замирает, захлебнувшись от первого жадного глотка, и утолив им жажду, впору ослабнуть и заснуть от охватившего счастья.

Только в глухих логах, где воцаряется особая тишь и укромность, затаила свое ледяное дыхание зима. Звездными глубокими ночами выбирается она на их крутые склоны, чтобы еще раз запахнуть собой фиолетовый лес, но получается это у нее плохо. Уже под самый восход розовеющего солнца, когда на землю уверенно опускается рожденный весной свет, от зимы вдруг начинает струиться приятно сковывающая прохлада.

Тихие ночные тени мягко растворяются за деревьями, быстро меркнут уже почти невидимые звезды, и лыжи гулко ударяются о запоздавшую наледь, так что взбудораженные на току глухари остаются неслышны даже для чутко пробудившегося к весне сердца. Глядя в апреле на затухающее звездное небо, похожее на огромное ночное поле, легко увлечься его манящей необъятностью, уйти далеко-далеко и заблудиться. Бредя во тьме на глухариный ток, ты отчего-то остановишься и вслушаешься в ночь, а там будто разговаривают люди, перебегают с хохотом дети, кто-то весело вскрикивает, перекликается и ненадолго замирает. Это значит, что апрельская ночь выдалась размашистая, открытая и бояться в ней нечего.

В апреле еще жарче разгораются глухариные тока... Выйдешь в апрельскую ночь из избушки и сразу очутишься в совершенно живой тишине, какой не услышишь ни летом, ни зимой, ни осенью. Глухарь играет неподалеку, песня его то наплывает на тебя из темноты, то куда-то исчезает, а ты не в силах пошевелиться и нарушить эту насыщенную звуками апрельскую тишину: так бы и стоял всю оставшуюся весну, наслаждаясь глухариным пением и апрелем.

Но апрель обманет — недорого возьмет! Пока он сипит да дует, бабе тепло сулит, мужик то и дело глядит: что-то еще будет! Устроит хитрый месяц свои затеи, обдаст серым холодом и незаметно под май подведет, трепетным теплым утром одарит.

Ни холоднее марта, ни теплее мая апрель не бывает, и потому как только кто-нибудь скажет: «Пришло долгожданное апрельское утро!» — сразу

понимаешь, что требует от тебя жизнь. Апрельское утреннее тепло — это и сумрак, и свет, и обездоленность замерших перед пробуждением полей, и щемящая душу несказанная тревога. Рожденное, но еще до конца не разбудившее все живое, это тепло пока лишь слабо сочит свои соки, мягко подталкивает в затылок, не торопится.

Апрель никогда не дает до конца расслабиться человеку, исподволь подсказывает его ошибки и ненавязчиво вынуждает трудиться. «Учись, учись да преи, недалеко и до майской гульбы, а уж в июне можно и плюнуть», — говорят в народе. И ты, не выказывая ни слабости, ни надежды, ни равнодушия, с удовольствием погружаешься этот праздник тихого и ласкового света, умиротворяющего природу, и как будто не ждешь ничего от жизни, а только наслаждаешься неповторимым мигом апрельского просветления.

На невидимых ножках порхает над оживающей землей неугомонный апрель, и вместе с ним разносятся повсюду птичьи трели. Птицы в апреле возвращаются на места гнездований. Основательные зяблики, вездесущие трясогузки, ни на минуту не успокаивающиеся дрозды, с момента прибытия озабоченные чибисы и многие другие наши перелетные птицы прибывают именно в этом месяце.

Любая малая птаха, будь то овсянка, снегирь или зеленушка, не умолкает весь день, восторженно возвещая о себе окружающему лесу, воздуху и небу. В них, преодолевших десятки и сотни километров нелегкого пути, таких крохотных, кажущихся на вид совершенно беззащитными, может быть, и живет то самое главное, без чего природа оказалась бы мертва. Недаром говорят: жаворонок на невидимых нитях своих трелей всю землю держит.

Интересно в эту пору примечать прилет зябликов, когда снег в лесу еще не тронулся... Следить, как они перебегают по оттаивающей земле, словно мышки, а потом насвистывают в еловых ветвях, и чувствовать, что во всем происходящем не хватает еще какого-то очень важного теплого творчества, без которого и солнце не солнце, и весна не весна!

...Давно разрушились дороги, люди в деревнях растворили и помыли окна, поднялся со своего зимнего лежбища медведь, так как даже в лесу снега уже осталось мало. След его возбуждающе-загадочно пролегал по вытаявшей обочине, и увел к заброшенному лесному селению. Нелегко дается таежному архимандриту весеннее пробуждение — голодно еще в лесу, сыро и пусто.

Пчеловоды повсеместно выставляют из омшаников ульи и жгут на пасеках прошлогодние сучья. На ближнем болоте трубят по вечерам журавли, а зайцы всё чаще выходят кормиться даже днем. После полудня они еще более оживают, бестолково радуются солнечному теплу и свежему корму, а потом замирают светлыми живыми комочками по окраинам укромных лесных пашен в ожидании своих легких заячьих свадеб. Апрель в

эту пору полон зарождающейся жизни, она неутомима, потому что молода, и всё в ней обращено к раздолью и обильному свету.

Ни с чем не сравнимо это ощущение необыкновенной внутренней радости, которое рождается только весной. В апреле и только в апреле постигаешь, что истинное царство света должно быть устроено не на небесах, а на земле. Весна, как великий праздник, затем, наверное, и дана, чтобы люди забыли свои обиды и стали все хороши.

Именно в апреле рождается во мне волшебный мальчик, который всю оставшуюся весну и лето с восхищением встречает каждый день, к осени как-то незаметно подрастает, успокаивается, а перед зимой и вовсе забывается. Каждый год стараешься не пропустить, куда же он исчезает, но неизменно отвлекаешься и упускаешь в себе эту не замечаемую пропажу, поскольку жизнь вступает в свой новый круговорот, обновляя души людей и ненавязчиво снимая накопившиеся заботы. Весна несет новые, но они еще в радость. Весна творит жизнь, она рождает планы на будущее.

Май Быстро проходит апрель, потому что торопливое сердце неудержимо стремится к долгожданному маю. Еще недавно самый усердный весенний месяц велел учиться да преть, и вот уже теплый и ласковый май зовет тебя к вольному гулянию, влечет в нескончаемость простирающейся вдаль дороги.

Только что с шумом и треском прошел ледоход, вздулись и раскинулись реки, оттаяли пруды и озера, — и вечерние сумерки накрывают землю уже как-то неохотно. С каждым днем всё веселее и ярче разгораются утренние зори, отчего веточки на березах кажутся окутанными розовой дымкой. А майские ветры словно распахнули небо, вызвав из неведомого края стаи причудливых облаков, зато на дорогах наступила распутица...

Словно к большому празднику, нарядил май землю в чистые одежды: в нежную зелень окрасил деревья и сочные травы, до щемящего блеска отмыл душистыми ветрами высокое небо и солнце. Повсюду слышится веселый щебет птиц, которых невозможно различить по голосу, — так опьяняюще действует на тебя весна. От всеобщего оживления наконец-то пробудился лес и, посвежевший, обернулся мохнатым лицом к возрождающейся жизни.

В мае совершается отпущенье птичьих душ на волю. Вдали от родины, на чужбине, наши птицы, наверное, так не пели и птенцов, конечно, не выводили. Еле переведя дух от беспредельного для них перелета, птицы неутомимо перебирают все колена, восторженно пробуют свои голоса. Вот-вот вольтуют они в праздничный весенний хор, исполняя свои неподражаемые песни, и народ назовет их веснянками.

Весна в мае все покажет и скажет, каждого наречет своим именем. Весняком прозвали юго-восточный, тревожащий душу и тело ветер, а вешний и теплый, дующий с юга, — весенником. Обыкновенная шерсть, снятая с овцы по весне, становилась весниной. Весноватой нарекали не в

пору забеременевшую женщину, и даже весеннюю лихорадку окрестили не иначе, как веснухой — доброжелательно и просто.

В теплые майские дни, когда солнце блистает пылко и ярко, на лицах людей выступают мелкие буроватые крапинки-веснушки. От весеннего загара они весело разбегаются, конопатятся и радуют каждого встречного человека. Веснушки бывают только у добрых людей, и только добрые люди их замечают.

Наступает праздник жизни, когда сердце начинает биться сильнее при виде утиных табунков, плюхающихся в придорожные лужи. Не забыть, когда в сумерках на опушке, почти вровень с верхушками осин, березок, промаячит наконец в зеленовато-розовеющем небе первый вальдшнеп, и его призывный крик: «Хо-о-рр, хо-о-рр, цвиг-цвиг-г!» — вынуждает вздрагивать от волнения сердце. Разве может что-то удержать тебя в эту пору в городе!

Под вечер неожиданно вскрапнёт теплый дождик и откуда ни возьмись выползает густой туман, что стелется от низкорослых кустов до верхушек высоких елей. Он и прибывает вальдшнепиную тягу вниз...

Птицы прижимаются к самой земле, самки вскрикивают, увлекают за собой самцов, и те налетают на них с ходу прямо на дороге. Вырвавшись навстречу друг другу из молочной пелены, вальдшнепы спариваются и тотчас разлетаются, а вместо них тут же появляются другие птицы, и всё в точности повторяется. Излишняя сырость, кажется, вносит в поведение птиц непривычную для них нервозность, будто вальдшнепы боятся упустить этот вечер, в целом — всю весну, и торопятся любить. Охваченные страстью, они даже не замечают, как туман постепенно рассеивается, закат опять окрашивается у горизонта нежно-розовым уютным светом, а воздух пристекает над землей ласкающим и теплым дуновением.

Всё больше и больше начинает звучать к началу мая лес, который и заманивает, и в то же время становится неприступен. Влажен предутренний воздух, над речной долиной стелется туманная дымка, а над укромной лесной поляной, среди зарослей ольхи и березы, вдруг прошумят в вышине крылья, и на землю опустится косач — почти рядом, в нескольких метрах, так что захочется замереть и стоять так, не шелохнувшись, стараясь слиться с природой.

Наклонив голову, тетерев страстно вздрагивает распушившейся шеей и ударяет крыльями, возбужденно подпрыгивая. «Чу-фыш-шшш! Чу-фыш-шшш! Чу-фыш-шшш!» — далеко разносятся его вызывающие крики. Скоро и остальные тетерева зачуфыкают, закружатся по земле и нет-нет да столкнутся, как петухи, вырвут друг у друга по пучку перьев, а потом победно захлопают крыльями и опять начнут подпрыгивать и чуфыкать. По сторонам же тока располагаются рябенькие тетерочки, которые наблюдают горячие схватки самцов, нежным квохтаньем поощряют их и ждут своего часа, когда понесут в себе маленькие жизни, продляющие тетеревиный род.

Вот и зайцы, бывает, подолгу замирают в эту пору на утренних опушках аккуратными столбиками, так что скоро наскучивает наблюдать за ними. Они

почему-то сразу представляются неинтересными в проистекающем вокруг майском торжестве жизни, и почти не волнуют. Идешь не спеша дальше, а зайцы всё так же стоят, словно забыли что-то и никак не могут вспомнить. А может быть, они просто наслаждаются ласковым теплом, и так им от этого хорошо, что зайцы никого вокруг не замечают.

Крепилась зима, дорожилась апрелем и мартом, да вешней майской водой все унесло. Весенний путь — всегда окольная дорога, пролагаемая весною, в разлив. Неторопливо тянется она по заливистым лугам и поймам, невидимой пеленой дыбится над ней от земли радостный гул. Весенняя вода велика и сильна. Недаром в старину строили такие мельницы, которые мололи только весной, в высокую воду.

Идет весна... И хоть не кончились утренники и еще не распустились в полную силу листочки, а в лесу зацвело волчье лыко. Радостно заявляет о себе в голом лесу его нежно-розовый, чуткий цвет, источая до самой деревни непередаваемо тонкий, пряный аромат.

Напитавшись живительной влагой и пробудившись к жизни, богиня земли, чьим древнеиталийским именем назван самый яркий весенний месяц, начинает рождать неповторимые первоцветы — белоснежную и тонкую ветреницу, прозванную у нас подснежником, затаившиеся под тенью мокрых кустов хрупкие и ароматные ландыши, изжелта-красные, топорщащиеся из оттаявших бесцветных холмиков стручки мать-и-мачехи. По склонам ложков и косогорам легко выпестовываются на свет тоненькие головки горицвета, а по лугам торопится порадовать землю и пополнить ее кладовые душистая медуница.

В первую очередь привлекает внимание эта трехцветная лекарственная травка. У нее на одной веточке качается несколько розовых, фиолетовых и синих колокольчиков. Вначале появляются розовые венчики, дня через два они синеют, когда же раскроется последний колокольчик, кажется, что это не один цветок, а целый букет.

Первоцветы очень светолюбивы и потому спешат прожить свое короткое время, пока не поднялись высокие лесные травы и не распустились листья на деревьях. Первые цветы — краса однодневных хрупких растений, ими весна усыпает свой нежный ковер, из них она плетет на нем тончайшие узоры.

Сказать невозможно, какой именно запах у расцветающего мая и с чем его можно сравнить. Запах связанных с ним чувств и переживаний, птичьих песен, расцветающих трав и дуновений — всего, что он несет в себе и открывает... Может быть, это предощущение надежды, призванной всегда хранить чистоту?!

Каждую весну, особенно в мае, когда все вокруг распускается и расцветает, собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет со мной теперь?.. Но распустившись маленьким листком и радостно прошелестев им на теплом ветерке, все же, отрываюсь в сентябре и опять уношусь в

безызвестность, которой нет конца. Зачем же он был дан, этот неповторимый май месяц: может быть, для чудесного ожидания чего-то несбыточного?

Нет, веселый май оправдывает свое незабываемое присутствие самим собой, своей красотой. Сегодня набухшие почки, кажется, только опушаются золотистой пылью, а завтра на деревьях уже разворачиваются маленькие клейкие листочки. Как только станет лист березы со старую трехкопеечную монету, завершаются глухариные тока. Да только кто это все замечает, когда теплый майский день распускает свою душу, обласкивает землю и высушивает проселки!

Словно чудесные облака окутывают холмы и долины. В вышине, на мощных еловых лапах загораются огоньки маленьких красных шишек, а сосны украшают себя желтовато-оранжевыми побегими-свечками. Деревья довольно покачиваются и тихо шумят, словно смеясь над своим счастливым положением, весной и теплым безудержным ветром.

Легкий зеленоватый дымок одел березы и осины. И хоть с каждым днем увеличивается лист, но он еще тонок и не дает тени, и оттого в лесу удивительно светло и воздушно. Тяжелые березовые сережки, оттянутые ночной росой, не мешают этому ощущению. В свисающих сережках тоже есть какая-то мелодичность, будто невидимые пальцы дерева издают чарующие звуки, которые поражают своей чистотой и изяществом. День и ночь звучит эта первозданная музыка, славит чудесный месяц май.

Ярок май своей нежной белизной... Она повсюду, как будто успокоенная зимняя чистота насытила ею землю. Но это только на первый взгляд: на самом же деле белизна предполагает будущее летнее ликование. С нее, всеобъемлющей и трогательной, берет начало многоцветное буйство торжествующей жизни...

По утрам от чутких зорь алеют белые, вымытые весенними дождями стволы берез, распутивших по краям молодых полей кудрявые косы.

Белым нетронутым дымом вскипают по склонам светло-зеленых холмов кусты черемухи. Словно весенним душистым снегом осыпаны ее тонкие ветки. А по вечерам, когда закатится солнце, завораживающий запах еле уловимыми волнами проникает даже сквозь закрытые окна, кружит голову и навеивает тревожные сны.

Бутонами белых пушистых цветов украсились боярышник и калина. Их вздернутые к небу, кажущиеся почему-то неживыми венчики освежили узорную густоту листвы. Горделивые и неприступные кусты стали более доступными, как будто с самого начала были сотканы из живительного света и благоухающей тени.

К концу месяца над зацветающими лугами воцаряется белое копошение невесомых боярышниц. Воздушными мириадами витая над поднимающимися травами, бабочки олицетворяют трогательную неприкосновенность чудесной поры, наконец сошедшей на распростертую перед ними землю. Живыми цветками усыпаны не только поля, но и дороги, тропинки, кусты шиповника и малины... Они — трепетное дыхание уже

укрепившейся весны, отправившейся в свой последний невидимый путь: свободная легкость волшебного порхания, постепенное растворение в охватывающем восхищении и сладостный белый сон.

Еще в мае неспешно бегут по небу ослепительно белые облака. С нетерпением ждали они весны, чтобы, наконец, пуститься в одухотворенный нескончаемый полет. Деревья и травы приветствуют их легким покачиванием, потому как ничто в весеннюю пору не остается незамеченным. И облака улавливают их нежное шевеление, ласково проносятся над ними и неслышно осыпают теплым весенним дождем.

Нежная белизна, чистота и свежесть мая так прекрасны, что чувствуешь в себе недостаток собственной радости, а когда в мае устанавливается весна цветов, кажется, что этому чудесному времени не будет конца. Но самый дорогой цветок мая — открывающаяся душа, которая вбирает новые краски, запахи и звуки и становится еще более прекрасной.

Пришел месяц май, и всё вокруг — земля, птицы, деревья, небо — в восторге от происходящего. Весна, особенно май, — самая доброжелательная пора, в ней — высшая откровенность природы, когда все ширится, поет и... раздается. Если в эту чудесную пору встречаешь весну в лесу, всегда думаешь: с кем бы поделиться своим восторженным счастьем?!

В марте беспрестанную улыбку дарит солнце, в апреле — просыпающаяся земля, а в мае — напоенный жизнью воздух, что всеобъемлющ, многолик и, как по невидимым ступеням, возносит в голубеющую над лесом даль, будто распахивая перед тобой волшебный занавес. И если мартовский день — жених, то невеста его — светлая капля; для апреля нет краше распутившейся нежными барашками вербы; май же — бесшабашный гуляка, без зазрения совести мечтающий сосватать еще до конца не одетых черемуху, иргу, калину, рябину и сирень. С приходом дивных майских дней куда-то исчезает трогательность апреля, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то уже не так: все затмевающая в душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет радость.

Вот, наконец, прилетела кукушка. Откуда-то из лесной, неведомой чащи стало разноситься ее печальное кукование: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку-у...»

Любят в народе эту серенькую птичку, жалеют ее одиночество. Может быть поэтому отсчитывают себе, сразу по ее прилете, столько лет, что можно сбиться со счета, а ближе к концу месяца — только раз-другой, да и то неохотно. Появилась кукушка — и душа будто успокоилась в этом распускающемся душистом майском раю... Вот и груша зацвела. Гудят над ней, собирая пергу, трудолюбивые пчелы и грузные обаятельные шмели.

Но недаром говорится: «Май обманет — в лес уйдет!» На следующее утро вдруг дохнёт холодом, запляшет под колючим северным ветром ледяная крупа. Да только снежинки в мае не острые и твердые, как зимой, а нежные...

Снежная майская метель легка, посыпает уже распутившиеся фонарики гусяного лука, тугие стручки тюльпанов и нарциссов, уже облетевшую

черемуховую дробь... Не разобрать: где сорванные ветром белоснежные бутоны, а где снег. Не верится, что еще вчера тянула к свету свои голубоватые лепестки фиалка... Как это странно: и тепло пришло, и первая зелень леса покрыла холодные коричневые ветки, и волчье лыко вперед листьев выпустило розовый цвет, а на расцветающую землю сошел снежный сумрак. Май — особый месяц, он на многое горазд, и все-таки больше в нем радости, птичьих песен и ярких цветов.

Порой выходит вовсе запоздалая весна! То оттепель, то морозец, а иной раз налетит снежная заметь. Вроде бы снег и убавляется, но от частых заморозков обретает по утрам каменную твердость. Днем ледок плавится на солнце, отступает, ночью же ударяет такой холод, что схватывает на быстрине ручей.

В природе важен какой-то маленький невидимый поворот, без которого и вода освободилась ото льда, и земля покрылась травой, и деревья оделись листом, а услышишь ли назавтра первый зеленый шум — неизвестно... Бывает, с раннего утра задастся такой крепкий утренник, что, кажется, снежная корка выдержит лошадь с упряжью и телегой, затем стылый северняк насеет по дороге снежной крупы, разбросает ее повсюду, но уже к полудню что-то неуловимое повернет на тепло и, к всеобщему удивлению, из-за леса донесется легкий раскат отдаленного грома... Майский снег и нежен и колюч, и в этом сочетании уходящего мороза и надвигающейся живой поры он всегда нереален, как хоть и красивая, но пустая мечта.

Месяц май красен, но не потому, что на него приходятся известные праздники, а потому, что именно с него повелось говорить: «Весна красна, а лето отраднo!» Красная — значит, прекрасная, неповторимая, самая яркая и незабываемая, включающая в себя все цвета радуги в нежнейшем их исполнении. Лишь осенение ими совершается в эту чудотворную пору, и каждый день рождает еще небывалые оттенки.

Красный цвет — это неопиcуемая восторженность, в которой почти не остается места ласковой и тихой грусти. И только под вечер, когда на западе зажигается блистательная Венера, весенний свет всеобщего благотворения незаметно меркнет, так что трудно определить — недостижимость далекой звезды задевает твое растрепанное сердце или же весенние соки земли заполнили тебя до краев своим волшебным звучанием.

Окрашенный ускользающим за горизонт солнцем, первыми цветами и запахами, майский день неуловимым дуновением еще раз проносится над землей, перед тем как отдать на откуп безлунной майской ночи ее таинственные достижения, и неудержимо гаснет. Трепетна ниточка, связывающая ее с ослепительностью дневного жизнеутверждения. Она — неутомимое бдение крохотного долгоносика-бекаса, невидимой ночной бабочки, не желающей уставать и не перестающей восхищаться. Весна не в силах усыпить крохотное птичье сердце даже гулкой ночной порой.

Весной дни длинные, но май месяц спать не велит. Рассвет в мае бывает густ, тёпел и недвижим. Прокравшись изящной лесной кошкой в дом, он как

будто замирает, очарованный собой, и, вытянувшись, слегка повиливает кисточкой хвоста, развеивая сладкую дрему. В насторожившейся комнатной тишине уже ощущается будущность долгого дневного торжества, воплощенного в этой майской неге.

Сидя в майскую ночь у раскрытого в сад окна, все время кажется, будто кто-то находится рядом, слушает тишину дома и вот-вот заберется к тебе в комнату, но не напугает. Бывает, всю ночь напролет слышится в черемухе страстное посвистывание соловья, и становится вдруг так, будто бы повсюду рождается любовь. Апрель в предощущении этой любви смотрит на мир серо-зелеными глазами, тогда как март уже отсмотрел ее своей синью. Май же глядит на свет с восторженностью непрекращающихся птичьих песнопений: он — взор очей пленительных и проникновенных.

Сон в майскую ночь чуток и короток. Забываясь на какое-то время, ты уже до восхода луны оказываешься на ногах и, запинаясь в темноте, бредешь по невидимой ночной дороге к глухариному току, не силах удержать разошедшегося в груди сердца. Все богатство и сбивчивость предстоящих утренних ощущений начинается именно с его пылкого ритма.

Первый вальдшнеп неожиданно протянет где-то над верхушками елей и, утробно хоркнув, разбудит ненадолго задремавший лес. Всё как будто встрепенется в нем, приготовится встретить скорое утро, и словно станет легче дышать.

Посвежевший воздух приятно заохлодит кожу, глаза, и когда ты поднимешь лицо к светлеющему небу, увидишь, что звезды из ярко-желтых превращаются в зеленые, затем — в голубые, а после и совсем исчезают. Затухая, они оставляют после себя еле уловимое туманное свечение, на которое уже никто не обращает внимания. Майские утренние звезды ненавязчиво обескураживают мимолетностью утраченного таинства и неизвестно зачем утешают.

К середине месяца ночи уже такие светлые, что рисунок созвездий едва угадывается, да и сами звезды почти невидимы. Вскоре они совсем теряют свою яркость и загадочную глубину, но зато становятся ласковее и теплее. В природе настает удивительно прозрачное время...

Но прозрачность у мая, как и у майских звезд, добрая, ненавязчивая: очищенное весеннее пространство готово наполниться свежей зеленью и светом. Прозрачна зеленоватая глубина леса, которая, как нетронутый сосуд, радостно вмещает в себя девственный аромат. Прозрачен и настой воды в мочажинах, по окраинам раскисших дорог, где, как живые, угадываются прошлогодние тигровые листочки...

Скоро остановится в деревьях сокодвижение... Последние капли березового сока вяло шлепнутся о расцветающую землю, а порезы и трещинки коры, еще не обсохшие от мутновато-сахаристой жидкости, облепят муравьи и мошки. Насекомые не хотят упустить последнюю возможность полакомиться соком и устраивают между собой маленькую толкучку. Становится немножко грустно от того, что сокоистечение

заканчивается, весна подходит к своему концу, и ты, опустившись на корточки, с любовью разглядываешь озабоченных насекомых.

Только сейчас замечаешь, как преобразилось лесное пространство. При легком ветерке лес начинает шуметь ласково и навевает приятную дремоту. Даже одиноко стоящие деревья шумят по-разному, потому что молодая листва еще не устала радоваться приволью и свету.

В конце весны, после восторженного марта и загадочного апреля, я сам, наконец, становлюсь умиротворенным маем, что прилетает на землю неведомым и прекрасным юношей, готовым всех осчастливить. Каждого касается он своим невидимым крылом, и каждый чувствует его проникновенное присутствие и становится моложе. Только один месяц продолжается это чудесное перевоплощение, но его вполне достаточно, чтобы летом ты пресытился роскошным июлем, а осенью ощутил себя умудренным ноябрем. Пронизанный искрящимся светом, своевольный январь отзовется тогда в твоей душе сладостным предчувствием долгожданной юности мира...

...Весна слетает с земли так же быстро, как и приходит на нее. В начале мая она зацветает дружно, а в конце идет на убыль. Месяц май — легкая улыбка на губах, теплое дуновение и восторженная песня, колкая радость и тупая боль. Легким изгибом счастья взлетев к бездонным небесам, буква «М» однажды растворяется там в нежном поцелуе, чтобы заронить в сердце природы на весь последующий год не умирающую любовь.

ЛЕТО

Июнь В июне все выше и выше поднимается над землей солнце. От обилия тепла и света с каждым днем меняется облик природы, так что подчас не уследишь за всеми переменами, которые случаются в ней. Не надо быть тонким наблюдателем, чтобы видеть, как быстро бежит в эту пору время.

Еще вчера трава еле доходила тебе до лодыжек, а завтра она уже тянется под самое колено. Там, где совсем недавно желтела по берегам калужница, нынче уже густо поднялась осока. Золотые листочки лютика, матово отливающие слюдой, воспринимались бессменными, утвердившимися на все лето, но и они неожиданно свернулись в сухие паутинки, вскоре осыпались, а по соседству потянул к солнцу такие же ярко-желтые макушки молодой зверобой... Солнечное тепло неудержимо несет в окрестные леса долгожданные перемены, лишь под самое утро, на какое-то мгновение, оставляя землю в ароматном неподвижном полумраке.

Совсем коротки и удивительно хороши стали ночи, в меру прохладные и теплые, какие-то распахнутые, очень дорогие...

Поблекли над головой звезды, и даже в полночь с трудом можно разглядеть тусклые огоньки далеких неведомых миров. Настала пора необыкновенно светлых и в то же время будничных сумерек: слишком слаб в их глубине таинственный лесной шорох.

Лишь в густой чаще леса часа на полтора наступает густая темень, но и она будто ненастоящая. Июньские ночи живы, лесные обитатели замирают в них, кажется, лишь на минутку, чтобы с рассветом опять наполнять все июньское пространство неповторимой музыкой лета. Хорош июньский день, но чудесна и ночь, которая всегда со вздохом переживает свою краткость!

В июне рождаются легкие неуловимые тени, отражающие скрытые цветочные пятна. Пятна-блики, лежащие глубоко в лесу и переживающие никому не видимую молодость. Июнь обаятелен этой не показывающейся красотой, которая мучает и тревожит при видимом празднике утверждающейся жизни. Она одолевает душу своей приятнейшей неразрешимостью.

Разгоряченное июньским теплом сердце вынашивает несмелое желание пробраться в густоту лесных сумерек, чтобы сполна насладиться там своими неясными опасениями. Искушение быть опьяненным хвойным ароматом неодолимо. Притягивает неведомый лесной дух, частица которого живет в тебе самом: он поет песню без слов, бьет в ладоши, свищет, аукает, плачет невидимым зверем, и избавляет от охватившей было тебя душевной болезни. Имя ему — леший.

Неуловимой полуденной тенью таится он между деревьями, хохоча филином, перекидывается вдруг в затейливого мужика с котомкой или в волка. Пока не видно по лесам грибников, собирателей трав и ягодников, чары лешего почти не ощутимы. Редкого путника обойдет он, заставив плутать, нехотя нарушая свою глубоко запрятанную в лес одичалость. Только непредсказуемые зайцы, проигранные им другому лешему в карты и движимые его дьявольской силой, перебегают ошалело из колка в колок, теща своей доступной сказочностью и в то же время чем-то необъяснимым пугая.

В народе лешего представляли как немного, но голосистого мужика, без шапки, с зачесанными налево волосами. Кафтан у него запахивался налево, бровей и ресниц не было вовсе. Леший подходил греться к кострам, но при этом всегда прятал рожу. Уводил детей, проклятых отцом-матерью, а под осень начинал беситься: ломал деревья, гонял зверей и куда-то проваливался. Крестьяне в эту пору в лес не ходили, остерегаясь его бесоватого сглаза...

В начале лета жаркая лесная глушь еще не привлекает к себе людей, хотя и неотступно манит. Только к июлю лес наполнится запахами созревающих плодов и долгожданной грибной крепостью, затем как бы облегченно вздохнет и просветлеет. Трудно тогда будет удержаться и не побродить в его укромной прохладе, тая в сердце неведомую и сладкую печаль.

А пока июньские леса постепенно затихают, все меньше раздаются там птичьих песен. Неугомонная кукушка размеренно отсчитывает уходящие июньские деньки. Скоро наступит день летнего солнцестояния и пойдет светлое время на убыль, а лето — к своему разгару. Дышится легко и вольготно. Кажется, само солнце напоено ароматом цветущих трав...

Только зарянки да серые славки по-прежнему заливаются целый день, ночью вдруг тревожно заушает филин и на краю луга ненадолго заведет скрипучую песню дергач-коростель. Даже воробьи и те оставили свои шумные ссоры. Хлопот у пернатых по горло — подрастают птенцы...

У садовых горихвосток молодое поколение уже слетело с гнезда и поднялось на крыло. В разные стороны разлетаются по лесу и воронята, одними из первых появившиеся на свет: ведь свадьбы у их родителей начались еще в январе... На какой-нибудь глухой вырубке, к своему удивлению, вдруг вспугнешь выводок молоденьких, толком не оперившихся глухарят, о которых успел позабыть с окончанием весны, и от радости оторопеешь... Вот и дорогие сердцу копалухи уже принесли свое потомство, и значит — быть лесу с его древней глухариной тайной!

Самое яркое и любимое в июне — солнце, оно господствует своей силой над всей летней землей. Очень пылкое и трепетное, еще не успевшее к этому времени истратить себя, солнце восходит с начала дня на востоке и заходит под закрой на западе, ласково полуднует в высшей своей точке и меркнет, ненадолго застилаясь пронзительным летним мраком.

Солнце источает радостный янтарный сок повсюду, но в то же время ненавязчиво, исподволь, не допуская в своей ослепительной щедрости настырного всепроникновения. Это еще не мед, но уже сладость, великая роскошь ощущения вседозволенности, приходящего только однажды — в июне.

Солнце жарит золотисто и прозрачно, словно набрасывая на смуглые плечи природы волшебный шелк. Он воздушен, душист и прохладен, как тенистая речная вода, подернутая дыханием прибрежных трав. Свежесть июньского цветения не сгущает солнечной желтизны, что легкими прикосновениями к земле рассеивает радость и порождает новую цветоносную жизнь.

В народе его называли красным солнышком, кормильцем и благодетелем, крестьянской радостью и надеждой. Без него, как без милого, нельзя было прожить! Солнце любили, ждали его прихода, слагали о нем поговорки. И еще знали: оно всегда выглянет после ненастья, а светлое тепло его явит собой истину и благо.

Солнце высветлило речные воды, которые к тому времени вошли в свои берега, обрастая камышом и осокой. Спокойно несет река пенистую прохладу, распространяя вокруг себя приятную летнюю дрёму. Изредка всплеснет где-нибудь посередине течения хариус, пойдут от него бесшумные круги, и опять над водой воцарится покой.

В жизни природы настала новая пора, время речной прохлады и аромата солнечного света.

Жарко и душно в июне, и только близкое присутствие воды окрыляет. В июне как никогда ощущается ее плоть, которая представляется сейчас чем-то огромным, притягивающим к себе. В ней — прохладная тайна летней жизни, ее спасение и умиротворяющий покой. Птицы, насекомые, животные — все

стремятся насладиться ее близостью, и вода принимает каждого, размеренно и величественно живет, дышит.

Июнь — лучшее время для того, чтобы побывать в укромном подводном мире реки или озера. Солнечные лучи мягко пронизывают зеленую воду, маленькие блики от них, как рыбки, играют у самого дна, увлекают за собой. Запрокинув голову, сквозь водную толщу можно увидеть маленькое солнце, которое кажется небывало далеким, а голубое небо с облаками — просто недостижимым. Но вода так приятно обнимает твоё тело, ласково укачивает, что ты начинаешь думать только об июньской речной прохладе, уютных заводях с кувшинками и окуневыми травами, серебристых таинственных рыбешках... Летний мир воды удивительно обаятелен, и именно в конце июня — начале июля наступает в природе такой миг, когда граница воды и воздуха будто исчезает.

Желто-белый взгляд кувшинок в тихой заводии реки необыкновенно умиротворяет, завораживает. Не хочется срывать эту роскошную водяную чашу, а только плыть на лодке между чудесных цветов, дотрагиваться до них рукой, может быть, немножко приподнимать, любуясь на толстый влажный стебель. Мысленно сразу погружаешься на дно, где зелено, хорошо, ты будто оказываешься в своем мире, из которого не торопишься подниматься на поверхность. Сила воды удерживает тебя ненавязчиво, незаметно наполняя собой твоё тело.

С легким треском носятся над водой разноцветные стрекозы, иногда присаживаясь на выцветшие головы деревенских веснушчатых мальчишек, затаившихся с удочками на берегу. Стрекозы посидят, выставив свои перламутровые глазищи, и вновь упорхнут в разлившееся над землей июньское довольство. Их слюдяные крылышки всегда напряжены и в то же время необычайно воздушны. Кого не очаруют эти красавицы-непоседы!

Совершая свой стремительный полет, стрекозы восхищают предоставленной им свободой. И еще цветовой гаммой, переливающейся на солнце: голубое, зеленое, черное, лиловое, и вдруг — золотистость невидимых крылышек, чья паутинка так неожиданно крепка. Поражает и внимание этих безупречных воздухожителей, которое они оказывают человеку: присаживаясь рядом, стрекозы будто наблюдают за нами своими огромными глазами, и, удостоверившись в чем-то важном для себя, молниеносно улетают. Так природа постоянно вглядывается в человека, но это ее внимание необыкновенно приятно.

Нет хлеба, закрома в амбарах пусты, но зато радость природы, ее торжество вынуждают позабыть на время о житейских заботах. С каждым днем все больше цветов, все пышнее становятся травы. Над ними золотистым облаком роятся неугомонные пчелы. Ничто так не выражает роскошного летнего жара, как их настойчивое жужжание. Достигнув своей благодатной вершины, лето, будто благодарное им, сладко замерло, затуманившись золотисто-волшебной истомой.

Букет лета, не перевалившего еще через край, а только набирающего силу, тоже золотист. В нем более матового золота купавок, лютиков и головок ромашек, чем другого цвета. Вместе с ослепительностью солнца они празднуют свои мимолетные дни, покойно наслаждаясь разлившейся над землей золотистостью. Получается напиток необыкновенно радостного и терпкого цвета. Нет в нем ни жирных теней, ни тяжести янтарного аромата: только легкая головокружительность и томная прохлада.

Зной... В выцветшем небе ни единого облачка. И прожить этот день хочется так же полно, каким он представляется с самого утра.

Под окнами с громкими криками проносятся ласточки, и кажется, будто лето никогда не кончится. Изредка пробежит легкий ветерок, совсем незаметный, качнет верхушки колокольчиков, что-то прошепчет им и куда-то исчезнет. Колокольчики чуть-чуть кивнут ему в ответ и опять стоят, не шелохнувшись, а вокруг размеренно выются чопорные шмели и сосредоточенные пчелы, движется невидимой поступью роскошный июньский день...

Синева неба в июне тоже знойная... В нее бьют из сухой земли желтые фонтанчики сурепки, которые не иссякают. Одуванчики нескончаемым золотым полчищем противостоят небу, будто забирая часть его сини, и оно постепенно выцветает, становясь бледно-голубым, белесым.

Из-под бани лезет, расталкивая крапиву, желтый чистотел, и ему себя надо успеть показать. Вдоль изгороди возносится без устали лопух, топорщится мясистыми листьями, не по дням, а по часам отвоевывая свое пространство. Под стать ему — мышиный горошек: вроде бы поначалу неприметный, но без опоры обойтись не может и выбирает себе в качестве посоха любую былинку, безжалостно ее обвивая. И так, через растеньице это, бывает, как и лопух, выше всех других трав поднимается, не теряя свою силу до самой осени. Распутай его, разложи во всю длину на земле, а он на следующее утро синенькими соцветиями воспрянет: к этому горошек домашний скот приучил, который частенько сбивает растение на выпасе. Чего только не случается в благодатном, полном жизни июне!

Разрослась и окрепла по лугам и огородам любимая всеми ромашка. Еле покачивается на крепкой стрелочке желтое око в белых ресничках — глядит на мир открыто и удивленно. Сразу понятно, что ромашка солнцу радуется, каждое мгновение ловит его ласковые лучи и сама ему улыбается. Ромашка тоже излучает ароматный свет, всегда кого-нибудь обогащая. Нет краше и обаятельнее у нас такого солнцеподобного цветка, бескорыстно распространяющего вокруг доступную для всех благодать!

Луг с кузнечиками полон чарующих звуков. Воздух жарок, тягуч и ароматен: ненавязчивое стрекотание насекомых будто вязнет в нем, плавится, но не прекращается, становясь еще более вкрадчивым, утонченным. Воздух впитывает и кузнечиков, и пчел, и солнечную синеву... И когда ты медленно идешь по колено в траве, а потом на какое-то время замираешь, разведя руки, — приходит ощущение, что вот-вот поднимешься

над этим цветущим лугом и полетишь. Ослепительное золото целого летнего дня, кажется, так и не успевает сгореть, и остается в душе до следующего, еще более ослепительного восхищения разомлелой летней жизнью...

Сродни золотисто-желтому тону июньской поры лиловые султаны иван-чая и розоватая нежность лепестков колючего шиповника. Иван-чай тянется повсюду, залечивая былые раны земли, нанесенные ей человеком. Они так бесконечны и однообразны, что память о них природа украсила трогательно тянущимися к солнцу лиловыми соцветиями. Шиповник же дерзок, скрытен, но не в силах сдержать тонко исходящей от себя дурманящей тайны.

Золотистый жар, лиловая терпкость, изжелта-розовая трогательная недоговоренность... Все это — чудесные оттенки одного месяца, окрашивающего свое предутреннее небо лилово-огненными, неземными зарницами. Холодным золотом мерцают над землей страшные молнии, порождая, между тем, жизнь. Она ниспадает с неба тугими, сильными струями, и откровенная разверзнутость этих ночных, безудержных ливней зачаровывает.

Днем же всё происходит как-то обыденно. Сначала где-то за лесом глухо прокатятся первые раскаты грома, в жарком воздухе пронесется порыв ветра, и слабо зашумит листва на деревьях. Затем, словно сорвавшись с цепи, порыв повторится, прошумят первые капли дождя и хлынет поток воды. Но продолжается это недолго: туча незаметно уходит за горизонт, и снова с неба льются ласковые солнечные лучи.

После дождя еще ярче зеленеют леса и травы. Только царство июньской зелени не прельщает, его почти не замечаешь. Оно как сама собой разумеющаяся отрада, вольно распростершая повсюду свое барское тело.

Вот и большое облако, кажущееся зеленым, вяло проплывает над землей и душными волнами поднимается к солнцу, которое безоглядно жарит разомлевшую внизу жизнь. Не спеша передвигает июньский день свои палящие лучи, томительно тянется светлое время. После солнцестояния пойдет оно на убыль, а лето покатится к своему разгару. В пронизанных солнцем лесах, несмотря на жару, дышится легко и свободно, все напоено неторопливым созреванием.

По опушкам от запаха земляники и молодых веточек хвои кружится голова. Захочешь отведать горсть румяных ягод, опустишься перед ними на колени и, словно забывшись, незаметно собираешь, ощущая на губах запекшуюся на солнце сладость. Только бы не кончалась эта душистая лесная спелость, длился бесконечно удивительный июньский день.

В тени трав ягоды крупны и сочны, они похожи на маленькие рубины, ограненные невидимой рукой природы. Торопливо срываешь одну живую драгоценность за другой, а глаза ищут еще и еще! Словно яркие фонарики мелькают они повсюду, и в охватившем тебя опьянении не видишь, куда бредут ноги.

Ни с чем не сравнить суть знойного летнего торжества, в котором и себя забываешь, и его не хочется покидать: собирал бы землянику, ел полными

горстями, да запивал журчащей водой из ключа... Вода в ручье холодная, прозрачная, быстро утоляющая жажду, а сам он берет начало из замшелой влажной скалы, в тенистой прохладе высоких пихт и елей... Присядешь на какой-нибудь камень у самого ключа, время от времени зачерпываешь ладошкой хрустальную воду, слушая зачарованно, как она переливается, и усталости как не бывало. Пекло июньского полдня тогда только в радость, а обратная дорога не представляется обременительной: домой несешь полный кузовок самых ароматных лесных ягод!

А первые подосиновики?! Они появляются именно в июне, ближе к двадцатым числам. Когда ты натыкаешься в июньском лесу на огромный гриб с красной шляпкой, то поначалу недоумеваешь: откуда бы ему взяться?

К встрече с грибами ты, оказывается, еще не готов. И потому радость от находки в душе перебивает удивление. В июне эти первые грибы всегда растут поодиночке, а не общинкой, как в июле. Даже и не знаешь, срезать ли его? Стоишь перед грибом, задумавшись: ведь другого такого красавца может больше и не оказаться...

В лесу еще не сумрачно, листва не достигла предела в росте, и подосиновик будто светится изнутри, стоит в молодой траве бодрый, подтянутый. Солнечные блики, касаясь его шляпки, замирают на ней нежно-оранжевыми лепестками. Даже глаза прикроешь от удовольствия...

Радость грибника в июне — это еще и нежные маслята. Их нужно успеть застать вовремя, чтобы они не зачервивели от жары. Хорошо напасть ранним июньским утром, в соснячке, на молодые, только что выклюнувшиеся из земли грибочки, с матовой плёночкой на светло-коричневых шляпках, лимонной желтизной на изломе... Вот уж кто из грибного царства обожает дружную семейственность: пятаком оброненным масленок никогда не был!

Но можно в конце июня, в первый грибной слой, встретить и белый гриб, да не один! Тут уж тебя настигает не удивление, а тихий восторг. Как обычно, крепкий боровик выбирает себе место в мелких елочках, на краю покоса или лесной дорожки. Именно в июне, как это ни странно, белых грибов можно насобирать больше, чем в июле и даже в августе.

Никаких других грибов еще нет. Так, попадетса зеленая сыроежка, два-три хилых обабка, горсть ярко-желтых монеток-лисичек... И вдруг вдоль укромной тропинки в бурых опавших иглах обнаружишь полдюжины пузатых крепышей: белые выстроились затылок в затылок. Глазам своим поначалу не поверишь, присядешь на корточки и осторожно дотронешься пальцем до бархатистых шляпок: да — это белые, целых шесть штук! Аккуратно срезая красавцев боровичков, краем глаза улавливаешь, но еще боишься верить: там, в тенистой прохладе елок, тянет к солнцу свои шляпки, кажется, еще большее грибное воинство! Непредвиденное счастье, невыразимое наслаждение!

Что творится в твоей душе — не описать никакими словами! Белые лезут на глаза — маленькие, средние, уже успевшие превратиться в сказочные домики для мышки-норушки, — так и прут отовсюду. Идешь по

лесу, старенькая корзинка приятно тяжелеет, и думаешь только о грибах. Как хороша эта грибная радость, простое и великое таинство лесной чащи!..

Ну и, конечно, где-нибудь сыроежка выглядывает из мха. Хвойный сор уместился во впадинке ее шляпки: рыжие иголки сосны, пихты и ели, сухой осиновый листочек, слипшиеся от паутинки чешуйки, семечки, травинки. Вроде бы не резон яркой сыроежке маскироваться, как будто она боится в июне показать себя открыто, первой, но розовые, бордовые, синезеленые и оранжевые шляпки нет-нет, да и попадают под ногами, и ты невольно улыбнешься милым сыроежкам и пожелаешь лесу вечного здоровья...

Сладок и необъятен летний день, но вот бледнеют его краски, и с противоположного края небосвода кошащей поступью подкрадываются сумерки. Лес начинает казаться огромным и таинственным, заблудившимся в самом себе. Где-то там, в лесной чаще, затихает легкий ветерок, беспристрастно ухает филин, и сердцу отчего-то становится жарко.

Теплые июньские ночи душисты и нежны... Они ничего не обещают, а только томят сердце неизъяснимой тревогой, постепенно вызывая ожидание чего-то светлого. Так рождается новое июньское утро: из мудрости проникновенной ночи и летнего остановившегося дня, что успели ненавязчиво внушить всему миру: наслаждайтесь жизнью вдосталь! Выпейте эту чашу до дна, с пониманием всех тонкостей вкуса июня, иначе тихой осенней порой вам не постичь смысла убегающего времени...

Июль Июль — макушка лета. Незаметно, но оно перевалило свою самую радостную пору, а дни стали короче. Что-то ущербное появилось в природе, необъяснимая и чуть уловимая застылость, прокрадывающаяся под самое утро. Неживой холодок — провозвестник грядущих осенин, исчезающий с первыми лучами солнца.

Как будто меньше стало света, хотя так же ярко играет солнце, щедро льет свое всепроникающее тепло. Днем воздух накален зноем, и кажется, что он рождается из самой земли. Июльский жар неодолим, а разомлевшее время неслышно протекает где-то мимо, так что невозможно разобрать его потяжелевшую поступь.

Даже сильный ливень не в силах охладить раскалившийся воздух. Нескончаемые потоки воды вот-вот затопят травы, а только пройдут — опять жара. Спасти изнемогшую от зноя землю могут обложные дожди, ненавязчиво перетягивающие теперь на себя все внимание. Под их неощутимым бременем травы наливаются живым светло-зеленым соком, невидимо тяжелеют, и через день-два поднимаются совсем возмужавшими, густыми.

Приятно срезать такую траву косой и видеть, как покорно она ложится в плотные валки. Раздольно греют они свои светло-желтые бока на солнце, с удовольствием ожидая, когда их не спеша перетрясут и сгребут покучнее. В самом разгаре стоит пора сенокоса.

Над лугами разносится душистый жар сена, вот-вот быть ему смётанным в высокие стога. В них замрет спрятанное до весны лето, и только хищные птицы будут присаживаться отдохнуть в жаркие дни на их верхушку, цепко высматривая перебегающих в скошенной траве грызунов.

Самая пронзительная и радостная пора, начавшаяся в апреле, прекращается с приходом июля. Он как будто сбивает спесь разыгравшемуся чуду природы, и месяц за месяцем сменяющие друг друга краски сливаются в нем в сплошное буйство, между тем уже какое-то безжизненное. Ни густая желтизна зверобоя, ни дымчатая сирень душицы, ни лиловая нежность макушек кипрея не возбуждают так восприятие, как это происходило с появлением обыкновенных подснежников и сон-травы. Обилие цветов в июле порождает пресыщение ими, сладко околдовывает и оставляет в радостном неведении.

Но постепенно в разнотравье июля намечается некая утонченность. Обрушившееся на землю торжество красок не прекращается, оно даже еще более ширится, зато появилась еле уловимая уединенность каждого цветка, его уютная обособленность, хотя повсюду — ослепляющий цветовой праздник. Цветы готовятся к последнему летнему месяцу, когда можно будет в последний раз заявить о себе, чтобы их непременно увидели, и как будто копят силы.

Цветы июля — это и многочисленные бабочки, неутомимо порхающие над полянами и лугами. Перламутровый глаз и крапивницы, капустницы с боярышницами, лимонницы, сенницы, шашечницы и голубянки... И весь день на неощутимых, хрупких крылышках, выполняя невидимую работу. А мы думаем, что бабочки — только украшение лета, живые цветки природы, призванные ею к умиротворению. Глядя, как бабочка присаживается на солнцеподобную ромашку, я всегда думаю о скрытой силе природы, впитывающей и солнце, и бабочек, и небесную синеву. Июльская жизнь целесообразна и в большом, и в малом, и прелестные, никому не досаждающие бабочки чутко раскрывают это единство...

В солнечные июльские дни, заполненные золотом колосющейся ржи и цветов, все-таки еще не помышляешь о скорой осени, а переживаешь только зрелый жар июля и его царственное достоинство. Июльским утром, на приятном солнцепеке, никогда не вспомнишь и о пронизывающей метели или жгучих сугробах, и только наслаждаешься раздольем этой летней жизни, которая как будто остановилась в продвижении вперед и всю свою силу сосредоточила на росте вверх, к солнцу. Все радуется, тянется, становится стройным и красивым, подобно лиловым султанам кипрея, а ты и не подозреваешь, что и сам невероятно вырастаешь, обращая душой к солнечному свету, в сто крат отражающему ее тепло для всех живущих на земле. Ничто не приносит такого покоя и блаженства, как летнее солнце, особенно в июле!

На полях к этому времени поднимается овес. Предутренние туманы напоили его беловато-салатным светом, но не сделали при этом

возмужавшим. Он молод и свеж, и все, что предстоит ему пройти, еще не обременило его. Будто приподнимаясь на цыпочках за восходящим солнцем, овес тянется к своей нещадной зрелости.

По утрам июльские туманы вдыхают жизнь в бело-розовый цвет гречихи, распускающей дурманящие сладкие волны. С утра до вечера берут с нее взятки пчелы, наполняя соты терпким медом. Сдержанность гречихового царства, таинственность его доступной простоты притягивают, так что однажды вечером, влекомый каким-то неизъяснимым чувством, подойдешь к краю засеянного ею поля и подолгу стоишь, не в силах отвести взгляд от раскинувшегося повсюду душистого белоцветья, отливающего розовой сиренью. А то еще сорвешь одну из верхушек, разотрешь между ладонями и, осторожно понюхав, к удивлению своему убеждаешься: медовый запах струится откуда-то сверху, словно отраженный от часто бегущих по небу облаков.

В июле их становится заметно больше. Все чаще поднимаются они огромной белой стаей из-за горизонта и молчаливо проплывают над замершей в красках землей. Облака не торопятся, как будто умышленно зависая в манящем поднебесье, и, расположившись поудобнее, тихо наблюдают с недостижимого высока за происходящими внизу переменами. Лето — единственное время года, когда им не надо никуда спешить и, остановившись в синеве, они великодушно прикрывают землю от неугомонного солнца, бросая на нее воздушную тень и прохладу.

На дворе пусто, да на поле густо, — говорят про июль. Земля, обремененная множеством цветов, уже не в силах сдерживать в себе появления долгожданных даров. В природе чувствуется величавая зрелость.

Обычно болезненно переживаешь эту пору, когда в лесу полно людей по покосам, зверя и птицы не видно, да и грибы с ягодами еще только-только поспевают, но так захочется иной раз открыть свою душу лесной чаще, побродить по тенистым тропинкам и помечтать о благодатном августе, что отправишься июльским полднем в лес и, забывшись там, вдруг заболеешь этим околдовывающим царством таинственных теней, трав и цветов...

Июльский лес богат самыми таинственными растениями. Вот, например, вороний глаз... В эту пору он смотрит на тебя из чащи загадочным черным оком, в нем есть что-то завораживающее, будто неизведанные силы леса вглядываются в твою душу, все о ней уже зная, и внимательно провожают, ни на секунду не ослабляя своего внимания. В сути этого цветка, с четырьмя эллиптическими лепестками, сориентированными природой на четыре части света, угадывается небезызвестная роза ветров, какой ее изображали на старинных картах. Лесная роза ветров — зеленый компас для путника, по которому он может угадывать свою дорогу. Недаром и название растению выбрано древнее и таинственное: вороний, значит, мудро всматривающийся и все замечающий, а крупная черно-фиолетовая ягода посередине цветка — это именно глубина лесного знания, приоткрывающаяся только в июле.

В той же сумрачной июльской чаще уже заалели, будто отлакированные, плоды волчьего лыка. И опять загадочно-пугающее название — «волчье», относящееся к самому непредсказуемому зверю нашего леса, такому же сказочному, как и ворон. С осторожным восхищением разглядываешь аппетитные ягоды, но есть их опасаясь, подспудно угадывая ядовитую суть растения, которое, тем не менее, и лечит. Нужно только соблюсти меру, и волчье лыко явит себя как исцеляющее недуги лекарство. А «лыко» — потому, что в июле приходит пора сдирать с растения кору, которая и содержит лечебные соки. Привлекательные бусины ягод, наверное, охраняют своей мнимой красотой скрытую силу растения, отвлекая все внимание на себя, околдовывая.

К концу июля устанавливается такая раздольная, богатая пора, за которой уже не воспринимаются так восторженно известные всем полевые цветы, а маленький, затерявшийся в лесах куст волчьего лыка дарит человеку радость от притягательности красивых ягод, которые так и хочется сорвать в жаркий летний полдень. Сердце не покидает какое-то необыкновенное, переживаемое с детства знание, почти уверенность, что волки плетут из лыка кустарника сказочные корзинки, и ходят с ними по грибы и ягоды.

А на открытых местах все косогоры заплотил розовато-лиловый иван-чай, или кипрей, и вышло у него это как-то ненавязчиво, даже незаметно. Будто зорька молодая освещает склоны логов и оврагов, и свет ее необыкновенно трогателен и нежен. Имея пирамидальное строение, султаны иван-чая еще с июня робко нащупывают себе пространство в разнотравье, давая покрасоваться зверобою, ромашкам, василькам и золотарнику, а в июле уверенно берут свое, уже свободно возвышаясь над ними. Скромные, покойные и уверенные,— только они могут вернуть израненной пожарами земле силу, постепенно воссоздавая на ней первый корневой слой. И ведь корни кипрея тоже необыкновенны: в старину, в городах, корни высушивали, прожаривали и перемалывали на так называемый «кофе», но поскольку крестьянам не был знаком диковинный напиток, они прозвали настой из этого растения — «иван-чай», применимо к своему простому быту. Неприхотлив кипрей, вроде бы всем известен и доступен, а тоже несет в себе загадку...

В июле подступает и время высоких трав: вот где хорониться тайне! Растения-трубки, выше человеческого роста, с надежным перехватом коленчатых звеньев и постепенным сужением крестообразных мутовок устремленно тянутся в небо, к свету. Наиболее статный из них — дудник, что выметывает в стороны множество зонтиков, а те, в свою очередь,— еще, только меньшие, и вся эта могучая конструкция завершается почти шарообразными окончаниями с цветами. Но самое интересное совершается внизу, под листьями, и его нужно обязательно разглядеть, почувствовать. Все происходящее наверху — великолепно, и все же оно не завораживает так, как дышащая влагой сумрачная потаенность у самой земли, среди пахучих

корней и стеблей. Именно здесь прячется таинственное, чаще всего невидимое, лето.

Насытившись солнечным раздольем и красками июня, только в июле вдруг, к своему удивлению, обнаружишь, что сердце лета хранится в каком-нибудь тенистом уголке сада, где когда-то, весной, пощелкивали соловьи, а теперь сырое затишье и тайна. За чем-нибудь забредешь июльским утром в прелые заросли крапивы, что притаились в укромной тени, за баней, и неожиданно обнаружишь там совсем иную жизнь, которая никак себя не проявляет, и, бывает, пройдет все лето, а ты о ней и не узнаешь.

А в лесу в это привольное июльское время особую тайну хранит обычный муравейник, который работает круглосуточно. Воздух возле него всегда свежий, чуть ударяющий в ноздри бодрящей кислоткой. В разномлельный полдень, после дождя, на какой-нибудь старой валежине, неподалеку от муравейника, нередко можно увидеть крохотные беловатые яички... Это неутомимые мураши раскладывают их для просушки. Продолговатые и аппетитные, они оказываются желанной приманкой для многих птиц, но, тем не менее, муравьи не боятся вытаскивать их на ласковое тепло, обеспокоенно снуют вокруг и при малейшей опасности очень быстро прячут. Только что вся колода была усеяна нежно-молочными, лакомыми зернышками, а через какое-то мгновение уже ничего нет: и без того многочисленное семейство в первую очередь хлопчет о своем потомстве...

Словно утомившись от июльского обилия жизни, притихли и задумались леса. Их пышная зелень, долгое время не замечаемая, неожиданно стала более доступной и дорогой. Ее еще не коснулась августовская угрюмость.

Постепенно выправилась линия леса: она потеряла свою опрятность, присущую маю и июню, и стала выглядеть уже более дремучей и успокоенной, готовой мудро прожить еще один год до очередного внутреннего обновления.

Бесконечно синими, таинственными ступенями громоздится теперь лес на фоне рассветного и закатного неба и при этом молчит. Его потаенные мысли зацепились в лохматых верхушках и, наверное, думают по-зеленому, темно-синему, даже по-черному, пока листья деревьев не окрасились в золото и багрянец. Кажется, лес ничего не слышит, в отличие от поля, где живут желто-белый простор и всеохватная открытость. Тихим июльским утром вдруг понимаешь, что, родившись в чистом поле, умрешь в темном лесу.

Июль до предела насыщен видимой и невидимой жизнью, которая создает общее настроение удивительной радости и покоя. Это настроение с наслаждением вторит каждому шороху под ногами, птичьему возгласу, копошащимся вокруг запахам... Июль кружит голову неисчислимыми ароматами, что смешиваются в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно.

В лесу в это время поспевают малина и черника. Легко заплутать, с головой отдавшись их восторженному поиску. Забыв обо всем, собираешь желанные плоды, так что каждая ягодка представляется маленьким родничком твоего будущего здоровья, спрятанного в душистом варенье или в холодном молоке со свежим хлебом.

Аромат земляники, заполнивший собой весь лес еще с конца июня, не надоедает, и ароматней ее в июльском лесу могут быть только утренний воздух и жемчужная роса. Ягодный аромат душистыми волнами плывет над землей и незаметно тает. Не ощутив опьянения им, не познаешь сладости бытия.

Но наивысшая сладость ягоды не в лукошке, которое приносишь домой, а в том, что ешь ее в лесу, прямо с куста, может быть под слепым июльским дождем или в жаркий полдень, которые обещают вечное довольство и радость. Все свое волшебство любая ягода теряет в тот момент, когда ее срывают и выносят из леса.

Июльский лес чуть ли не повергает многообразием запахов и наваждений. Горячая на полдне хвоя ни с чем не сравнима... Мокрая душистость трав с рост человека, мягкая грибная прель, струящаяся от сыроватых выворотней под пологом старого леса, едко ударяющий в нос запах муравейников, коры, выцветших сосновых иголок, шелковистым ковром устилающих прогретую землю,— все эти ощущения непередаваемы и до конца непостижимы... Часто в июле ловишь себя на мысли, что, в отличие от июня, уже менее всего занимает цветущий луг с бабочками и стрекозами, а все больше — овражья темнота, потаенность логов и нетронутая хвойная глушь.

Уютно и тепло в июле: кажется, что все тебе доступно, а в лесу удивительным покоем веет от освещенных солнцем стволов сосен, среди которых удаляется вглубь леса человек... Их неподвижные, словно светящиеся изнутри розовые стволы будто останавливают время. Великое умиротворение снисходит тогда на июльскую землю и твою душу.

Только в июле окончательно принимаешь зеленые одежды лета, которые оно так таинственно и просто распахивает для всех, но ничего не обещает. Все, что сокрыто под зеленым июльским покровом, лишь помогает сбересть в душе завораживающую тягу к жизни.

Впрочем, серьезность подобных мыслей, наверное, не свойственна июлю. Его легкая задумчивость все-таки сменяется всеохватывающим стремлением жить, так что забываются подступившие было под утро грусть и растерянность. Сложность еще не созрела, и июль прост, он не таит в себе далекого будущего, а дорога, вьющаяся среди спелых полей, пока не манит вдаль.

Даль сама по себе тоже еще не притягательна, она скрыта обилием зелени, что стала повседневной. И когда это доходит до тебя, ты понимаешь: июль постепенно освобождается от своей разноцветной накипи, становясь лесной сказкой в нашем воображении, если мы хотим ее и готовы к ней.

Еще нездзревшее совершенство июля есть таинство его нераскрытой до конца летней жизни. И все же, когда долго смотришь на простирающееся повсюду зеленое июльское царство, не покидает чувство чего-то завершившегося, успокоенного.

Вот и птичьи голоса уже отзвенели в лесах... Только кукушка никак не может подавиться колосом, да изредка, под вечер, прокрипит у реки таинственный коростель.

Привалившись спиной к бревенчатой стене лесной избушки, молча сидишь и смотришь, как неторопливо умирает июльский день, и хочется отчего-то удержать, хотя бы ненадолго, эту затихающую жизнь, не дать так обреченно перетечь ей в благопристойность августовского плодородия.

Август Название этому месяцу дано в честь римского императора Юлия Цезаря Октавиана, которому титул «Август» был преподнесен сенатом и в переводе с латыни означал «возвеличенный богами».

Далекий от придворцовых распрей, восьмой месяц года сам по себе содержал в своем обустроенном лоне что-то благопристойное и досточтимое, порядком устоявшееся в достигнутом довольстве и благоденствии. Жизнь, казалось, остановилась в его спелых недрах — до такой степени она все лето была бурной и неуправляемой.

Август, говорят в народе, — чистая каторга, да после будет мятовка. Сначала август крушит, а потом тешит. С этого месяца начинался между людьми почет, величание и августейшее обращение к природе, что и на сей раз осенила она своей вседозволенной благодатью.

В темно-зеленой гуще деревьев и кустарников появились желтые пряди, постепенно затухает листва. Только в августе неожиданно замечаешь, как утомлен пронизанный светом лист...

Лето незаметно растворило в нем свою силу, чтобы он хотя бы раз взволновал кого-нибудь, прежде чем безжизненно опуститься на холодную землю.

Лес вокруг замирает в ожидании чего-то, он еще достаточно силен, хотя сила жизни быстро покидает его, и лес спешит отдать свои дары. Их богатство несколько смягчает расставание с уходящим летом, но грусть до конца не забывается, и вместе с пламенеющими гроздьями рябины время от времени обжигает твое не успевшее успокоиться восприятие.

Крепкий грибной дух приятно выводит из этого оцепенения и, переломив настроение, прибавляет в душе немного света. Пусть позже занимается в лесу рассвет и раньше смеркается, зато ты знаешь: все позабудет сердце днем, за отысканием скрытой от глаз грибной сытости. Не нужно тебе уже солнечного сияния, строже сгущаются над головой темные тучи, и ты невольно тешишь себя сладкой надеждой, что если будет дождичек — будут и грибки, а будут грибки — будет и кузовок.

Раздолье полей в хлебном месяце незаметно перетягивает на себя летнюю спелость, набирают зрелость колосья и ржаной цвет. Цвет

запекшегося солнца и хлеба как будто тихо говорит: колошусь, а мужик в ответ — не наглажусь!

Вовремя отколосившись, рожь отцвела, налилась. Подсохла и ее выгоревшая желтизна. С накопленным за лето вкусным жаром она вдруг обрушилась богатой страдой на землю, захватывая всех людей сплошь, а не по выбору. И тут уж не тужи, говорили в народе, а только мешок держи, потому как оказывался тот хорош, у кого родилась рожь.

В августе серпы греют, вода холодит. Мужику в этом месяце три заботы: и косить, и пахать, и сеять, а до раздольной прохлады совсем недосуг. Да и не нужна она ему, потому как, собирая и припасая, ощущает мужик дружеское присутствие отдохновенного августовского ветерка.

Но только выше ветра мужик в августе головы не носит, хотя и стоит крепко. За ветром в поле не угонишься и ведрами ветра не смеряешь, а спроси у ветра совета — получишь ли ответ? Одним словом, на ветер надеяться — без помола быть.

Но не зря отпущено ему августом в поле гулять, на себя одного надеяться, чувства вспылчивые утолять. Начиная новую жизнь в конце лета, ветер пока только как будто набирает полные легкие воздуха, беззлобно пробуя свои нерастраченные силы в преддверии осенней неустроенности. Августовские дуновения с невидимой старательностью зарождают какую-то светлую озабоченность, благодаря которой от хозяина в доме пахнет успокоенной свежестью ветра, а от хозяйки — дымом. В поле же, в упругих струях ветра вольно реют полевые хищники — канюки и луни, задиристо переворачиваясь и отдаваясь молодому воздушному потоку.

Бесконечными рыжими копнами помечает август свое неторопливое шествие. Солома словно затаивается в них: лежит тихо, хотя и открыто, предоставленная вольному ветру и солнцу. Солнцем и ветром пахнет отборное зерно, с которым пылят по высушенным за лето дорогам приседающие под его тяжестью грузовики. Дороги тоже приобрели цвет обмолоченной соломы и, раздобревшие, убегают в сокровенные дали, так что невозможно наглядеться им вслед.

С началом августа лето перешагнуло свой знойный возраст, и чуть было не угодило в объятия осени. Ведь на Илью, который приходится на первые августовские дни, в обед лето с осенью сходятся, ночь на два часа становится длиннее и вода холодна. Все тепло, накопленное за лето и утекающее куда-то с приходом осени, прячется в вырастающих по полям снопах, что легко проверить, засунув в их ломкую глубину руку: ее обожжет июньский жар, и от приятной неожиданности перевернется в груди сердце.

Глядя на неуклюже замершие соломенные копны, в душе рождается ощущение тихого праздника. Забравшись на похрустывающую пахучую перину, ложишься на спину и подолгу следишь, как в высоком выцветшем небе кружит одинокий ястреб. Кажется, ему нечего предпочесть своему отрешенному парению, и эта отторгнутость гордой птицы сначала повергает

в ошеломительную зависть, а потом незаметно окрыляет, унося вместе с ней в необозримую высь, все выше и выше, куда не залетают другие птицы.

Соломенная толща под лопатками становится вдруг невесомой, какая-то неведомая сила мягко приподнимает тебя над землей, и ты уже не отдаешь себе отчета в своих чувствах — все они сливаются во всепоглощающее переживание дикой свободы. Там, в бесцветной недосыгаемости, где теряется ощущение последнего летнего месяца, ты неожиданно открываешь для себя край ястребиной головокружительности, понимая: есть выше что-то более важное и мудрое, может быть, самое главное для отправляющегося в дальнюю дорогу человека, и все это можно осознать только однажды, на границе безвозвратно уходящего и неповторимого лета — в августе...

Ведь у августа всего в запасе: и дождь, и ветер, и вёдро, и холодные росы, но больше всего — тихой радости от предвкушения долгожданной надежды на встречу с погожей осенней успокоенностью, когда всему в природе наступает свой час, и время не торопится унести в бесконечность твои безответные мысли. Август мягко убаюкивает их, не обескураживая при этом мятущуюся в груди несгибаемую волю.

По утрам на лугах и в лесах высокая трава вмиг делает сырой одежду, холодит лицо и руки, но на душе приподнято и радостно. Пробивающееся сквозь туман солнце весело играет в капельках влаги, высвечивает самые потаенные в лесу уголки, где за лето накопилось что-то еле угадываемое, ото всех скрытое. Пряный аромат августовских трав ударяет в голову, так что даже начинает ломить затылок, но постепенно, все же, отпускает, так как внимание твое всегда захватывает нечто большее...

Весь лес усыпан листьями разных деревьев и цветов, в нем появились осенние краски и плоды, и хочется идти бесконечно по его тропинкам, открывая для себя бесценный мир природы. Ни о чем, кроме леса, не думаешь, а желаешь только испугивать рябчиков с тетеревами, различать в опавшей листве крепкие боровики и яркие сыроежки, спугивать на краю заросшей вырубке красавца лося, мерно сламывающего мягкими губами сладкие верхушечки кипрея... Хорошо в августовском лесу, как-то широко и вольготно, и если отправился туда, то знай, что не напрасно...

Но более всего в августовском лесу завораживает его тишина, как в театре перед началом действия. Кажется, что вот сейчас медленно раздвинется занавес — и все это туманное, цветочно-пряное, грибное и охотничье выплывет бесшумно тебе навстречу и околдует. И так оно и происходит, и ты вдруг начинаешь замечать, что твоя внутренняя жизнь незаметно приходит в полное соответствие с природой, когда все в ней как будто рождается в тебе самом. Причем, не нужно делать никаких усилий, только находиться среди всего этого долго, хотя бы день, и тогда ты откроешь для себя, что так можно общаться с лесным миром всегда, благодаря ему вызывая в себе огромную приподнятость и силу.

Еще в августе появляется какое-то особое зрение, когда безветрие длится и день, и другой, и третий, и дали у горизонта поутру очищаются до

предела. Смотришь — и все вокруг удивительно доступно, так что легко дотягиваешься до всего взглядом, которому ничто не мешает. Лишь только осинки изредка трепетно вздрагивают, отчего у кромки леса возникает легкое возбуждение неподвижного воздуха, но вскоре опять все утихает. Остальные деревья стоят спокойно, контуры их крон подчеркивают воцарившуюся в природе ясность.

Радостно поражает в августе это соседство подвижного, яркого, живого и в то же время сонного, осеннего, умиротворяющего. Чуткость и тишина, легкость устремлений и достижимость — суть августовских воздушных переливов, не теряющих связи с землей. Эта открывающаяся вседоступность, даже всевозможность, легко и естественно переживаема, от нее тебя охватывает удивительное спокойствие, удовлетворенность. Весь август, особенно по своему завершении, как окно из того, что уже не повторится, в загадочное будущее, влекущее своей прекрасной бесконечностью. Только рассветная дымка на короткое время уплотняет прозрачность августовского воздуха, напоминающего сейчас огромный серебряный сосуд.

Все лесные звуки в августе становятся выпуклыми, четкими, — им ничто не мешает, если день стоит тихий и солнечный. Вот подал голос воробьиный сычик, и очищенное за лето августовское пространство будто усиливает акустику воздуха, отчего кажется, что птица находится совсем рядом. А на самом деле до нее идти и идти. Зашумела от легкого ветерка береза, и шум ее ветвей отчетливо угадывается, хотя вокруг множество других деревьев подают свои признаки жизни, и если прислушаешься, то обязательно обнаружишь трепет осины, прибрежной ивы, мерное покачивание верхушек сосен. Даже шорох пробирающегося в траве рябчика доносится до тебя, и ты, конечно, замрешь в терпеливом ожидании, чтобы разглядеть его настороженную хохлатую головку. Августовские лесные звуки отчетливы, хорошо угадываемы, но при этом очень чутки и нежны.

В августе только днем на какое-то непродолжительное время кажется, что стоит лето, по утрам же, вечером и особенно ночами уже ощущается легкое дыхание осени. Если день выдается яркий, солнечный — становится хорошо заметной зелень, которой, оказывается, еще много и она хорошо сохранилась. Желтые краски увядания как бы отступают, в них еще не чувствуется осенней силы. Но стоит погоде испортиться и подуть ветру, как зелень тотчас меркнет, будто замыкается в себе, и лес покрывается изжелта-кремовой сединой, налетом из золотых листиков, которые сейчас уже представляются бесконечными.

И все же это приятное увядание. Душа воспринимает его легко, без напряжения. Так и деревья: они совсем, кажется, не страдают от того, что теряют листья, а наоборот — вроде бы даже приходят в себя после изрядно утомившей их жаркой поры и освобождаются от надоевшей им тяжести. Август очень хорош именно этим ненавязчивым сочетанием, когда и лето еще не ушло, и осень еще не наступила: они идут рука об руку.

Порой август начинается и заканчивается пасмурно: весь месяц плывут над отцветающей землей бесцветные облака. Холодные порывы ветра срывают лепестки цветов, хотя некоторые из них продолжают цвести в этом месяце, а то и в первой половине сентября. Сейчас, когда луговая волна уже схлынула, цветы становятся особо заметными, как бы желая напоследок покрасоваться. Один из них — мята...

Этот лиловый, чуть розоватый цветок очень прост по сравнению с другими, хотя славу имеет немалую. На тонком стебельке поочередно, друг над дружкой, нанизаны попарные листья и цветочные мутовки, и это малоприметное, но очень грациозное устремление цветка ввысь вызывает ощущение плавного взлета. Там, в окружающей августовской спелости, он так же незаметно черпает для себя и вбирает силу ветра, солнца, росы и дождей, и когда невольно сорвешь листочек мяты и в легкой задумчивости разжуешь его, то ощутишь заново всю пряность августовских запахов и дуновений. В запахе мяты — неисчерпаемость августовского плодородия.

Под самую осень зацветает и зубчатка, еще более скромное растение. Никто обычно не замечает ее худосочные серовато-коричневые стебельки и цветочки, будто прибитые пылью: зубчатка заселяет обочины лесных дорог. Где бы ни росла зубчатка, всегда кажется, что она грязновата, и оттого, наверное, никем не упоминается и не замечается, но стоит разглядеть этот цветок, даже опуститься на колени, собрав несколько стебельков, чтобы затем, встряхнув, поставить их в баночку на подоконник: зубчатка от такого внимания даже порозовеет.

Стручки иван-чая к этому времени лопнули, завернулись кудрявой ватной стружкой. И даже не верится, что совсем недавно его лиловые султаны, мягко прокалывая насыщенное жизнью августовское пространство, в то же время поддерживали его, даже несколько возвышали. Сейчас они разлетаются повсюду, цепляясь за еловые ветви, кусты, валежины, а те, что остались в полете, как маленькие паучки на паутинке, уносятся в августовские дали, над реками, озерами и полями. Попутчиками им будут бабочки-траурницы, отмечающие своими бархатисто-коричневыми крылышками с ярко-желтой каймой именно август, когда чаще всего встречаются; стрижи и ласточки, уже собирающиеся к югу; семена сосны, ели, лиственницы и липы, планирующие в воздухе с помощью специальных крылаток, в отличие от пушистых семян ивы, осины и тополя, что имеют длинные белые волоски, отчего легко и подхватываются ветром... Все они, будто чувствуя благоприятное для их распространения время, движутся навстречу своей будущей жизни.

Позднолетье... Многие цветы теряют свои лепестки, в непогоду их обивает дождик и срывает ветер, а вот лесная герань, хотя ее бледно-сиреневые цветочки и очень нежные, еще держится, но выглядит уже оробело. Воинственно, по-хозяйски, возвышаются по краям запыленных дорог только ярко-желтые корзиночки пижмы. Пижма, при благоприятной

погоде, может простоять и до середины сентября, даже в заморозки, но ее яркая желтизна какая-то холодная, совсем уже не летняя, будто неживая.

На лесных полянах, в местах естественных воронок или бугров, остались островки нескошенной травы: косари обошли их, опасаясь повредить косы. Островки эти выглядят растерянно, не понимая, зачем их оставили, и розовато-белые головки отцветающего тысячелистника слегка их оживляют.

Кое-где виднеются и поздние ромашки. Они уже редки, но всегда крупные и крепкие, и выглядят гораздо бодрее своих летних собратьев.

Зато все склоны холмов охвачены нежно-сиреневым дымом душицы, зацветающей именно в августе, ближе ко второй половине. Только поднеся сорванный кустик к лицу, улавливаешь его пряный аромат, который невозможно спутать с другой травой. Букетики душицы, развешанные на сеновале, украшают ограду дома, и вместе со зверобоем и мятой приятно кружат голову, ненавязчиво напоминая об уходящем лете.

Хорошо посидеть на вершине такого холма в окружении травяного августа и посмотреть сверху, как извивается лесная река в заросших ивняком и черемухой берегах, среди поднимающихся отав и скошенных полей. Луням прибавилось работы, и они беспрестанно парят над открытыми местами, время от времени бесшумно бросаясь вниз. Устав от бесконечности парения, этой околдовывающей вседозволенности, переводишь взгляд на южный склон холма, густо поросшего шиповником: ягоды его накалены до глянца жарким летним солнцем. Тут же тянет свои головки к солнцу золотой зверобой, и так при этом старается, что кажется, чуть ли не приподнимается на цыпочки... А над головой радушно тянет к тебе кудрявые ветви липа, которая уже отцвела, местами пожелтела, но по-прежнему источает повсюду слегка дурманящую мягкость...

Лесные тропы еще не застелены листом, они почти чистые. Редкие листья кружатся бабочками в августовском воздухе, как будто не хотят ложиться на землю. Осень только начала опалить их своим дыханием, и листья ярко вспыхивают, но покидают ветви деревьев неохотно.

Маленькие ёлочки лишь кое-где осыпаны золотыми березовыми кружочками, под ними алеют какие-то ненастоящие, очень яркие мухоморы, как фонарики, даже днем, неотступно притягивающие своим неведомым внутренним светом. Уже не раз виденные и хорошо известные, они, тем не менее, неизменно обращают на себя внимание, и ты опять подходишь к ним и любишься. Лоси — большие любители мухоморов в августовском и сентябрьском лесу, благодаря которым очищают свой организм, в то же время возбуждая в нем к осеннему гону бойцовский дух и силу.

С каждым днем все более ощущается приближение осени. К концу августа ночью становится совсем прохладно, отчего окна в доме мягко отпотевают, и когда под утро подойдешь посмотреть движения ночи или желая увидеть яркий месяц, то сквозь мутные стекла вдруг заметишь вспыхнувшие звезды Большой Медведицы, которые уже давно забылись.

Приятно открывать их перед осенью, вновь узнавая в звездах иную силу, уже не летнюю, исподволь готовящую тебя к чему-то другому.

Вечерами в августе уже приходится понемножку подтапливать печи, которые согревают каким-то особенным теплом: в нем еще чувствуется лето и уже веет осенью. Тепло мягко распространяется по всему дому, окна, как и под утро, запотевают, но лучи садящегося солнца незаметно стирают этот туманный налет, будто протирают стекла, и хорошо становится видна роса на траве, в лопухах, на листьях малины, что уже не блестит, как в середине лета, а лишь переливается изнутри. Нежное печное тепло коснулось, кажется, и капелек росы, которые от этого заиграли теплым матовым светом.

Вода в реках незаметно спала, и то, что в июле было сокрыто, сейчас оголено и сухо. Немного беспомощно выглядят прибрежные тростники, когда их подводная часть выступила наружу, и они от этого кажутся неустойчивыми, какими-то долговязыми и худыми. Сейчас среди этих стеблей бегают кулики-перевозчики, томно и с удовольствием попискивают, и трудно себе представить, что еще месяц назад здесь посверкивали золотыми боками лини и караси. Та роскошная пора куда-то безвозвратно минула, и ее, кажется, как ни старайся, уже не вернуть.

Не покидает ощущение, что вода в реке будто даже затвердела, напружинилась: в ней уже не чувствуется июльской все-доступности и довольства. От редкого всплеска рыбы прокатится по поверхности медленная рябь, но только еще более подчеркнет эту обнаружившуюся к августу затверделость. Всегда неудержимая, вода сейчас словно становится менее подвижной, и к ее упругости хочется прикасаться и рукой, и взглядом, для чего-то запоминая эту напружиненную холодную синеву.

Облака, отражаясь в воде, тоже приобретают холодный, светло-сиреневый цвет и будто отдаляются от земли. Серо-голубое небо становится загадочным, высоким, а маленькое облачко, которое еще совсем недавно вызывало легкую беззаботную улыбку, теперь превращается в маленький недостижимый мир. Если плывешь на лодке и взглянешь за борт, то отражающаяся в воде высота покажется и вовсе бездонной...

...Быстро отлетело лето, и осталась только замершая тишь. Легкокрылыми коршунами кружат в поднебесье отрадные дни. Небо и впрямь, точно бездонный водоем, выпрямилось и остекленело. Согретая же за лето душа стала наполненной, готовой к любовной теплоте перед долгой зимой.

Бывает, где-нибудь посреди января вдруг возникнет из полузабытого лета, кажущегося таким невероятно далеким, отрешенно-ласковое воспоминание, словно идешь ты сквозь августовский рассвет с перекосившейся от тяжести грибов корзиной в руках, и шаги умолкают в его затаенной тиши... Розовато-блеклый свет западает где-то за черным лесом, кругом не слышно ни звука, и воздух стоит настороженно-ровный, насыщенный ароматами... Лето незаметно уже перевалило за свою макушку и кажется каким-то остановившимся, заблудшим, но еще радостным.

Шаги мягко отдаются в замершей тишине, и ты со сладкой болью переживаешь возможность идти вот так по грибы. Об осени почему-то не помышляешь, а с замиранием сердца представляешь этот погожий день с выцветшим от солнца небом, усталостью и запашистыми темными ельниками, где из-под мха лезут сухими серовато-зелеными шляпками настырные грузди. Хочется не спеша опускаться перед ними на колени, вдыхать их терпкую пряность.

Дорога по-летнему упруга и легка. Вьется невидимой лентой посреди леса, кажется нескончаемой. И вот испуганно вспорхнет у самого ее края разбуженный тобой дрозд, пискнет что-то невнятно спросонья и тотчас забудется в своих птичьих сновидениях, а ты несешь в себе его неловкое пробуждение и чему-то неясно улыбаешься, будто это был маленький ребенок, от твоей неосторожности встрепенувшийся и тут же тебе это простивший.

Свет быстро прибывает, и дорога уже не кажется таинственной. Белой лентой выплывает она посреди разросшейся зелени, открывая любознательному человеку вполне обычные, но такие приятные неожиданности. Именно таким августовским утром жизнь ощущается повсюду: в неуловимых следах, чьих-то травянистых поползновениях и шорохах. Под каждым листочком кроется мир воплощения самого ценного для тебя, и ты вслушиваешься с замиранием духа, всматриваешься с надеждой и, конечно, ни о чем другом не помышляешь. Только три кряквы, с хрустом поднявшиеся в разросшихся камышах, выводят тебя из приятного оцепенения. Быстро удаляется их пронзающее слух беспокойство, и на душу опять ложится августовское умиротворение.

Какое-то время ты бредешь в неясных раздумьях, пока тропинка не выводит тебя к знакомой опушке. Где-то здесь, в укромной тени пахучего ельника и вольных берез, тянут к свету свои запеченные головки крепкие боровики. И вновь отрешенная радость охватывает твое сердце, и ты забываешь обо всем, и с онемелым восторгом наполняешь старенькую корзину... Благословенная августовская пора как бы замирает, чтобы человек не пропустил ее и прочувствовал до конца.

Вскоре грибная тяжесть становится ощутимой, и легкая усталость обволакивает твое тело. Пряный жар струится над разомлевшей землей, подпирает бледно-голубое небо, и ноги нетерпеливо несут тебя к роднику. Переступая замшелую колоду, вдруг заметишь юркую ящерицу с изумрудно-коричневой спинкой, и сразу что-то встрепенется в душе и по-особенному настроит ее. После родника ты уже никуда не спешишь: думаешь обо всем, что случилось за этот день и что когда-нибудь всплывет хмурой зимой и, может быть, обогреет твое заплутавшее сердце.

ОСЕНЬ

Сентябрь Еще держится на дворе тепляк — ушедшему лету вслед кланяется, еще не отпраздновал народ Осенины и начало молодого бабьего лета, а уже чувствуется предвестье ненастной погоды: даже август в своем конце смотрит сентябрем. Все чаще плывут по небу тонкие нити перистых облаков, невидимая рука один за другим обрывает с цветов последние лепестки, и батюшка юг наконец-то пустил ветер на готовый к уборке овес. Тихая августовская пора своими неброскими красками приготовила восприятие к ослепительности золотого сентябрьского дива, и душа не в силах воспротивиться ей.

Приход осени бывает почти незаметен. Однажды, посреди дня, неожиданно увидишь, что дали стали прозрачными и замершими, неяркое солнце вовсе исчезло с неба и в пожухлой листве, не прекращаясь, слабо шелестит ветер. Изредка скользят над водой юркие стрекозы, но воздух уже не тот — чуть свежей, в нем больше дышащей прохладой влаги. Каждый день в природе происходит какое-то еле уловимое изменение, которое не сразу для себя откроешь.

О чем же расскажет тебе этот быстротечный осенний месяц, когда золотистые пряди осины и липы опустятся до самой земли и вместо редко пролетающих листьев в воздухе вдруг закружат целые увядающие охапки?.. Может быть, о том, о чем печально перекликаются в высоком небе отлетающие на юг первые косяки журавлей и уток, уносящих с собой до лучшей поры нашу неугасимую надежду на осуществление втайне задуманного?.. Или о том, какие возможности откроют перед тобой лесные заветные тропы, где жизнь вдруг не переменится, а только озарит тебя своей дремучей разлапистостью и тайной?

Хороши только начавшиеся сентябрьские деньки, наполненные летней прелестью, когда роса в тени не просыхает до полудня, жара уже не допекает, и солнечные лучи ласкают деревья и опадающие с них листья. Воздух в лесу пронизан пряными ароматами созревающих грибов, мха и кореньев. К середине дня листва на открытых полянах постепенно нагревается, сворачивается и мягко шуршит под ногами. Грибы так и лезут из прогретой и увлажненной дождями земли, особенно кульбики, и их будто запеченные на солнце светло-коричневые головки легко перепутать с боровичками. Шляпки кульбиков закругленные, чуть влажноватые и очень аппетитные на вид, а когда наклоняешься над ними и срезаешь ножом их крепкие ножки, в нос ударяет такой сытный аромат, что голова начинает кружиться: сел бы на пенек и, посыпая аккуратный румяный грибок солью, ел бы его прямо сырым, без хлеба...

Душа радуется такому чудесному урожаю, который вырастил лес, и великодушно им всех одаривает. Подымайся пораньше, не обращай внимания на то, что за окном моросит дождик, это часто случается ранней осенью по утрам. Вскоре он, как правило, прекращается. Дома насидишься

зимой, теперь же успевай запасать впрок плоды осени и ее незабываемые картинки: как курится сизый туман над замершей рекой, вертится на невидимой паутинке золотой березовый листок, дремлют по обочинам притихших дорог и опушкам последние цветы, а в низком небе, над убраным жнивьем, неспешно протянулась дружной вереницей стая журавлей...

Ничто не обременяет грибника в его общении с природой, в поиске желанных плодов. Поднявшись еще до рассвета, бери легкую старенькую корзину и шагай по непыльной дороге в таинственный лес. Темная сентябрьская ночь приятно окутывает тебя своей теплотой...

Сердце мягко ударяется в такт шагам, и ты лелеешь надежду, что первым окажешься в заветном лесном уголке. Звезды на небе меркнут, чуть заметно светает, и, спускаясь в низинку, лицо и руки пронизывает пахучий холодок. Кулик-черныш встревоженно срывается с придорожной лужи, запоздало вскрикивает где-то впереди, и опять все стихает. На душе так хорошо, свободно, и ты даже забываешь, что идешь за грибами.

Азарт охватывает, когда вступаешь под полог неведомой чащи: чем одарит она тебя сегодня? Непередаваемое удовольствие — бродить в сентябре по лесным тропинкам и слушать таинственный лепет еще не осыпавшейся до конца листвы. Летом березняки с осинниками такого трепета в душе не вызывали, они попросту оставались незаметными в общей зеленой массе леса, и только теперь, когда пришел волшебник сентябрь, перед своим угасанием, будто ожили и вспыхнули оранжевым, бордовым и лимонным жаром. Идешь, а березки с осинками словно играют с тобой, то и дело перебегают дорожку, прячутся, хохочут... Все это сентябрьское милое оживление вызывает улыбку, если лежала на сердце печаль — она проходит, и ты не замечаешь, как вышел на светлую полянку, всю усыпанную осенними ароматными рыжиками...

Рыжики ловко прячутся в росистой траве, к ним нужно приноровиться, чтобы научиться различать зеленовато-серые хрупкие головки. Посмотришь с одной стороны — вроде бы ничего нет, так, пожухлая трава вперемежку с островками сохранившейся зелени, но вот, взглянешь сверху, и откроется россыпь рыжеватых, будто подернутых временем монеток: ватага рыжиков притаилась под елочками. Поначалу даже растеряешься — с какого боку начинать, а солнышко робко подымается над березками, лучи его мягко переливаются, играют в росистой траве... На таких полянках, среди мелких елочек и берез, самые грибные места!

Ночная свежесть еще не отступила, и срезанные грибы нежно издают ее аромат. Они впитали ее в себя вместе с душистым туманом, росистой влагой, терпкостью перегнивших кореньев. Что может быть радостней для грибника, чем целое семейство крепких осенних рыжиков! Осторожно перекинув корзину на руку, ты, в восхищении от своей находки, медленно идешь вдоль укромной опушки и еще более пристально вглядываешься в опавшую листву.

Грибы-листопадники украшают осенний лес, и его угрюмая глубина в эту пору оживляется, становясь радостной и доступной. Сырые сентябрьские туманы только добавляют аромата грибам, таинственная тень превращает их в нечто сказочное. Да и как не поразиться ядренному, крепкому грибу с бронзовой шляпкой, будто ожидавшему тебя под разлапистой еловой веткой, когда ты осторожно срезаешь ярко-белую плотную ножку и, любуясь, держишь какое-то время в руках, ощущая его прохладную приятную тяжесть. Боровик, кажется, только доволен такой судьбой и удовлетворенно замирает рядом с другими грибами на дне корзины.

Обнаружив такого красавца, забываешь и про лисички, и про рыжики, и про волнушки... Но все равно у всех на слуху в сентябре нежное слово «опята» — украшение бабьего лета, когда убраны в огороде картофель, морковь и свекла, стоят на удивление солнечные, сухие деньки, и сам Бог велит, захватив корзину, отправляться поскорее в притихший лес. Напряженно ищешь глазами старую березу или замшелый пенек, к которым дружную гурьбой сбегаются опенки. Кто половчей — успели вскарабкаться наверх, поотставшие — с не меньшим удовольствием располагаются вокруг, есть и такие, что облепили выходящие на поверхность корни, прибоченились, чуть задрали набок шляпки и, переведя дух, притихли. Куда как веселей держаться дружной компанией все бабье лето, и даже пенек тогда будто оживает и приободряется.

Пни — любимое место обитания опят. Корни грибов уходят в них на несколько метров, и размолотые — они очень полезны. Крестьяне раньше их выкапывали и использовали в качестве «хлеба», поскольку они питательнее простокваши и многих овощей. Диву порой даешься в осеннем лесу — всё кругом в опятах: и пни, и мелкий хворост, и земля. Однажды мне повстречалась старая береза, которая чуть ли не наполовину в высоту была облеплена этим светло-коричневым скопищем: опята, несомненно, стремятся к своему первенству в лесу, их больше, чем всех других грибов.

В корзину грибника осенью попадают и грузди: белые и черные. И те и другие растут обычно гнездами в березах и елках, чаще всего — по опушкам. Именно к сентябрю дружными семейками появляются в лесу эти грибы, всем своим видом обращая на себя внимание и будто норовя побыстрее угодить в кузовок. Только поэтому, наверное, грибы растут не по дням, по часам, напористо, даже настырно, подымая на воронкообразных шляпках охапки перегнившего листа.

Хорошо застать такое семейство еще не разросшимся, плотненьким, когда грибы не успели зачервиветь и сохранили белоснежно-яркий цвет. Приятно вдыхать их тонкий, не похожий на другие грибы аромат, представляя грузди уже в засоле, в дубовой бочке с вересковыми веточками и клюквой... Что может быть вкуснее такого сытного груздя зимой, когда поддеваешь его на вилочку, как приправу к рассыпчатой душистой картофелине, и вспоминается сразу примолкший сентябрьский лес, пряные

запахи трав, коры и хвои и узкая тропочка в березняке, которая вывела тебя к грибам.

Грибные маршруты сентября неспешны, незабываемы, полны неожиданных встреч и загадок, которые так же неспешно можно разгадывать, размышляя о неповторимости русской природы. Сентябрь, как никакой другой месяц, приглашает заглянуть в свое плодородное лоно, завораживает красками и одурманивает запахами. Нет более величественной и тихой поры, которая бы так ненавязчиво навевала воспоминания о лете, но и умиляла вкрадчивостью убывающих осенних дней... Сентябрь хорош именно необыкновенным сочетанием увядания и новизны, отсутствием жара и нежной теплоты солнца. Он полон ласковой свежести непрошеного осеннего холодка, когда лес дарит последние, но, наверное, самые вкусные и изящные грибы.

В листве появляется необыкновенная легкость, и, несмотря на то, что листва обильно опадает, в ней много трепета и ликования! Летит лист, переливается лимонным, багряным и пурпурным светом, и кажется, никогда не прекратится. В кружеве листопадной метели деревья будто воспаряют, прощально машут ветвями и уносятся вслед за листвой в бескрайние осенние дали.

Вся эта лиственная круговерть приходится именно на вторую половину сентября, тогда как в октябре последний лист опадает медленно и задумчиво, покорно подчиняясь своей неминуемой судьбе. Этому способствуют безветрие и тишь, которые устанавливаются в природе, и лист падает не по прямой, а словно по невидимым ступенькам, пританцовывая то вправо, то влево. В оголенных угольно-черных ветвях — потерянность и пустота, опавшая листва тоже быстро чернеет и все вокруг становится пугающе четким. Эху не за что удержаться в сквозном лесу, и оно быстро и далеко улетает. В природе наступило время ясного видения, когда воздух предельно чист и прозрачен.

А еще у каждого дерева свой листопад... У ольхи лист долгое время сохраняется зеленым, потом быстро сереет, жухнет и опадает тяжело, немзыкально, почти не производя шума. Только закрученный морозцем, он издает сухой шорох. Золотой переливчатый шум рождает мягкий лист осины — будто песок пересыпают, а жесткий черемуховый лист и звук производит сдержанный, даже суровый. Береза роняет лист весело, со звоном, у липы это происходит заунывно, со всхлипываньем... Каждому дереву сентябрь предоставляет свое звуковое пространство, радостно повергая своим многоголосьем.

Даже в опавшем листе совершается череда цветowych перемен: сегодня он — золотой, полный осеннего солнца и света, завтра — оранжевый, с мелким крапом, потом — ржаво-коричневый, в муаровых разводах, еще дальше — фиолетово-лиловый и, наконец, — пепельно-черный... В сентябре и вверху и внизу лес ежедневно меняет освещение, будто торопясь в полной мере насладиться своими ограниченными возможностями. И все-таки всегда

находится тот самый последний листок, что радостно вспыхивает на фоне сырых облетевших стволов, будто затерявшийся среди них солнечный лучик. Хорошо, если ты оказался в эту пору в лесу и успел отметить для себя его прощальную улыбку.

Скоро черной стеной замрет обнаженный лес, сохраняя охапки золотистых листиков лишь на самых макушках деревьев, да и то не в каждую осень. Одиноко выглядят эти трепещущие верхушки и вызывают противоречивые чувства. Но выпадает первый снег, и они тоже опадают, а ты забываешь о золотом сентябре, потому как мрачную отрешенность сентябрьского леса сменяет чистая пороша октября...

Но пока на дворе сентябрь и еще никто не принимает осени всерьез. Чаще дождей показывается на небе солнце, высвечивая зелень, которая вроде бы уже померкла, а леса румянятся неспешно, почти незаметно, пока не ударили крепкие заморозки. Иногда, особенно в послеобеденную разомлелую пору, лесные дали опоясывает чистая радуга, красуется недолго на небе и незаметно исчезает. Межа лета и осени никак не определится, и легкие сумерки ненастья быстро сменяет акварель нежных красок. И только ночи все более удлиняются и затаиваются.

В задумчивую и милую сердцу пору первых сентябрьских дней еще появляются местами анютины глазки, колокольчики и ромашки, а шиповник словно забывается, сбитый с толку погожей погодой, и вновь, как в начале лета, распускает свои пунцовые бутоны. На взмокшей от росы отаве — диво дивное! — поднимаются цветущие купальницы... Сухостойные же васильки, не мигая, вглядываются в открывшиеся над полями дали и по-прежнему вызывают улыбку: они еще бодры, брызжут в нахохлившемся, колком жнивье мягкими лазоревыми огоньками...

Всюду разносится пряный аромат полыни, которая сейчас будто обретает второе дыхание. Чуть ли не до морозов тянет вдоль дорог свои бордовые головки хладостойкий татарник-чертополох. По склонам логов еще раз зацвел лилово-розовый вереск. Все эти растения крепко впитали в себя краски лета и словно не желают их лишаться.

Иногда условия погоды нарушают привычный цикл развития. В одном случае повторное цветение вызывается холодом весной или в начале лета, когда часть почек не получает достаточно тепла, света и влаги, запаздывая в своем росте на очень большой срок. В другом случае, наоборот, погода выдается настолько благоприятной, что растение, после кратковременного перерыва, вновь начинает цвести и даже плодоносить.

А поутру на траве искрится серебряный иней. Не зря сентябрь в народе прозвали «вересень» — месяц первого инея. Но всходит солнце — и матовые росинки неприметно тают под его несмелыми лучами, стирая последние следы ночи. И сразу начинает пахнуть летом, еще попадаются цветы, грибы и в прочищенном ночным холодком воздухе витают запоздавшие ласточки. Память о лете никак не может оставить тебя в сентябре.

Все в сентябре тронуты ожиданием: листья уже полны желтизны, они готовы оторваться и полететь, таинственные барсуки набивают норы мягким опадом осин и берез, последние птичьи стаи вот-вот тронутся в дальние края на зимовье, сохатые пробуют свои силы в первых схватках за самок — скоро начнется у них осенний гон... Лоси сойдутся молчаливо на какой-нибудь укромной лесной поляне, глухо ударятся рогами и, сцепившись, закружатся в непримиримом поединке. Только очень пытливому и неутомимому охотнику удастся хотя бы раз в жизни подглядеть подобную лесную сцену или хотя бы услышать загадочные звуки сражения двух великолепных животных.

Сентябрь — время необычного оживления и у некоторых птиц... По какой-то, заведенной только среди скворцов традиции птицы неизменно слетаются в сентябре к родным скворечникам. Слетаются целыми семьями, дружно перекликаются и затевают под утро спевки, будто прощаются так с родными местами. Если выдалось солнечное утро с чистым небом, то, заслышав песню скворцов поутру, можно подумать, что пришла весна, если не смотреть по сторонам, а только вверх, на скворечник, вдруг оживший после летнего молчания. Скворцы будто и не хотят улетать, возбуждены до предела после проведенного в спокойствии лета — настоящий осенний фестиваль!

Глухари с тетеревами тоже повторяют в сентябре весенний календарь возбужденного бормотания и песнопений. Только без азарта, как-то бесстрастно, будто вспоминая весну, но понимая при этом, что сейчас уже осень — не до песен.

И все же птицы дружно слетаются к вечеру на высокие осины, когда лист еще не пожух, но уже прихвачен утренниками, отчего становится для глухарей необыкновенно сладок. Птицы размещаются в верхушках незаметно, будто их там и нет, и если даже подходишь к деревьям вплотную, то глухари не срываются молниеносно, а выдерживают паузу, будто вглядываясь в происходящее внизу, и продолжают осторожно лакомиться... Им совсем не хочется покидать давно облюбованное место, и они только на короткое время притихают и вскоре вновь начинают кормиться...

В тихие пасмурные дни глухарям не резон покидать осины, и они остаются на них до самого утра, когда можно будет переместиться на жнивье. Если тебе повезло, и ты застал глухарей на осинах с вечера, обязательно нужно попробовать подойти к ним осторожно с утра. Вдруг они запоют?

Вся обстановка в природе вроде бы не располагает к такому действию, да ты и сам несколько смущен происходящим: давно слышал, что глухари устраивают под осень токовища, но самому еще никогда не приходилось этого видеть. Так же, как и весной, вечеруешь в избушке и думаешь о том, как будешь подходить к спящим птицам: с какой стороны, к каким именно осинам и когда? Весной покидаешь ночевку уже в час ночи, чтобы быть на току в два, не позже, но сейчас сентябрь, глухари не так активны, и потому

выходишь из избушки в три часа... Когда-то еще забрезжит размеренный сентябрьский рассвет!..

Ничто не напоминает осенней ночью о весне, лишь мысли о глухарях, как и весной, радостны, приподняты. Неужели птицы будут токовать точно так же азартно и на их возбужденный зов прилетят глухарки? Впрочем, копалухи еще с вечера сидят рядом с петухами, только не надоедают им, держатся чуть поодаль, и что примечательно — совершенно неразличимы в листве. Они очень ловко прижимаются к ветвям деревьев, почти сливаются с ними, и сколько ни всматривайся — ничего не заметишь. Но стоит птицу вспугнуть, она тотчас обретает свои истинные формы, и ты поражаешься тому, как изощренно маскирует себя природа!

Только подойдя к поляне, окруженной осинами, замечаешь ярко-желтую полную луну. Она не зря выплыла на ночное сентябрьское небо. Все вокруг таинственно освещено ее светом, и начинает казаться, что этот свет может разбудить глухарей. Но чутко спят птицы, не так настороженно, как весной, а ты вслушиваешься в осеннюю тишину и ничего не различаешь. Это, конечно, не весна, и тебе становится странно, что ты стоишь сейчас один под осенней луной и даже не уверен, что глухари спят где-то рядом, в осиновой листве. Может быть, они действительно скоро запоют?

Все твоё внимание приковано к этой ночи, к таинственной луне, излучающей сказочный свет, к спящим глухарям, и ты вдруг вспоминаешь про незадачливого косача, которого застал позавчера днем, открыто токующим на одинокой березе посреди небольшой полянки. Так все это происходило непринужденно, спокойно, что тебе даже не пришлось подкрадываться к птице. Шел лесной дорогой, наткнулся на бормочущего тетерева и сразу расслабился: как все замечательное оказывается просто!..

А тетерев вроде бы даже и не замечал меня, хотя я остановился прямо напротив, то и дело раздувался, как груша, и потешно топтался на одном месте. И с глухарями, и с тетеревом я не чувствовал себя каким-то выдуманном лесным зверем, которому доступно все это видеть и слышать, а был человеком, не равнодушным к окружающему миру, способным все это для себя открыть.

Глухари же все-таки запели... Вернее, зацелкали, надолго замолкая. Я все ждал, что птицы вот-вот оживятся, но они многозначительно хранили молчание, лишь изредка нарушая осеннюю тишину еле слышным кхерканьем. Осторожно обозначив себя в эту сентябрьскую ночь, глухари, похоже, не переживали истинного возбуждения, и я подумал: неужели глухари пропоют впустую, ничего от своей поздней страсти не получив? И все же приятно было присутствовать рядом с птицами, вслушиваться в сентябрьскую ночную тишину, следить за ярко-желтой луной и желать, чтобы глухариный род длился вечно.

Всё, что бы ни принесла с собой русская осень, — чудесно! И осенний иней, появляющийся к сухой солнечной погоде, и все чаще встречающиеся стайки пернатых, готовящихся к отлету, и неторопливые предутренние

сумерки, когда, до конца не избавившись от глубоких и сладких сновидений, ты, то и дело оскальзываясь, бредешь среди темных деревенских дворов и не желаешь себе иной дороги. Даже бесчисленные дожди, слившиеся в единый всепоглощающий поток, кажутся ненадоедливыми, если осень пришла к тебе закономерным постижением после честно встреченной весны и с пользой проведенного лета.

Стоят необычайные сентябрьские дни, в какие замираешь от восторга, а что-то еще более щемящее сжимает втайне твое сердце, и не можешь долго определить, что именно. Перебивая сладкие устремления души, думаешь: отчего Создателю угодно играть тобой, повергая нежностью небесных красок и земных цветов? Не оттого ли, что прекрасные картины осени похожи на далекую сказку детства — увлекательную, таинственную и до конца непостижимую?

Хотя бы раз почувствовав, как все увиденное для тебя важно, ты поймешь: разгадывать переживаемое ни к чему, и надо только не потерять способности наслаждаться этим чудесным состоянием неземного покоя, который дарит незаметно сентябрь. Сентябрь — месяц переменчивый и капризный. Неслышно подошел год к своему увяданию, а сентябрь уже торопливо рассыпает повсюду багрянец и золото, оживляя его яркими одеждами. Строптивности самому быстрому месяцу занимать не приходится, потому, как хочет сентябрь людей в открывшемся им напоследок восхищении закружить, одурманить и тут же охладить, завесив бесприютные сквозные дали скучной пеленой туманов и дождей.

Впору строптивому сентябрю крутящийся на ветру желтый осиновый листок... Упрямо не отрывается он от ветки, вот-вот отлетит, но чего-то ему не хватает: ветра отчаянного, безумства глухой непогоды, а может быть, еще немножечко солнца... Только когда изойдет из него сопротивляющаяся жизнь, никому не нужный листок оборвется. И уже не высветит его лимонные бока осеннее солнце, не играть ему радостно на последнем свете, а безропотно лежать между корней деревьев, источая крепкую ароматную пряность. Так, простираясь вдаль нескончаемыми желтыми тропами, мостит сентябрь свое невеселое, но неминуемое будущее. Природа в сентябре ничем не беспокоит утоленную за лето впечатлениями душу и ничего уже, кажется, не обещает.

В сентябре одна ягода, и та — горькая рябина. В начале месяца ее срывают и кистями развешивают под крышу, чтобы на тревожащем сердце ветерке достаточно прозябла она, провеваясь, сахару набралась.

В народе всегда примечали: если в лесу рябины мало — осень будет сухая, много — дождливая, и, зная это, люди часть ягод предусмотрительно оставляли на кустах дроздам, снегирям и прочей птичьей братии. Яркость упругих гроздьев тиха, и даже обилие рябины в лесу не приносит ожидаемого света.

Но вот неожиданно выскальзывает из-за облаков солнце и оживляет все то, что представлялось до него невзрачным. Неприметно дрожали увядающей

лиственной понурившиеся деревья, бесцельно мятущийся ветер с заунывной обреченностью что-то искал в их осыпающихся верхушках, блеклое небо с угрюмой обыденностью навалилось на землю... И вдруг все переменялось, засверкало! Правда, в сентябрьском солнце уже нет пыла и жара, есть только видимость силы, но тем не менее она очень приятна.

Знаешь, как недолговечно сентябрьское озарение и что, возможно, через какое-нибудь мгновение оно сникнет, но забываешь о грядущей непогоде и радуешься приоткрывшейся возможности, позабыв обо всем, восхищаться. То, что может еще раз возродиться и поразить, кажется в такие моменты неуязвимым.

Сентябрь своим разноцветным угасанием на миг радости всем прибавил, и все же красный, желтый и бордовый цвета, несмотря на свою красу, скорее вызывают грусть. Они только временный тон, а настоящий цвет осени — это шорох дождя и пахнувший увядающей травой день, который хоть и пасмурный, невзрачный, но дорогой.

Леса, вспыхивая ослепительным пламенем, как будто жаждут горячей смерти на безудержном пиру, и осень, хладнокровно взирая на происходящее, озаряет их своим нерукотворным светом. Свет, тени и мрак как никогда смыкаются в сентябре над терпеливой землей, и сентябрь представляется каким-то безродным, несмотря на скрытую благодать. Однако первый осенний месяц готов отдать людям то, на что способен только он: напоследок, перед долгой зимой и ненастьем, сентябрь дарит маленькое чудо бабьего лета, с белым солнцем и ярким светом, с торжеством чего-то диковинного и такого краткого. Успеть застать это лето, полно прожив его, не обязательно, но очень важно, если оно коснулось тебя своим теплым крылом.

Когда в воздухе появлялись белые нити, которыми боги словно священной паутиной опутывали всю землю, семена выплывали из колосьев, ласточки ложились вереницами в озера и ужи выходили на берег за три версты, наступал бабий праздник, а вместе с ним и бабьи работы. С началом посиделок в избе обзаводились новым огнем, иногда добытым из дерева, хоронили мух и тараканов. Считалось счастливым предзнаменованием, если в эти дни состоится новоселье.

В народе день начала бабьего лета был ознаменован приходом Семена-летопроводца, который, лето провожая и осень встречая, нетерпеливое ожидание охотников прекращал, отправляя их в первое отъезжее поле. После уборки урожая мужчинам также впору было подумать и о своих детях, нуждающихся в твердой опеке: в деревнях повсеместно совершались постриги — сажанье на коня отроков, которым минуло три года.

И в поле, и в избу сентябрь приносил только праздник, и как бы краток он ни казался, радости этой до конца невозможно было отмерить.

Переживая в себе сентябрь, никак не можешь увериться, что лето давно угасло и впереди ожидает длительное предзимье. Свыкнувшаяся со светом душа сначала нехотя приноравливается к вынужденному угасанию, но

постепенно начинает находить в расплывчатых красках осени недостающее успокоение.

В этом неторопливом осеннем умиротворении в тебе уже не возникает горечи от утраченной возбужденности летнего восприятия, а открывается сладкая грусть по чему-то несбыточному, но такому родному.

В лесу наступает тишина, как в театре, когда свет начинает гаснуть и появляется непередаваемое ощущение ускользающей таинственности. В самый последний миг вдруг открывается занавес, и зал озаряется неподражаемым внутренним светом, а тишина остается. Утопая по колена в разноцветной листве, неприкаянно бродят среди этой тишины лоси, волки и лисицы, приспособившиеся к долгой лесной жизни.

Человеку же предстоит дальняя дорога через всю зиму и ее бесконечный холод, и сентябрь ему дан, может быть, только для того, чтобы более пристально заглянуть в себя, увидев то, чего он не замечал раньше.

Время убирать урожай прошло, но от этого не стало грустно. Наоборот, ты почувствовал себя богаче, мудрее, пусть хоть и с легким налетом печали по самодовольному лету и необузданной в желаниях весне. Золотая осень все перекрыла своим богатством, зрелость воспринимается как заслуга, а пределы жизни кажутся необозримыми.

Тем, кто с настроением посеял весной, терпеливо взращивал семена летом и достойно боролся с насекомыми и сорняками, достается в награду радость постижения. Только осенью, когда урожай обилён, мы обнаруживаем в себе желание, ни о чём не сожалея, с удовольствием идти дальше, если были честны по отношению к жизни. Нет ничего более волнующего, чем эта заслуженная жатва и тот опыт, который ты приобретаешь именно в сентябре, в борьбе за плодородие.

Октябрь Вот и закружила по дорогам листопадная метель октября. Луговые травы еще не померкли там, где много влаги, и желтая листва без остановки сыплет на них свой нескончаемый дождь. В случающееся похолодание кажется, что раскраска деревьев несколько задержалась, но как только наступает тепло — течет над замирающей землей обессиленный лист.

В октябре изменяются поля, золотой убор которых чередуется с черными вспаханнами лентами. Среди могучих ельников неожиданно встают изумрудные квадраты озими. Их аккуратная очерченность вынуждает обратить взгляд к горизонту, и, устремляя свое внимание туда, у вас возникает непреодолимое желание замереть.

Укромный шорох осыпающейся коры выводит из задумчивого просветления: это белки. Пепельно-пушистыми комочками мелькая в замерших верхушках, зверьки не в состоянии нарушить гулкую тишину. Покойно лежит в лесной чаще самый невидимый и глубокий месяц.

Пегий рябчик, дымчато-бурое облачко наших уральских лесов,— сам октябрь: укромный, с накопленным теплом и уютom, чуточку обаятельный в своей незатейливой прихорошенности, пахнущий опадающей иголкой

лиственницы и прелым осиновым листом... Упруго надрывая октябрьскую тишину неожиданным вспархиванием, рябчик слегка пугает забывшееся на неопределенное время сердце, и несколько мгновений оно не перестает горячо биться, а затем утихает... Так и октябрь: в самый неподходящий момент всплыв, как-то неприметно остывает, и в лесу становится хорошо и уютно.

Можно не спеша бродить по лесным тропинкам, думая ни о чем и обо всем, вдыхать терпкую грибную сырость, внимая нежному пересвисту рябчиков. В эту пору и зная забудешь о цветах, а неотступно размышляешь только о листьях, корнях и неслышном течении времени. В таком лесу легко быть непреклонным и спокойным, а как свободно рождаются в твоей душе необходимые решения и мысли!

В начале октября красок в лесу с лихвой хватает на все три осенних месяца! И описать это почти невозможно, если хочешь, чтобы все живое и мертвое было отражено, ничего не забыто. Между тем, кто-то охраняет воцарившееся над землей спокойствие, будто ненавязчиво взирая свысока. Предвидение в такие дни дается удивительно чутко и легко, и, почувствовав в душе свет будущей жизни, обретаешь недостающую уверенность.

Вот когда до тебя доходит смысл красоты, которая в гармонии никогда не истрачивается. Этого не мог не понимать великий Пушкин, и оттого унылая пора у него очаровательна, а увядание — пышно! Октябрьская красота, не прекращаясь, утрачивает лишь поднадоевшую позолоту, и сколько бы ни длилось ненастье, оно не в силах обескуражить происходящим вокруг угасанием.

Заветна в октябре глубокая лесная тайна. На лице оголяющегося леса появляется еле уловимая задумчивость, и ощутив это для себя, по-особенному смутен становится твой взгляд. То, что вчера веселило, сегодня уже печалит, а завтра, быть может, породит непредсказуемую радость. Но что бы ни таилось в глубине лесного октября, немислимо нарушить эту таинственность, а только желаешь обрести в дар и трепетно хранить.

Храня память о человеческом мире, лес не терпит себя таким, каким его сделали люди. Для него восторг и вдохновение — это пропись, а не пафос, и дожидаться хорошей погоды, чтобы радостно начинать день, ему некогда. Не обкрадывая себя во времени, жить каждый день — вот торжество устремлений леса. Причем, жить без чванства, незаметно, со скрытой в глубине своих лесных оков гордостью и силой. Так бы и человеку: не заявлять громко о достигнутом возрасте, а тихо позаботиться о своей душе.

В октябре неслышно текут по укромным логом незамутненные родники — мимо затерявшихся избушек, обросших мхом камней и отживших корней. Ржавые листья притаились на прозрачном дне, но вышло это у них неловко, и редкие солнечные лучи радостно высвечивают их круглые бока.

Чистая вода словно торжествует в такие тихие дни, когда ни шум дождя, ни вой ветра не в силах перебить ее блаженное журчание. Уставший после долгой ходьбы по лесу, ошупью дотрагиваешься до этой переливающейся

плоти и чуткими глотками пьешь сводящую скулы свежесть. Никогда и нигде не умывался я с таким наслаждением по утрам, как в этой тягучей хрустальности потаенных октябрьских вод, которые убегают неизвестно куда, чтобы вскоре вернуться новым незамутненным впечатлением о неумирающей земле.

Неправда, что земля в октябре остывает. Она влажна хлюпающим под сапогами пего-коричневым теплом. Бережно источая теплые запахи, земля так же сдержанно, будто не желая до конца расставаться со своим добром, все же отдает его — последнюю долю сумрачного и скрытого богатства.

С трудом октябрю удастся удержать тепло жизни, и если бы не его несокрушимая сила — быть ему нескончаемо равнодушным и холодным. Но и испуская неприметно дух, октябрь возрождается в своем старшем брате — ноябре.

Верной приметой неизбывного богатства месяца может быть и ранняя октябрьская стужа. Стужу эту не терпится ощутить всем телом, подставляя ей ладошки и лицо, чтобы приятно немели щеки. И сразу душу твою пронзает вольное холодающее дуновение, и внутри все замирает, когда она наполняется зарождающейся ясностью. Ясность приносит с собой давно недостающую простоту, и возникает не замерзающий всю последующую зиму родник...

Так мудрость месяца, преодолевая на своем исходе вневременность, начинает с удовольствием торить себе дальнюю дорожку... Октябрь всегда словно затуманен раздумьем о предстоящих подвигах.

В октябрьских лесах легко забыться. Из этого успокоенного оцепенения не выводят даже неожиданно срывающиеся в березовой чаще глухари. Резкие вспархивания с земли рябчиков тоже не пугают тебя: сердце ударяется в груди размеренно, спокойно...

По-звериному косишь птицам вслед и почти ничего не чувствуешь. Подобно лосю, неторопливо и степенно ступаешь среди пожухлой листвы, но стать зверем тебе не суждено. Слишком много людских связей опутывают твою душу, и освободиться от них невозможно.

Трубные крики сохатых катятся над речной долиной и, кажется, не растворяются в остановившемся воздухе, а повисают. Представляешь, как на далеких лесных полянах растревоженные лоси вскидывают мощные головы с большими, похожими на лопаты рогами и грозно режут, вызывая соперника на бой. Их коричневатые-черные бока нервно вздрагивают, глянцево-гладкие копыта яростно роют землю, а плотная шерсть воинственно дыбится на высоких лосиных загривках...

Отрешенно бродишь по лесу, выискивая все более глухие тропы, как будто в них таится спасение, и непонятная тоска перестанет, наконец, сдавливать твое маленькое сердце. Но нет сил насовсем отказаться от боли, и ты поднимаешь лицо к подернутому октябрьской поволокой небу... Там ничего не происходит, и взгляд вновь обращается к мохнатым елям, выцветшей траве и голым березам.

В сентябре через листву ничего нельзя было разглядеть, а теперь отовсюду просматриваются серые бездонные дали. Омытые ночными дождями деревья стоят понуро, и оголенность их уже не обескураживает. Так, однажды, означается глубокая осень.

В конце октября вроде бы все уже серо, пасмурно, будто тяжелый сон охватил природу, но вот выглядывает на миг солнце, и место, куда попадает его луч, нежно озаряется, высвечивая еще достаточно чудесную картинку. Сразу создается впечатление, что березки с оставшимися золотыми листиками и без солнечного света не грустили, а тихо радовались про себя чему-то, и солнце, на мгновение вынырнув из-за тяжелых туч, только подчеркнуло их неприметное, на первый взгляд, доброе настроение. Иногда даже начинает казаться, что березки переговариваются и чем-то очень довольны — так велика в них сила жизни. И тогда понимаешь: все вокруг в октябре не умирает и не разрушается, а просто переходит в нечто другое.

И вот еще что интересно: в ненастный октябрьский день цвета порой оживают и без солнца... Что-то происходит с воздухом, какие-то необъяснимые перемены, и цвета незаметно становятся даже ярче и своеобразней. Никогда — ни весной, ни летом — не были, к примеру, такими загадочными и синими дальние леса и такими белоснежными стволы березок. Луговые васильки, затерявшиеся в давно убранных межах, должны вроде бы потухнуть, обесцветиться, но они всюду полыхают, озаряя октябрьское ненастье.

А в каждой ягодке шиповника будто теплится изнутри пунцовый, радостный фонарик — так куст шиповника сейчас светоносен!

Даже серовато-пегие тона облаков оживают в эти редкие просветы октября, подчеркивая во всем, как ни странно, контраст. Опавший черемуховый лист уже не кажется безжизненным, дымчато-пепельным, скорее, он палевый. А в серовато-грязных стволах осин угадывается нежно-зеленоватый намек, проблеск будущей жизни. Даже маленькие березки, кора которых еще не успела налиться белым цветом и они уже давно стоят голые, все равно оживляют сизое октябрьское небо паутиной своих верхних красноватых ветвей. Вовсе, кажется, пожухлом мху начинает вдруг угадываться голубовато-свежая серебристость.

И все же, в общей своей массе, леса потемнели, их уже не озаряют разноцветные листья, и чернее всех оказывается липа, которая к этой поре стоит совершенно голая. Черные ветви насквозь пронизывают серое пространство и от этого выглядят еще более оголенно, но их заостренность воспринимается не колко, а как-то размыто. Льют бесконечные ледяные дожди, кора на деревьях набухает, и в октябрьской природе от этого возникает некая мягкость... Даже опавшие листья уже воспринимаются как жестяные, и ты больше смотришь не под ноги, а вверх, между ветвей, где в кажущейся воздушной мягкости теряются обнаженные верхушки.

Ветер-листобой давно сбил последние листья, и шелест возникающих шорохов подчеркивает таинственную тишину опустевшего леса. Впрочем, не

так уж в нем пустынно: изредка прочертит пасмурный воздух неугомонная ворона, и ее клекот гулко отдается в осеннем пространстве; а то вдруг возбужденно засокочет на высокой осине белобокая сорока, видать, углядела сохатого или заяц-листопадник проковылял неловко через дорогу; пока еще не замерзли насекомые, почти неслышно шелудит кору верткий поползень, ловко перемещаясь по стволу вверх и вниз головой; не отлетели, оказывается, и утки, небольшая стайка чирков жметя под берег на потемневшем лесном пруду, так что и не догадываешься, что их тут удерживает. Мокро и холодно, но осень все-таки улыбается тебе бодрым позывом рябчика, который неспешно бродит по тропе, что-то поклевывает и нет-нет, да огласит лесную тишину витиеватым посвистом. Не хочешь, а улыбнешься, заслышав восторженную песенку петушка!

Но бывает, под утро хватит мороз — аж до минус десяти! — и всё небо торжественно откроется и озарит землю сдержанным светом. Целую неделю до этого моросил холодный дождь, несколько раз принимался даже идти снег, и уже не верилось, что в природе произойдут изменения к лучшему, а вот случился зазимок — и подмерзшие капли на ветках весело заискрились, заиграли всеми цветами радуги. И снова лес неожиданно ожил, и тишина в лесу превратилась из пустой в торжественную. Каждое дерево друг перед другом красуется, будто и не засыпало, и даже черные липы охорашиваются, бросая на землю мягкие синеватые тени. Так хорошо, что теперь уже не верится, что непогода вернется...

Но вскоре снег, все же, завалит лес и скроет многие его тайны. В том числе следы подготовки зверей к зимовке, потому что в октябре они сооружают себе убежища на долгую холодную пору. Медведи и барсуки, белочки, ежи и змеи — все они впадают в спячку, и каждый торопится уютнее обустроить свое жилье.

Белка для сушки натывает грибы на высокие сучки, выбирая, как правило, непроходимые осиновые островки, часто на горке, где ни за что никому не пройти, и снять гриб сможет только сама белка, так как вороне или сороке усесться на тонкую острую ветку неудобно, а маленькой птахе и вовсе нелегко совладать с грибом, который превышает ее по размерам, и оттого всю осень красуются на сучках моховички и подберезовики, причем, всегда перевернутые, чтобы лучше подсушился испод гриба... Белочка же спокойна: заготовила на зиму запасы, которые все видят, а никому их, кроме нее, не достать. Знай, играетя, перепрыгивает с ветки на ветку, вроде бы, беспечна, на деле же она радуется, что хорошо потрудились перед долгой голодной порой и ей не страшно зимовать в своем гайно до самой весны.

Ежик, бегая по полянке, то и дело принохивается, замирает и вдруг переворачивается, ловко накалывая листву на свои иглы, пока она не отсырела, а затем целыми охапками переносит в трухлявый пенек, себе на подстилку. Норка у него небольшая, и потому листьев ежу много не требуется. К тому же, порой ежик залегает в норку и вовсе неприхотливо, как будто сон застиг его внезапно и у зверька не было возможности ему

сопротивляться: брел тихонько по осеннему лесу, забрался под еловые корни, что вдруг удачно подвернулись, и, закопавшись с головой в мох, тут же забылся в сладком оцепенении до весны... Если заглянуть под такую елку и хорошенько приглядеться, то можно легко различить там бочок или круглую попку ежика, унизанные сероватыми иголочками, которые почему-то всегда хочется потрогать. Можно даже заботливо подоткнуть дырку опавшим листом, и ежик ничего не почувствует — так он быстро впадает в отрешенное состояние. Лишь узенькие темные полоски остаются на земле в тех местах, где ежик семенил лапками, цепляя и переворачивая за собой выцветшие листочки...

Барсуки тоже не прочь заpastись опалым листом, утепляя им свои глубокие норы. Хозяйственный барсук основательно сгребаёт мягкую листву, то и дело выуживая из-под нее жирных личинок и жуков, затем тащит ее, смешно пятась задом и волоча, таким образом, целый ворох, в отличие от ежа оставляя на земле уже целые дорожки. Притащив листву с травой в нору, барсук аккуратно устилает ими спальню, туалет и проходы, чтобы потом было удобно передвигаться к своим кладовым, где у него припасены сушеные лягушки и грибы, но в спальне наиболее толстый слой листвы,— настоящая барсучья перина! Тепло и уютно будет зимовать в ней барсуку долгую холодную зиму.

Неспешно бродит в октябре по таежным отрогам лесной воевода-медведь. Долго выбирает он место под зимовку, не одну берлогу выроет, но все что-то не устраивает зверя, и он неторопливо начинает искать то, что ему действительно нужно. Но порой, как и еж, ложится сразу, особо не разбираясь, и часто его прибежищем оказывается какой-нибудь старый корневой выворотень или обыкновенная, ничем не приметная яма. При накопленном за лето жире и густой шкуре зверю вроде бы не резон утеплять свою лежанку опавшими листьями, но он все-таки иной раз нагребает их под себя, сколько придется, а больше любит скусывать верхушки елочек, по которым можно безошибочно определить, что поблизости находится убежище лесного исполина.

Эти медвежьи заломы долго не заживают, сохраняя свою свежую желтизну чуть ли не до весны, и если наткнешься на них поздней осенью или зимой, то лесное пространство молниеносно оживает, и всё вокруг уже не воспринимается таким безжизненным и равнодушным.

Правда, в октябре об этом еще не думаешь: сам, как и медведь, бредешь по притихшему лесу, то и дело вглядываешься в него, будто желая разгадать нечто важное для себя, без чего не представляешь себе жизни. И, конечно, натыкаешься на то, как звери и птицы готовятся к зимовке, а ты почему-то не в силах отказаться от возможности видеть все это. Тебе есть дело до того, что происходит в октябрьском лесу, и ты даже чувствуешь при этом какую-то необъяснимую ответственность, вернее, слитность с лесом, который постепенно замечает твое отношение к нему, но ничего не обещает. Ты

должен узнать его тайну, чтобы она наполнила тебя такой же нескончаемой мощью.

На лужи все чаще ложится прозрачно-серебристый ледок. Дно в них укрыто толстым слоем опавшего листа, и оттого вода никогда не взбаламучена и черна. Она напоминает старинное, темно-дымчатое зеркало, со смутно просматривающимися прожилками — размытыми корнями, кистями цветов и травами.

Поутру ледок замутняет виденье в этом природном зеркале, скорее отражая серость какого-то замкнутого октябрьского пространства, но после полудня рамки некоей закрытости постепенно расступаются и сиротливо высящиеся над лужами в колеях голые осины и березы, преломляясь и вздрагивая, так же трогательно вдруг замирают, будто смотрятся через отражающую поверхность в себя, слегка любят... Сломись такой ледок у самого края, чтобы взглянуть через него на окружающий мир, а ледок вдруг разломится и опадет щекочущей прохладой в ладонку: октябрь хорош и сам по себе, в него интересно смотреться с утра до вечера, без каких-либо преувеличений.

Круговерть листьев закончилась, те же листья, что устояли в листобойную непогоду, скоро опадут сами. В этом замедленном, даже задумчивом падении есть сознательная покорность своей красивой судьбе. И все-таки становится немножко грустно, и завидев в конце октября уцелевшую золотистую осинку, вдруг обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого ждал всю жизнь, а его все не было, и тогда начинает казаться, будто в твою душу с благодарностью вглядываются умные глаза леса.

Лесу ничего не остается, кроме как смотреть мудро, ведь он на славу потрудился в течение всей весны и лета. Корни деревьев не пьют воду почвы, им это в октябре ни к чему, и оттого листьям нечего испарять: они жухнут и опадают на землю. Листья, даже если она неподражаемо раскрашена, уже не нужна дереву. Лист теперь приносит пользу земле, удобряя ее и утепляя.

Перепревшая листва зимой спасает лесную почву от промерзания, и именно листовенный перегной обогащает ее бесценным удобрением. Недаром благодаря ему в октябре растут грибы-листопадники, а уже к февралю под снегом проклевываются самые ранние первоцветы — подснежники. Так, незаметно, из года в год обогащается почва, способствуя росту деревьев, и лишь лоси да кабаны взрывают ее местами, не нанося, впрочем, ни лесу, ни земле никакого ущерба.

Вскоре первый снег обновит притухшие краски, и на его фоне они приобретут иную значимость. Отшелушившаяся тонкой пленочкой кора сосен, удивительно напоминающая луковую шелуху, легко упадет на снег и отсветит на нем такое же легкое оранжевое пятнышко. Загорят ярче ягоды волчьего лыка, унизывающего уже голые ветви кустарника: и без того заметные в летнем и осеннем лесу, теперь они засветятся еще чище. Ярко-

зеленым облаком окутались молодые пихты и елки, словно вчера распустили свои нежные иголки, потянувшись навстречу первому робкому снегопаду.

Первый снег обычно падает густыми хлопьями, скрадывая синие лесные дали и сужая пространство, и внутри этого удивительного мира ты незаметно перестаешь думать об осени. Октябрьское время теперь ограничивается более ранними сумерками и снегопадом, оно почти не знает солнца. В преддверии ноября все в природе исполнено ожиданием длительного и заслуженного отдохновения, снег окутывает землю в белые тенета и бережно ее усыпляет. Приходит пора покоя...

Правда, случается нередко год, когда снег не выпадает вплоть до середины ноября, но покой от этого не нарушается. Октябрьское пространство лишь еще более замыкается, будто деревенеет, а небо, кажется, вжимается в землю. Все вокруг тихо, как-то безвольно...

В лесной избушке на окне сидит неподвижно мать-паучиха, терпеливо дожидаясь скорых сумерек. С наступлением темноты она оживает, с удивительной быстротой перемещаясь вдоль рамы, за которой угасает свет. Исчезли комары и мошки, крошечные паучки, пугаясь родительской кровожадности, убегают подальше от своего крова. И тогда мать-паучиха расправляется с отцом-пауком, — вот почему она всегда остается под осень одна.

Её серо-коричневое одиночество в замирающем октябре под стать промокшим дощатым стенам дворов и оголенной земле. Лохматой обездоленной душе, кажется, ни за что не укрыться от неминуемого греха.

Такой октябрь — это ненастье и серое бесцветное небо. Ни света солнца, ни огромной оранжевой луны, а только полутона и сумрачные тени, как будто навсегда меркнет природа, которая совсем недавно была необычайно привлекательной. Но безысходной грусти нет, есть вдумчивая размеренность в восприятии того, что неминуемо наступает в природе.

Октябрь пролагает новые пути, которые с каждым днем укрепляют дух. Не сладость с умилением, а ответственность дышит в нем обезоруживающей стынью, и овладение знанием в его руках — достойное завоевание. Следует много октябрей пропустить через сердце, чтобы понять: время ускользающего цвета не обременительно душе, привыкшей трудиться, и проходящее сегодня не перестает оставаться живым завтра.

К своему завершению октябрь становится ноздревато-серым, похожим на старую кору. Наружная оболочка его словно затвердевает, перепекается, и сам он оборачивается каким-то подобраным, цельным. Корочка, говорят в народе, не хлеб, ее и бросить не грех, но не обцарапавшись об кору — дерева не узнаешь.

Дерет такая кора одежду, руки и взгляд любознательному человеку, и невдомек ему, что в лесной насторожившейся серости — родное октябрьское обличье. Легко отлетев последними листьями, месяц, поднатужившись, завязывает в себе что-то важное, не скорое, но долговечное. Так же и тот, кто родился в октябре обретает никому неведомое упорство и силу.

Словно серый в яблоках конь, скачет загадочный октябрь по темному полю к своей недостижимой любви, и никому его не остановить. Чубатый, но невеселый, маститый, но без благообразия, летит он на невидимых крыльях, которые ему порой даже в тягость, но не передохнуть ни за что, потому как совесть не позволяет.

Должен он в обреченной серости счастливую звезду на печальном лбу своем зажечь, только не про себя, а во имя спасения заблудших и отчаявшихся душ. С ноябрем они кровные, глухие и еще не понятые никем братья.

...Тихо в октябрьском лесу и немножко одиноко. Только удары неумного дятла гулко отдаются в нем и, быстро растворившись, тают, да серое воронье беззвучно и мягко перелетает над свежеперепаханными полями.

Вместе с воронами, словно повиснув в воздухе, без усталости машут крыльями длиннохвостые сороки. Темно-коричневая, недавно перепаханная земля под ними отливает жирным блеском, и ты чувствуешь, как все эти неповоротливые борозды в полную грудь испаряют из себя добротную отдохновенность. Мягкость тонов и всеобщая разомлелость в природе сглаживают возникающую было обездоленность, и начинает казаться, что пустота не одолеет твою душу и с октябрем в тебя незаметно вливается настоящая уверенность.

Всё меньше остерегаешься ты темного октябрьского леса, но как представишь себе, коротая однажды в лесной избушке нескончаемый осенний вечер, всю необъятность этой неведомой чащи, с ее волчьей одичалостью и звериными норами, необъяснимостью манящих к себе звуков и запахов, молчаливой божественностью распростертых над ней звезд, то понимаешь: постигнуть все это дано лишь человеку, в любой миг готовому к смерти...

Именно тогда смерть не преследует и не пугает, ты спокойно ожидаешь её прихода, зная наверняка: ее не миновать во имя постижения и себя, и всей жизни. В понимании этого тебе помогает предпоследний осенний месяц — неброский, как будто отчего-то стусевавшийся, но очень сильный.

И все же некоторое время ты остаешься в неведении: в чем она, эта скрытая октябрьская мощь, еле угадываемая, почти неразличимая? Остается загадкой: как такая тишина и неземная умиротворенность могут вызывать ощущение неодолимой твердости?!

До той поры не открывается тебе сковывающая тайна, пока не подуют в конце месяца неудержимые суховеи. Неукротимый буря вдруг родится из недр замершей земли, погонит куда-то тяжелые тучи, так что они не успевают затмить тревожную луну, рвет и ломает обессиленные верхушки деревьев. Неистовствуя целые сутки и принеся с собой обложную непогоду, ветер так же неожиданно пропадает с высоким слоем плывущих по небу

облаков, и остается только тупая восторженность от произошедшего, да с трудом преодолеваемая по вечерам печаль.

Всё неповторимое в природе, кажется, кануло безвозвратно, и пришло время оставить лес наедине с собой. А самому задуматься над собственной жизнью и, может быть, воскресить в памяти то, о чем так не хотелось совсем недавно вспоминать.

Вскоре упадет на землю последний золоченый лист, съезжится от ветра, порыжеет под стылými струями дождя и увянет. Недолго уже угнетать его октябрю нерастроченной силой. Вот-вот первый снег охладит разгоряченный непогодой дух осени и мягко закружит его в очарованном сказочным покоем предзимнем сне. И тебе вдруг станет отчего-то легко и просто жить, как не бывает даже в самое раздольное весеннее время.

Наступивший вечер года однажды поутру умоется тихим внутренним светом, душа наполнится чистотой и свободой, и своевольный октябрь ненавязчиво вдохнет в тебя нужные слова, музыку и мысли.

Ноябрь Коротки тусклые ноябрьские деньки... Совсем не стало света: поздно занимается робкая лиловая заря, рано надвигаются молчаливые бесцветные сумерки. Солнце где-то запропало посреди ненастного дня: только проглянет мутным бельмом — и уже темно. Мглистое небо пасмурно навалилось на лес и деревню, и окна в домах «плачут» от печного тепла и сырости, которой проникнуто все в природе.

Весь день то снежная заметь, то тоскливый дождь, а по ночам неслышно прокрадывается по остывшей земле хилый мороз. Долго порой стоит такое ноябрьское ненастье, ничего не обещая и вроде бы ни к чему не стремясь. Так, — один холодный серый свет, даже без осеннего солнца, и до одури надоевшая пустота монотонного, промозглого дня.

И вот почему-то захочется в это опустошенное ноябрьское время выйти однажды поутру в затуманенные сизые дали. Все однообразно, пусто: одним словом, поздний осенний пейзаж, с прозрачной выстуженностью успокоенных далей, изумрудом озимых, опустевшими и беззвучными перелесками. В тиши ноябрьских лесов лишь изредка попискивают синицы, стучит клювом большой пестрый дятел, шерудит корой махонький королек. Только в редколесье ощущается какая-то непрехотливая, но верная жизнь, в глубоком же лесу — ни шороха, ни звука.

Всё там стало потаенно, уже не вздрагивает сердце от неожиданного взлета великолепного вальдшнепа, шаги утопают в пожухлых травах. Идешь, ни о чем не думаешь и не можешь понять, зачем ты здесь, почему все это тебя так трогает. Но именно малоцветное перо обыкновенной синицы, черные шапочки неугомонных гаичек и размеренные постукивания дятла вызывают в душе ощущение счастья, той благодати, которую никто отнять у тебя не сможет. Недаром ноябрь в народе прозван «снегириной порой», — это время пунцово-трогательной нежности и силы, принадлежащей нашим маленьким пернатым гостям.

Да и как не верить этой маленькой красивой силе, румяными яблочками оживляющей среднюю полосу России, почти под каждым окном! Минутами, не часами находятся эти птицы рядом с человеком, оставляя в его душе тихую радость. Такого счастья, наверное, не доставляют нам даже весенние птицы, и только прилетевшие к нашим домам в пору осенней непогодицы наиболее дороги и желанны.

Пухлые, розовато-серые комочки сидят под окнами, будто озаряя жизнь человека невыразимым счастьем, и улетают только потому, что воздушны. Птички не могут не перепархивать с дерева на дерево, не могут не кочевать от деревни к деревне и, наверное, не в силах оставить человека без своего внимания. Снегири — это робкая и трогательная для русского сердца весна в ноябре.

Мглистые дали замерших ноябрьских дней задумчивы, но не загадочны. В бесцветном ноябрьском лесу краски редки и потому особо отличаемы. Только рябина алеет в нем яркими круглыми бусами, когда остальные деревья уже сбросили свой наряд.

Или еще бывает, что хилое солнце изредка пробивается из-под нависших сереньких туч, над бескрайними полями вьется колючая поземка, а лес вдаль стоит седой, нахмуренный, — все вокруг голо. Но у самой обочины проселочной дороги на тоненьких тростиночках пустырника раскачиваются цветастые щеглы, о чем-то неутомно переговариваются и совершенно изменяют собой унылый ноябрьский вид. Так неброско, даже скупно одаривает нас редкими красками замкнутый и с виду совсем недоброжелательный ноябрь.

В ноябре ненастье уже просто громоздится в окружающем пространстве, которое будто зажато им, но в то же время — бесконечно. Особо ненастно небо: ветер, дождь и холод будто скрутили, спутали его, нарушив весь строй облаков и туч, и когда выходишь из лесу на открытое место, то кажется, что небеса обрушатся сейчас на тебя и раздавят. Вдобавок, откуда-то снизу, из неведомых подземных недр, веет промозглостью, что вот-вот затянет все, как в огромный омут, ничего не оставив в этом беспросветном ноябрьском существовании. Ноябрь готов, кажется, засосать и поникшие травы, и палый лист, и лилово-серое небо вместе с пего-коричневой землей. Безрадостно и беспросветно завершается бесцветное ноябрьское предзимье...

Правда, случается иногда в ноябре оттепель, которая оживляет лесные запахи. Иссохшая трава, еще вчера придавленная первым снегом и вроде бы давно утерявшая всякие ароматы, теперь щекочет ноздри чуть ли не весенней пряностью, она будто переродилась под снегом и вновь готова к жизни. Березовые сережки, тоже порядком пообвисшие и потрепанные непогодой, вдруг явственно пахнули свежестью, встрепенулись. По берегам лесных рек и ручейков приятно потянуло смородиновым листом, кора ивы, черемухи и рябины набухла, заблагоухала. Вдоль дорог словно только что поднялась и обрадованно вздохнула горчинкой пожухлая полынь... Оттепель удивительно усилила запахи, как будто донесся их из неведомого далека.

Уже в сумерках возвращаясь из леса в деревню, полем, машинально выдерешь из сырой копны пахучую прядь сена, вдохнешь ее аромат полной грудью и невольно замрешь, привалившись спиной к стогу. Чуть прелый, но очень насыщенный запах вмиг заполнит легкие и околдует твое восприятие, успевшее отвыкнуть от букета ароматов. Все сохранил в себе стог сена: и безудержную весну, и молодость буйного лета, и зрелость августовской поры, и осеннюю мягкую умудренность. Даже и не знаешь, чем это пахнуло на тебя поздней ноябрьской порой, когда ее неожиданно оживила оттепель. Оттепель как будто воскресила ушедшее, и стало радостней жить и дышать.

Как будто в золотой сумрак ноября, в его быстротечно темнеющий и, между тем, крепнущий дух углубляются время, леса, воздух — вся предзимняя природа, не способная отказаться от этого глубинного пути, но и не желающая его миновать. И утомленная, и в то же время осененная божественным прикосновением, природа ноября, как никакая другая в течение года, призвана нести на себе крест увядания и смерти во имя будущего света и жизни. Все в ноябре как будто заколочено, хранит невыносимую тайну и заслоняет от правды. Но тот же, замкнувшийся в себе, ноябрь, через подвиг неутомимости и терпения, пустоту поздней осени, зияние непроглядных и стылых ночей, ведет к открытию недостающего зрения. Невольно задерживая на себе внутренний взгляд, маня своей неизвестностью, он незаметно отодвигает усталость и страх, высвобождая дорогу невероятной силе.

А то зарядят стылые дожди. Льют день, два, неделю, замесят придорожную глину так круто, что она будто на дрожжах поднимается. Порой начинает казаться, что вся эта серо-коричневая масса лезет из всех земляных щелей, заполняет собой проселки, и ты, несмотря на опостылевшую непогоду, все же удивляешься: откуда ее столько берется?

До дождей, хоть и порядком разбитая, дорога все-таки выглядела подтянутой, лежала высоко, обособленно, а теперь раскисла, расплзлась за обочины, все в ней перемешалось. Трава вдоль дороги на добрый десяток метров забрызгана глиной, отяжелела и полегла, а давно облетевшие листья уже не прикрывают этой дорожной неустроенности. Что ж тут поделаешь: окончательно укоренился стылый безрадостный ноябрь, вот-вот посыплет снег, и до весны оборвется порядком истончившаяся ниточка жизни.

И вот, наконец, повалил снег: долго примеривался он, как лучше это сделать. С начала месяца выпадала не одна пороша, но решительный морозец то и дело сменяла хлябь да ростепель. Снег начал падать как бы из ниоткуда, так все смешалось от пасмурной мглы, но постепенно пространство наполнилось сдержанным белым светом.

Все гуще падают снежинки, быстро очищая воздух, и ты уже забываешь думать об оголенной сырой земле, а любишь и удивляешься тому, что принесла с собой снежная белизна. Радостно, глубоко и воздушно это ощущение от появления настоящего снега, когда кажется, что ты даже подрастаешь, поднимаясь на какую-то захватывающую высоту.

Снег кружится тихо, как будто сосредоточиваясь на своем парении над лесом. Мягко ложится на пни, поваленные стволы и ветви, словно ощупывая их, изучая, а затем в точности повторяет все, к чему прикоснулся, создавая снежное подобие. К сумеркам все зеленое, коричневое и черное в лесу растворяется, и остается только белое, которое быстро растет, раздается.

Хорошо в такую пору сидеть в натопленной избе, всматриваясь в законные картины. А ведь когда-то и не было стекла на Руси, и крестьяне, наверное, не глядели в леса и поля за околицей, потому как сквозь замутненную пленку, выделанную из внутренностей скотины, немного и увидишь, да и скрашивать свои короткие досуги мужику или бабе приходилось, скорее, за какой-либо домашней работой, если на дворе стояла непогода... Окна крестьянских домов смотрелись в мир словно бельмо, которое не соединяло мужицкого быта с природой. Только с появлением стекла, что было поначалу большой редкостью, пространство избы получило название светелки, или светлицы, а окна прорубали на юг, иногда — на юго-запад.

Когда выпадает первый снег, каждый, кто находится дома, обязательно подойдет к окну и тщательно разглядит все, что происходит за ним. Это составляет как бы своеобразный волшебный ритуал, который совершает, наверное, каждый в ноябре, когда вместо привычного вида людям открывается в окне предзимняя сказка. А за ночь на стеклах вырастают еще и диковинные леса с пальмовыми ветвями, с хрустальными белыми травами и цветами, и все эти заросли проникнуты удивительным внутренним светом, который особо завораживает именно под утро. Так ноябрьская сказка незаметно входит в дом, становясь не менее чудесной явью.

Метель изрядно потрудилась, намела снега, сколько смогла, — особо не разойдешься. Словом, отвела душу, да только вслед за метелью опять подбирается оттепель: снежок быстро разжижается, блестит в колеях темная вода. Но за внезапной оттепелью — негаданный заморозок: взрыхленные снежные комья заостряются, промерзают, а по воде уже бегут трещины. И вновь, после резких перемен, ледяной ветер наносит снегу, и ты дивишься случающимся в ноябре природным перевоплощениям...

Робки еще звери и птицы в эту позднюю ноябрьскую пору, остерегаясь опробовать новую для них снежную пелену, и только волки упиваются сумерками года, появляясь неожиданно там, где их не ждут. Под стать волчьей сути мглистое ноябрьское время, призванное раскрыть зверям предначертанное им природой: подкрадываться и убивать, гнать что было сил, обводить вокруг пальца, быть неутомимым и непреклонным в достижении своей звериной выгоды. Не зря ноябрь — волчий месяц.

Отгремели в лесах схватки сохатых, что сталкиваются рогами не на жизнь, а на смерть, улеглись до весны в свои зимние убежища медведи, барсуки, белки и ежи, оставили северную родину все птицы, которым суждено было ее покинуть, сбросили листву деревья... Всё, вроде бы, успокоилось в лесной чаще, но именно сейчас, в этом ноябрьском

успокоении и тиши, поднимает голову волчье племя. Волки никак не были заметны до ноября, совершая незаметные перемещения в замирающем осеннем лесу. Волки как будто терпеливо ждали своего часа, когда можно жить без оглядки, жить в свое приволье, без удержу, и вполне понятно, почему они выбрали для этого самую отрешенную пору в природе, даже несмотря на выпавший снег, на котором без боязни оставляют свои следы.

Серые разбойники, конечно, не поменяли шкуру, а только подпушили ее, подготовили к более благодному для себя времени, в которое как никогда открывается для них слабость и доступность других, и волки смело, без предупреждения нападают и берут то, что принадлежит им по праву. Больные и слабые, а значит, не способные продлить свой род звери оказываются их заслуженной добычей.

Коротки дни поздней осени и совсем непроглядны нескончаемые промозглые ночи, но именно сейчас можно чаще всего увидеть волчьи тропы, неистово и целеустремленно прорезающие еще не улежавшийся рыхлый снег. Чаще всего эти тропы тянутся ближе к деревне, потому как в ноябре волки покидают большой лес и перебираются в мелколесье, осваивая болота и овраги неподалеку от человеческого жилья. Привольно волкам разгуливать по опустевшим полям, где они теперь чувствуют себя полновластными хозяевами.

Без усталости рыщут волки в поисках поживы, отмахивая за сутки десятки километров. Идут гуськом, след в след, не нарушая без особой причины строгого строя, лишь изредка обходя с обеих сторон какое-либо природное препятствие — бугорок, кустики или проталину. Могут спокойно забежать в деревню, выхватить зазевавшуюся собачонку и тут же растерзать ее. Кровожадны волки в своей холодной природной устремленности, и отрешенное, порой даже кажется — совершенно бездушное, ноябрьское время удивительно к этой их кровожадности располагает.

Меж домов гуляет стылый ветер, не видно ни одного прохожего, и только затянутые морозными узорами окна притягивают своим оранжевым теплом. А волкам греет спины луна, их родное солнышко, и звери неумолимо бредут занесенным полем, непременно заглядывая в каждый овражек или задерживаясь у одинокой копны, угадывая верхним чутьем желанный скоромный запах. Будет чем поживиться зверям этой ночью: на краю деревни сороки и вороны пировали весь вечер на костях павшей кобылы, и волки, конечно, давно услышали и почувствовали скорую тризну.

И вдруг остановится стая, замрет, чутко вглядываясь в сторону человеческого жилища, и потянется надрывной невидимой стрункой в мерзлое небо волчья песня. Сначала завоет волчица — тоскливо и безутешно, будто жалуясь на незавидное волчье положение, а затем возьмется разрывать и без того неустроенную душу ноября матерый волчище — с хрипотцой, одиноко и страшно распевая никому неведомую волчью долю и удаль. Прибылые с переярками сидят, прижавшись задами, молча, не вступают молодыми голосами, только наострая уши, а ты, выйдя в ограду и заслышав

проникновенный звериный вой, вдруг подумаешь: как неосмотрительно ведут себя волки, предупреждая всех о своем приходе. Но на то они и волки, что ни под кого не подлаживаются, живут свободно, и своим отрешенным воем скорее предупреждают о том, чтобы всяк знал: и по его душу идут бесстрашные звери, надеясь на свою отчаянную смелость и силу. Волки поводят носами по воздуху: так сладко попахивает дымком и гусями, взбудораженно заготовавшими в теплом хлеву, а еще где-то в закутах затолкались и заблеяли овцы, замычали телята, обеспокоенно растявкались собаки. Ближе деревня...

Только человек может совладать с волками, подкарауливая их на приваде или обкладывая днем флажками. Но зорек и осторожен волк, не дастся так просто в руки даже опытных охотников. Волки — краса русского леса, его воля и грация, мощь и тайна. Неслышно крадутся они ноябрьской ночью возле самой деревни, никого не боятся, а лай обезумевших собак только нарастает. Зверям же — хоть бы что!

Всё как-то расхристанно и в то же время необыкновенно собранно в эту позднюю ноябрьскую пору. Воздух проникнут неясным ощущением беды, и не покидает чувство, что должно случиться непоправимое, отчего постоянно находишься в неприятном ожидании. Но ничего не происходит, и все же, в ноябре не можешь найти себе места. Связано это, наверное, с тем, что в последний осенний месяц все живое замирает, обрывается последняя связь с безвозвратно ушедшим прошлым, от которого ты еще не отвык, и безболезненно пережить это в считанные дни невозможно. Такова поздняя осень, таков необъяснимый и загадочный ноябрь, когда даже, бывает, отсутствует солнце.

Ноябрьское солнце, если оно и выключнется на короткое время,— зыбкое, размытое, похоже на бельмо в глазу неустроенной природы. О таком солнце даже не задумываешься — не до него! Улегся бы, наконец, снег, прикрыл изможденную от дождей землю и утеплил норы зверей. Солнце, наверное, чувствует равнодушное отношение к себе, быстро теряется в серой ноябрьской морозе, и на деревню опять наваливается привычная мгла, из-за которой не видно даже ближайшего лесочка.

...Если цвет и умирает, то происходит это, по всей вероятности, только в последний осенний месяц. Все улеглось к этому времени в изможденной природе, лес стал совсем равнодушным и отрешенным. Холодно и зябко кругом, каждый день полон неясного ожидания: может быть, нынче, наконец, снег окончательно укроет землю и деревья от ноябрьского непогодья?

На белых крыльях опускается на землю ненастоящая зима, ее первозимье. Освещенная ослепительным первым снегом молодость новизны мягко режет глаза, безмолвно озадачивает. В эту тихую пору, кажется, ничто не может поразить, да и сам ты, переполненный сменяющими друг друга за год впечатлениями, уже не способен остро воспринимать окружающее. Все

навешанное неустроенным ноябрем лишь ненавязчиво дотрагивается до тебя невидимыми пальцами, как бы оглушает.

Говорят, что ноябрь бывает хитер, когда, пытаясь угодить осени, одновременно старается не обидеть зиму. Почти каждый день неслышно схватываются они между собой, желая предопределить друг друга, но ничего у них не получается. То стылые дожди надоедливо ворошат пресытившуюся ими землю, а то вдруг неугомонный ветер, разбушевавшись, принесет под утро царство невероятно белого и чистого снега. Но, несмотря на все противоречия, ноябрь не в силах кого-нибудь обмануть: он может только на время запутать разочаровавшегося в нем было человека, и с лёгким сердцем отпустить...

В отличие от других месяцев, ноябрь не тревожит душу, а тихо заполняет ее умиротворенным светом. Почувствовав его в себе, ты начинаешь ощущать благодарность месяцу, которому суждено утихомирить страсти. У ноября нет той глубокой породы, что придает любому явлению известное благородство и твердость, зато он располагает к необходимой вдумчивости и тонкому созерцанию.

Лучше всего это созерцание удастся, когда к оконным стеклам лесной избышки липнут вздрагивающие дождевые струйки, к вечеру превращающиеся в мутновато-грязные наплывы, крышу скребет негнущаяся осиновая лапа, а ночью начинает падать снег. В такие дни для человека нет ничего более важного, чем ощущение времени, проводимого размеренно, просто, и нет страшней печали, чем невозможность достичь этого. Ноябрь, как ни странно, помогает человеку своей удрученностью, в которой, оказывается, тоже можно радоваться простой и удивительной жизни.

Обделенный солнечным сиянием, ноябрь — самое темное время года. И хотя, согласно поверьям, ноябрьские ночи только до снега бывают темны, с его появлением света прибывает немного. Встретившись посреди дня, рассвет с сумерками свою неясную дорожку торят, но именно благодаря им скорая зима копит свои силы, готовя будущее перевоплощение неустроенной природы в ее ослепительный восторг.

Ни серовато-белый, ни чешуйчато-пегий, ни в темных разводах муаровый цвет для ноября не идет на язык. Скорее, ноябрь отражает в себе бесцветье природы, ее изможденность, покой и зарождающуюся, робкую надежду. Последний осенний месяц — это сумерки года, время смирения, покорности в природе и ее отдохновение, предназначенное возродить давно забытое, но необходимое для жизни старое, обращенное круговоротом сил в природе к новому непрекращающемуся торжеству.

СОДЕРЖАНИЕ

Времена года в народном календаре с. 2

Времен цвета в природе с. 88